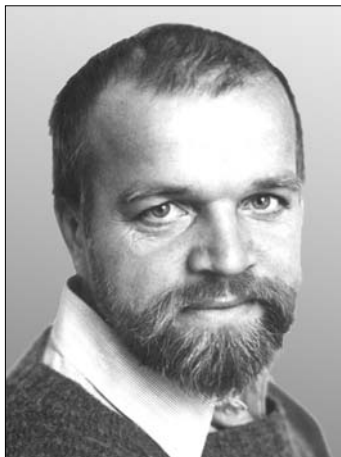

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...*

Александр Твардовский

*С благодарностью к дочери Маршала Наталии
Ивановне Коневой за предоставленные матери-
алы из семейных архивов и всяческую помощь
при написании этой книги*

Глава первая

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ ЛОДЕЙНО

*“Моя родина там, где не было крепостно-
го права и не ступала нога завоевателя”.*

Когда бываешь в родных краях прославленного человека, судьба которого тебя волнует особенно, всегда пристально вглядываешься в черты его родины и пытаешься разглядеть в них нечто такое, что, кажется, и дало тот

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор многих книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

внутренний толчок, который помог выйти твоему герою, как говаривали совсем недавно, на широкую дорогу жизни.

У маршала Ивана Степановича Конева, как, впрочем, и у большинства крестьянских детей, родина довольно скромная. Тихая северная деревня Лодейно. Когда-то, в пору детства нашего героя, она относилась к Щёткинской волости Никольского уезда. В то время уезд входил в Северо-Двинскую губернию. Потом, когда начались деления и переделы, связанные то с одной властью и её политикой, то с другой, уезд и родная деревня Ивана Конева попеременно отходили то к Вологодской губернии, то к Вятской. Теперь Лодейно принадлежит Подосиновскому району Кировской области. Вот и спорят вологодские с вятскими, кому же из них приходится истинным земляком прославленный полководец XX столетия, кому он роднее. Подолью масла в огонь и я. Когда весной 1945 года в Южной Саксонии, где тогда стоял штаб 1-го Украинского фронта, маршал диктовал свою биографию писателю Борису Полевому, то начал буквально следующим: “Родился я в деревне Лодейно на Вологодчине...” Вот так и выпало из памяти маршала Конева северодвинское его происхождение: “...на Вологодчине”. Правда, как часто случается, всё своим мудрым ладом умиротворил поэт, на этот раз свой, местный, подосиновский, а устами поэта, как известно, говорит его родная земля:

*...Вологодские, вятские —
Все мы крови одной,
Наши судьбы солдатские
Перевиты войной. (М. Рыбин)*

Лодейно же деревня, как уже было сказано, довольно обычная. Таких по речке Пушме когда-то стояло много. Слава богу, что Лодейно и по сей день жива, шумит, рождает детей, трудится и кормится как может. И особо хранит в своей памятной душе образ одного из своих сыновей, который когда-то в смутный период истории России выпорхнул из родительского гнезда, и судьба его приласкала своей и доброй, и недоброй лаской, сделав маршалом СССР, и возложила на его плечи тяжкий груз ответственности за судьбы миллионов людей, которых он посылал на смерть, чтобы их потомки могли жить на своей земле хозяевами, в мире и довольстве.

Однажды в разговоре с народной артисткой СССР, актрисой МХАТа Ангелиной Степановой зашла речь о родине маршала. Разговор этот произошёл уже после войны, в стенах МХАТа. Чуткая к слову Ангелина Степанова поразила чистотой и богатством речи маршала, его особым интонациям, в которых чувствовался русский Север, своеобразие, исконность. Актрису удивило ещё и то, что с годами Конев несколько не растерял этот свой особый северный, родовый дар.

— Моя родина, — ответил Конев, — там, где не было крепостного права и не ступала нога завоевателя. Мы сохранили свободный и вольный язык славян, которые жили под Великим Устюгом.

Суровый северный край. Некогда Устюгский удел Ростово-Суздальского, а затем великого Владимиро-Суздальского княжества. Когда-то Устюг стоял несокрушимой крепостью на древнем торговом и военном пути новгородцев по реке Сухоне вниз, к хлебородным землям. Устюгская земля дала России знаменитого путешественника и открывателя новых земель Семёна Дежнёва, воина, покорителя Приамурья Ерофея Хабарова, исследователя Камчатки Владимира Атласова.

О своей родной деревне Конев вспоминал так: “...вологодская деревня, высокие дома с подклетами, рубленные из толстых брёвен. Колодезные журавли. Корыта для пойки лошадей и коновязи чуть ли не под каждым окном. Это для проезжавших подводчиков, останавливавшихся на ночлег или постой. Деревня наша была большая, лежала на большаке, ведущем из Котельнича в город Великий Устюг. По этому большаку непрерывно в оба конца, в особенности зимой, ходили длинные обозы с хлебом вглубь страны и с

водкой для всех казёнок¹ в обратную сторону. Вот этот оживлённый тракт в значительной степени и определял жизнь нашей деревни”.

Речка Волосница, на которой стоит Лодейно, неподалёку расходится вширь и образует небольшой залив. Можно предположить, что когда-то он был полноводнее. Именно здесь, на этом плёсе и его берегах, как утверждают местные старожилы, их предки ладили лоды.

По переписи 1895 года по Вологодской губернии записано буквально следующее: “Деревня Лодейно. Пушемско-Николаевского прихода Щёткинской волости Никольского уезда”. В более ранних письменных источниках упоминается в связи с событиями X—XII веков как место жительства племени угро-финнов. Когда новгородцы начали заселять земли Поюжья, то есть бассейна реки Юг, здесь, по всей вероятности, произошла ассимиляция народов. Из этой уникальной историко-культурной плавильни на берега реки Юг, Сухона, Вятка и их притоков вылилось удивительно красивое, самобытное и мужественное племя людей, веками пахавших свою землю, растивших на ней хлеб, строивших прочные и просторные жилища из кондовой сосны, защищавших порубежье от лихих и беспокойных соседей. Русский Север. Суровый быт накладывал отпечаток и на характер здешних жителей, веками выковывая в нём чувство собственного достоинства, свободолюбие, стойкость и умение общее, общинное, государственное поставить выше личного.

Дом, в котором родился Иван Конев, в середине XIX века построил его дед, тоже Иван Степанович. Дед имел прозвище — Епишня. Происхождение прозвища таково. В русских деревнях детей, рано оставшихся без отца, называли не по отчеству, а по имени матери. Мать Ивана Конева-1 звали Епифанией. А детей — Епишня.

Дом Коневых в Лодейной стоит до сей поры. Теперь в нём музей маршала.

Иван Епишня был человеком предприимчивым. И землю пахал, и лес валил, и извозом занимался, и торговлишку вёл. Его стараниями в Лодейной была построена школа для крестьянских детей. Детей тогдашняя Россия, в особенности сельская, рожала щедро. Не исключением был и русский Север. Вот и у Ивана Степановича Конева было четверо: трое сыновей и одна дочь.

Дети растут быстро. Сыновья поднялись и все трое, каждый в свой срок, отслужили службу в царской армии. Старшие вернулись в звании унтер-офицеров. Младший угодил на войну, в самое пекло, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве.

В феврале 1897 года Степан Иванович Конев высватал за себя крестьянскую девушку Евдокию Степановну Мергасову. 15 декабря того же года у молодых родился первенец. В фондах музея маршала Конева хранится копия выписки из метрической книги. Привожу документ целиком: “Выпись из Метрической книги на 1897 год. Часть 1-я, о родившихся. Мужского пола. 106. Рождения декабря 15. Крещения 16. Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какого вероисповедания: Деревни Лодейной крестьянин Степан Иванов Конев и законная его жена Евдокия Степанова, оба православного исповедания. Звание, имя, отчество и фамилия восприемников: деревни Подволочья крестьянский сын Иван Степанов Мергасов. Кто совершил таинство крещения: Священник Пётр Жуков и диакон Виктор Нечаев”.

Вторым ребёнком Коневых была девочка. Назвали её Марией. Но день её рождения был омрачён смертью матери. Такое прежде случалось довольно часто. Женщины умирали родами. Воспитательницей Ивана и его младшей сестры Маши, как говорили в деревне, нянькой, стала тётка, младшая сестра отца Клавдия Ивановна. Судьба повторялась в роду Коневых: родители Степана Ивановича, Клавдии Ивановны и двоих их братьев умерли рано, и Степан Иванович, ещё неженатый, остался с малолетними братом и сестрой на руках, заменив им сразу и отца, и мать.

---

¹ Казёнка — государственная винная лавка, где продавали хлебную водку. Водка носила то же название — “казёнка”. До 1917 года эта водка являлась монополией Российского государства.

Первым другом Ивана в детстве был его дядюшка, Григорий Иванович Конев, младший брат отца. Этот Григорий Иванович был всего на несколько лет старше своего племянника. Все детские забавы дядюшка и племянник делили вместе. Как и Иван, Григорий рано остался сиротой. И его тоже воспитывала Клавдия Ивановна, в замужестве Мергасова. Одному из них она доводилась тёткой, а другому сестрой. Но обоим-двоим, по самой своей сути, — матерью.

Был у Вани Конева и ещё один дядя — Фёдор Иванович. Службу в царской армии отслужил в уланском полку. Затем поступил на службу в полицию, состоял в должности местного урядника и обязанности свои исполнял исправно и с завидным рвением, которое порой смущало сельчан, в том числе и Коневых.

Что такое детство в деревне? Воля! Рядом лес, река. Грибы, ягоды. Пескаринные места и щучьи заводи. Река Пушма невелика, но не мала. Чем-то похожа на среднерусскую реку Угру. И размерами, и берегами, и своими рыбными омутами. Но и домашние обязанности, которые деревенские дети познают довольно рано, были частью детства будущего маршала. С шести лет Иван был приучен к труду. Когда взрослые, в том числе и дядя Григорий, уходили, к примеру, на полевые работы, на сенокос или в лес, заготавливать на зиму дрова, его оставляли домовничать. Что значит домовничать в крестьянском дворе? В первую очередь, конечно, сторожить дом. Одновременно приглядывать за домашним хозяйством. А что значит — приглядывать? Нет, это вовсе не глядеть со стороны. Убраться в доме, подмести полы, прибраться во дворе. Выпустить из курятника кур, покормить их, поставить воды. Вынести меса свиньям. Почистить за ними. Встретить с полей корову. А если запаздывает домой хозяйка, то и подоить. Вечером загнать в хлев овец. Наносить воды, дров. Начистить картошки. Если пошёл дождь, убрать всё, что может намочнуть, под крышу. Хозяйство...

Но детство есть детство. Проказничали.

Однажды дядя Григорий сказал племяннику:

— Вань, хочешь, я тебя летать научу?

Как тут не согласиться?

Северные дома высокие. Дядя спустил племянника на полотенце в окно и начал раскачивать.

— Ну как? Летаешь? — крихтя от напряжения, спрашивал дядя, раскачивая племянника всё сильнее и выше, так что тот вскоре стал подлетать к обрезу кровли, к самым причелинам.

— Летаю!

И Ванька полетел...

Вечером, когда царапины немного подсохли, а синяки проявились во всей своей лиловой красе, отцу он объяснял, что упал, выгоняя из огорода соседского козла.

Дом Коневых стоял на бойком месте, *на юру*, как говаривают в здешних краях. Служил он не только хозяевам, но и проезжим подводчикам. А потому в бойкую пору, когда по большаку на Великий Устюг и обратно шли обозы, превращался в самый настоящий постоялый двор.

Подводчики — народ простой. Но интересный. И разговоры у них были интересные. Всё же бывали они в разных краях, многое успевали повидать, о многом слыхивали. Многие могли рассказать. Почти как в сказке Пушкина: Ой вы, гости-господа! Путь свой держите куда? Славно ли за морем, иль худо? Да какое в свете чудо?.. И — пускались корабельщики-подводчики в рассказы о своих странствиях и дальних неведомых краях...

Иногда в доме на юру останавливались постояльцы побогаче — приказчики, лесоторговцы. Вот тогда уж самовар на стол! Иван бежал в местную лавку за баранками и сахаром, за махоркой и водкой. Приказчики, те хоть и выглядели как настоящие господа, но почти все были из вчерашних крестьян. Курили махорку, чай пили вёдрами. Да и речи вели всё о том же. Вот, бывало, засидятся за полночь, захмелеют и — пошли языками чесать, рассказывать разные были и небылицы, сказки да побасёнки. У иного речь цветистая, заковыристая, с прибаутками да шутками, так что не сразу и пой-

мёшь, к чему он клонит. За извилистой дорогой пути не видать... Особенно нравились Ивану рассказы о войне. Дух захватывало, когда кто-нибудь из постояльцев заводил сказ о том, как он служил солдатом в полку: “А вот как отдали меня, братцы мои, в полк, а полк наш стоял там-то, тут я жизнь повида-а-ал!.. Плюй в ружьё, да не мочи дула!..” — “А на войне ж ты бывал?” — вдруг спрашивал кто-нибудь особо охочего до разговоров, чтобы пуще раззадорить его. “А как же!” — отвечал тот, как будто только того и ожидал. И начиналась какая-нибудь удивительная или страшная история о Русско-турецкой войне или походе генерала Скобелева в Закаспийскую область, чтобы усмирить непокорных текинцев. В то время ветеранам Шипки было по пятьдесят лет, а участникам Ахалтекинской экспедиции и того меньше. Только что отгремела Русско-японская война, и инвалиды в местную казёнку заходили в распахнутых шинелях, чтобы опрокинуть стакан-другой за здоровье государя-императора и за упокой души героя Порт-Артура адмирала Макарова.

Заметил Иван, что над теми, кто не послужил в солдатах, посмеивались, порою зло: “Грешно чужою кровью откупаться”. Или: “Служить, так не картавить, а картавить, так не служить, как говорил Суворов-батюшка”. Поглядывали прикащики на стройного парня, говорили и ему: “Вот вырастешь, и тебя под красну шапку отдадут...”

И деревенский мальчик, слушая эти истории, очень похожие на те, которые он знал по книжкам, понимал, что на свете есть другая жизнь, более интересная. И “красна шапка” казалась ему вовсе не тяготой судьбы, а почти что счастьем — пропуском в новую и необычную солдатскую жизнь, где гремят ружейные залпы, ухают пушки, звучит булат, визжит картечь, и с гулом летит конная лава, чтобы смять атаку противника... Эх, сказка, а не жизнь!

Когда Иван и дядя Григорий подросли, отец начал их брать в лес, на лесозаготовки. Конев вспоминал: “Зимний лесоповал — нелёгкое мужское дело. Сосны огромные. Надо её подрубить, свалить в нужную сторону, обрубить сучки, распилить, поднять на сани и отвезти к речке Пушме...” По реке лес сплавливали до деревни и дальше, смотря по надобности. Но прежде сплавивали, связывали в плоты, чтобы не растерять лес и труды всей зимы на водном пути. “Работа не для мальчика, — рассказывал Конев Борису Полевому, — что верно, то верно. Однако работа научила нас многому. Так, благодаря колу и ваге, которыми мы приподнимали и перекачивали брёвна, я понял, что такое рычаг первого рода, задолго до того, как узнал о нём в школе на уроки физики”.

Вначале Иван окончил сельскую трёхклассную школу — церковно-приходскую. Школа та находилась в четырёх верстах от Лодейно в деревне Яковлевская Гора. В школу ходил вместе с дядюшкой Григорием. Так и росли вместе. Соседи, глядя на них, с улыбкой говорили: дядя с племянником, как чёрт с мельником... В классе Иван оказался недоростком, на год моложе своих одноклассников. Учителем в сельской школе был, как вспоминал Конев, человек уже пожилой, прекрасный педагог, любивший своё дело и особенно один предмет — чтение. Вот на чтение Иван сразу и нажал. Тем более что учитель, почувствовав страсть мальчика к военной истории, начал приносить ему книги из своей библиотеки, так как школьную Иван Конев, освоив грамоту, перечитал довольно быстро.

“После первого класса, — как писал Борис Полевой в своей книге “Полководец”, — соседи уже заставляли его читать письма, а то и старые газеты, которые завозил в глушь из города какой-нибудь подводчик”.

Церковно-приходскую школу Иван окончил успешно в 1906 году. При выпуске ему вручили похвальный лист. А учитель от своего имени присовокупил к тому листу прекрасное издание комедии “Ревизор” Николая Васильевича Гоголя с очень значительной надписью: “За выдающиеся успехи и примерное поведение”.

— Учись, учись, Ваня, — напутствовал учитель лучшего своего воспитанника. — Образованный человек сможет больше послужить своему Отечеству. А что может быть выше служения своему народу?

Кто знает, возможно, именно эта надпись, сделанная старым приходским учителем, и его напутственные слова разбудили в мальчике то здоровое честолюбие, которое и повлекло его к дальнейшей учёбе и стараниям как можно лучше исполнять то дело, которое поручено и на которое наставила судьба и детская мечта.

Следующей ступенью в учении было Пушемско-Никольское четырёхклассное земское училище. Находилось оно в селе Щёткине, в десяти верстах от Лодейно. “Десять вёрст пешком отмахать зимой туда и обратно — не шутка, — вспоминал Конев. — Но тяга к учению была сильная”. Вскоре при училище был открыт приют, и Ивана, хорошо успевающего по всем предметам, сразу же приняли на полное обеспечение. Учителем в земском училище был либерал, толстовец, страстный любитель литературы Илья Михайлович. В Щёткине при выпуске, который состоялся в 1910 году, Иван был отмечен похвальным листом. “Сейчас вот вспоминаю моих учителей, — рассказывал маршал в 1945 году Борису Полевому, — и сельского кузнеца, и ветерана Алёшку-турка, всех вспоминаю с большой благодарностью. Общение с такими людьми обогащает душу, а это ох как надо было в те глухие времена!”

Конев вспоминал о своей привязанности к кузнечному делу. Жил в Лодейном кузнец Алёша Артамонов. Человек мастеровой. Что угодно мог выковать из бесформенной заготовки. Известное дело, в деревне кузнец да конюх — первые люди. Одно время подался Алёша в Ярославль, устроился там на завод. На курсах выучился грамоте. Пристрастился к чтению. Больше всего Алёша любил читать исторические романы, былины. Хотя почитывал и разные брошюры о текущей, как говорится, жизни. Однажды одну из таких брошюрок в его вещах обнаружили полицейские, и Алёша был выслан из губернского города по месту жительства “по причине неблагонадёжности”. Алёша вернулся в родное Лодейно, открыл кузню. Дела его шли неплохо. Семью кормил. И по-прежнему в свободные вечера читал исторические романы. Некоторые из них знал почти наизусть. Вот почему деревенская ребятня, кроме того, что в кузне можно было постучать молотком по мягкому раскалённому металлу, так и крутилась вокруг кузнеца. Ошинует Алёша колесо, загонит на место новые втулки, отправит в путь очередного подводчика, съедет на лавке у горна, прикурит от раскалённой заготовки и начинает очередную свою сказку. О походах князя Олега в греческую землю, о Петре Великом, об Иване Грозном, о Суворове и адмирале Нахимове, о находчивом и неунывающим русском солдате, которому сам чёрт не брат и который может и суп сварить из топора, и выйти из самого безвыходного положения героем, и всегда весел и счастлив! Как вспоминал Конев, самого положительного мнения из всех российских правителей Алёша-кузнец был о Петре Великом. Потому, что тот, кроме всего прочего, чем обязан заниматься царь, был добрым кузнецом, что заботился о могуществе России, и в первую очередь об армии и флоте.

Рассказы Алёши-кузнеца проникали в самую душу Вани, будили воображение. Хотелось поскорее вырасти, набрать тот гвардейский рост, при котором его непременно примут в Преображенский гренадерский полк, выдадут красивую форму, винтовку, подсумок с патронами...

Жил в деревне и ещё один Алёша. Этот носил прозвище Турка. И замечателен был другим. Человек он был вроде и зряшный, частенько запивал, не отличался хозяйственностью. Но было в нём то, чего не имели другие. Он был старый солдат. А значит, именно тот, о ком складывали в народе сказки и писали в книгах. Алёшка Турка отмахал на царской службе свои двадцать пять лет и вернулся на родину. И самым главным событием его службы была война с турками. Бои у Плевны. Шипкинский перевал. Попал Алёша в самое пекло тех событий. Любил рассказывать о том, что довелось повидать, пережить. Человек он был с юмором, и подчас невозможно было понять в его рассказах, где он шутит, а где, сквозь слезу, говорит самую что ни на есть душевную правду. Очень часто ребяташки уговаривали Алёшу Турку рассказать о том, как он однажды всю атаку провисел на гвозде. А дело было так...

Изготовился их батальон к наступлению. Командиры поставили задачу, наметили ориентиры. Алёше с товарищами предстояло идти мимо болгарской

деревни. И вот пошли. Чтобы спрямить себе путь, он решил не обходить усадьбу, а перелезть через забор. Забор хозяин выстроил прочный, не хуже вологодского. И вот, перелезая его, Алёша зацепился ремнём ранца за кол и повис. Росточка солдат был далеко не богатырского, болтался-болтался, да так и провисел всю атаку на колу. Начальство его смекалки и рвения первым быть в атаке не оценило и приказало пропустить сквозь строй под шомполами.

Так что военная служба, как ещё в детстве уяснил себе Иван Конев, это не только красивая форма, героические атаки, штурмы вражеских укреплений и крепостей, походы, ордена и трофеи, но и опасность во время атаки оказаться на колу, с которого тебя снимут под шомпола твоих же товарищей...

По праздникам Турка облачался в свою солдатскую гимнастёрку, надраивал медаль и шёл в казёнку, где опрокидывал рюмку-другую-третью и, захмелев, плёлся домой. Если навстречу попадалась ребячья ватага, останавливал её:

— Стройся! Равняйся! Кругом марш! Эх, сено-солома, курицыны дети!

Ваня Конев с дядюшкой Григорием со своими товарищами по детским забавам тут же охотно выстаивались *во фрунт*, изумляя Алёшу-Турку и переполняя его гордостью за то, что тот был когда-то солдатом и служил под началом самого генерала Скобелева...

Было в этом старом деревенском чудике нечто такое, что не просто влекло к нему мальчишек, но и заставляло их потом с особым чувством брать в руки книжки о подвигах отцов и дедов, о походах русского войска в дальние страны, чтобы помочь братьям по вере и крови защититься от бусурман и притеснителей.

Так что учителями Вани Конева были и эти два Алёши, кузнец-книгочей и старый солдат-скобелевец, получивший за храбрость в период боёв на Шипкинском перевале медаль.

После окончания земского училища отец Степан Иванович устроил сына табельщиком по приёмке леса. Табельщик — должность на лесозаготовке серьёзная. Надо не только знать грамоту и быстро считать, но и быть добросовестным, ответственным. Тут впервые его начали звать по имени и отчеству — Иваном Степановичем. Но быстро закончился рабочий сезон, табельщик на лесоскладе стал не нужен. Лес начали вязать в плоты и погнали вниз по реке Пущме к Яхренье, где река впадала в более полноводную реку Юг, и уже мощный Юг, вобрав в себя силу притоков, нёс плоты к Великому Устюгу.

Вот по этому водному пути в один из дней и проводил Степан Иванович своего сына Ивана Степановича *в люди*. Что ж, как говорят, что в людях ведётся, то и нас не минует. Судьба Конева до определённого времени ничем особым не отличалась от судьбы его сверстника, который с котомкой за плечами отправлялся из родительского дома в большую жизнь с надеждой устроить её так, чтобы не только самого себя обеспечить, но и помогать семье. В пути Иван, чтобы не быть нахлебником, помогал плотогонам. Благо и эту работу он знал. До Архангельска путь не близок. В берестяном коробе, собранном в дорогу няней Клавой, лежала чистая косоворотка, пара белья и письмо отца к своему брату и дяде Ивана Конева Дмитрию Ивановичу Коневу. Дядя работал в архангельском порту грузчиком. Жил, как и все портовые люди, которым приходилось тяжёлым физическим трудом зарабатывать свою копейку, небогато, но племянника принял с добром, по-родственному, дал угол и помог устроиться в порту по прежней специальности — табельщиком.

Он ещё вернётся на свою родину, в Лодейно. Но это будет странное возвращение. Новое свидание с родиной станет следствием великой смуты, которая всколыхнёт всю державу, потрясёт её устои, обрушит многие основы, но вместе с тем и станет истоком новой жизни, и Иван Конев прикинёт к тем, кто первым и всем сердцем почувствует это. Та новая встреча станет недолгой. После неё Конев расстанется с родной Вологодчиной навсегда. Казалось бы, навсегда. Жизнь захватит новым вихрем. Но, как известно, детство человек не проживает бесследно, детство уходит в подсознание,

чтобы всю жизнь потом окликать неожиданными воспоминаниями, смутными голосами и яркими картинками счастья, которое принадлежит только тебе одному.

Изучая жизнь маршала, перебирая её, запечатлённую в документах, хрониках, свидетельствах родни и людей, знавших его, я пришёл к мысли о том, что родиной Конев был наполнен всегда, всю жизнь; её корни прорастали в нём, в его характере, в поступках и решениях, в отношении к людям, к делу, к службе, которой он отдал всё; его родовое светилось в его глазах, проступало в лице, звучало в лёгком северном говорке. И всегда в гуще людей, в, казалось, безликом скопище армейской массы, которая постоянной рекой протекала перед ним, он безошибочно узнавал земляков — по родной речи, по разрезу глаз и лёгкой скуластости лиц, по жестам, в которых угадывались одновременно и северная сноровка, и несуетливость, чувствовалось достоинство терпеливых людей, привычных ко всему — и к тяжёлой физической работе, и к тяжкой обязанности идти на смерть.

Глава вторая

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

“... начал солдатом”.

Долго в портовых табельщиках при хорошем заработке Коневу ходить не пришлось.

1916 год. Уже два года шла война, которая впоследствии войдёт в историю войн как Первая мировая. Газеты пестрили тревожными сообщениями с фронтов. Дядя Дмитрий Иванович поглядывал на племянника с беспокойством. Потери обеих сторон росли. Старый солдат Дмитрий Иванович хорошо понимал, что вот-вот начнут призывать и Иванов год. В связи с военными действиями не улучшалась жизнь и внутри империи. Дорожали продукты питания, другие товары. Приходилось потуже затягивать пояса. Как и всегда, нестроения в государстве особенно тревожным эхом отдавались в глубине простого народа.

— На рать сена не напасёшься, — ворчал Дмитрий Иванович, снова и снова заглядывая в казённую бумажку, доставленную на имя Ивана Степановича Конева, 1897 года рождения и подписанную местным воинским начальником.

— Что это, дядя? — спросил Иван, а у самого уже колыхнулось внутри.

— Судьба твоя. Вот что. Иди и помни: то, что иному по уши, удалому по колено. Коневы никогда перед врагом не дрожали. Отец тебе сказал бы то же.

И пошёл Иван на войну.

Но вначале была учёба. Запасной полк.

Из Вологды команду новобранцев отправили вначале в Моршанск. Здесь Конев окончил свою первую военную академию — солдатскую. Борис Полевой об этом периоде службы Конева, который теперь бы поименовали курсом молодого бойца, написал следующее: “Здесь новобранец показал себя грамотным и дисциплинированным. Ему не пришлось, как бывало с иными рекрутами, засовывать в голенища сапог сено и солому, чтобы отличать правую ногу от левой. Но он никак не мог свыкнуться с самодурством ефрейтора. Не сразу усвоил, что ефрейтор, например, может заставить тебя чистить сапоги, и тяжело переживал, еле сдержался, когда рядом с ним ефрейтор влепил его однодеревенцу в ухо”.

По поводу “однодеревенца” Борис Полевой, возможно, допустил неточность. Если Конев призывался в Архангельске, то рядом с ним вряд ли были его земляки из Лодейна. Что же касается “в ухо”, то, конечно, человеку, родившемуся и выросшему в краю, где не любили ломать шапку перед господами, не терпели любых притеснений, трудно было привыкнуть к новым отношениям между командиром и подчинённым. Можно себе представить, как хотелось Ивану Коневу засветить в ухо первому своему армейско-

му начальнику в чине ефрейтора. Но служба ему понравилась, и он понял, что, для того чтобы стать в армии кем-то, надо вначале многое претерпеть, многое подавить в себе. В книге “Маршал Конев — мой отец” дочь маршала Наталия Ивановна Конева пишет: “Во время отдыха в санатории “Барвиха” мама записала рассказ отца о событиях дореволюционных. Эта запись с небольшими сокращениями публикуется впервые. “В мае 1916 года я был досрочно призван в царскую армию. Через полгода призвали и моего отца, в ополчение. Призывной пункт находился в городе Никольске. (Значит, призывался Конев не в Архангельске. Повестку ему, по всей вероятности, в Архангельск переслали из уездного Никольска соседней Вологодской губернии. — С. М.) Я был парнем крепким, сильным, физически развитым, и меня решили определить во флот, что меня вполне устраивало, но уже на вторые сутки меня отправили в пехоту, в 212-й полк под Моршанск. Тут я прошёл свои армейские “университеты”: то ефрейтор приказал сапоги ему чистить, то сосед по казарме оплеуху норовил вклепить, то с температурой “40” отправили на покос, нужно было запастись сеном для армейских нужд. Но служба в армии многому и научила. Я освоил все ружейные и строевые приёмы. Однажды в часть, где я служил, наведались офицеры, чтобы отобрать людей в школу прапорщиков. Меня отобрали в артиллерию, определив во 2-ю запасную тяжёлую артиллерийскую бригаду...”

Месяц муштры, скудной солдатской каши, деспотизма ефрейтора, который был, конечно же, не лучшим ефрейтором Русской императорской армии образца 1916/17 годов, и роту молодых солдат выстроили на плацу для того, чтобы распределить их по командам для дальнейшей службы. Образовательный ценз Ивана Конева, характеристика, данная ему за предшествующий период учёбы, в том числе и зверем-ефрейтором, позволили направить его для дальнейшего обучения воинской специальности. Так Конев впервые оказался в Москве.

Николаевские казармы располагались на знаменитой Ходынке. Здесь дислоцировалась 2-я Гренадерская артиллерийская бригада. С началом военных действий бригада отбыла на Юго-Западный фронт, а здесь, в казармах действовала учебная команда бригады. Здесь же, на Ходынском поле, был устроен артиллерийский полигон, и поэтому местные долго называли это поле Военным. После октября 1917 года Военное поле стали именовать Октябрьским. Там же размещался аэродром Московского общества воздухоплавания. Здесь, над Военным полем и Николаевскими казармами, закручивал свою “мёртвую петлю” поручик П. Н. Нестеров. С 1926 года это место стало Центральным аэродромом им. М. В. Фрунзе.

В учебной команде Иван Конев засел за книги. Дело в том, что специальность разведчика-наблюдателя требовала многих знаний, в том числе необходимо было быстро производить геометрические и тригонометрические вычисления. Приходилось консультироваться с товарищами, которым артиллерийская наука давалась легче, с офицерами, засиживавшаяся в учебном классе по ночам.

В архиве маршала, бережно хранимом дочерью Наталией Ивановной, сохранился учебник 1913 года, издательства “В. Березовский. Комиссионер военно-учебных заведений. С.-Петербург, Колокольная улица, дом 14”. Это учебник для пехотных учебных команд, руководство для унтер-офицеров. В разделе “Обязанности нижних чинов” рукой Конева синим карандашом отчёркнуты два абзаца. Приведу их полностью, так как суть, заключённую в них, конечно же, просеивая через сито семейного воспитания и тех нравственных ценностей, которые он вырастит в себе сам посредством дальнейшего образования и самообразования (в особенности чтением книг, литературы, специальной и художественной), Конев пронесёт через всю свою жизнь.

“Каждый нижний чин должен всегда и везде иметь бравый и молодецкватый вид, держать себя с достоинством, быть трезвым, с посторонними вежливым, не вмешиваться в споры, не участвовать в сборищах, драках, буйствах и в каких бы то ни было уличных беспорядках”.

“Не посещать вовсе клубов, маскарадов, публичных танцевальных вечеров, ресторанов, буфетов и других заведений, где производится продажа

спиртных напитков и пива (кроме станционных и паровозных буфетов 3-го класса)».

Пройдёт двадцать восемь лет. Бывший унтер-офицер 2-й тяжёлой артиллерийской бригады маршал Советского Союза Конев, стройный и подтянутый, выйдет на парад Победы и пройдёт по брусчатке Красной площади во главе 1-го Украинского фронта. В руке будет сиять сабля, на груди ордена и среди них орден Победы.

Второй пункт руководства для унтер-офицеров, настойчивое следование ему, погубит его первую семью. Однако и ему он будет следовать всю жизнь. Но об этом чуть позже.

На Юго-Западный фронт Конев отбыл в 1917 году. Зачислен на должность унтер-офицера 2-го отделения артдивизиона. 2-я Гренадерская тяжёлая артиллерийская бригада имела трёхбатарейный состав: первая и вторая батареи были вооружены шестидюймовыми гаубичами; третья — 42-линейными полковыми пушками образца 1910 г. Бригада считалась одной из лучших на этом участке фронта. Вскоре была включена в состав так называемых «частей смерти». «Части смерти», или «ударники», имели даже особую форму и знаки различия. К примеру, офицеры и солдаты на фуражках и папахах носили кокарду в виде так называемой адамовой головы со скрещенными мечами и лавровым венком. Такая же эмблема носилась на погонах и в петлицах. Погоны и петлицы обшивались серебряным галуном. А на рукав нашивался чёрно-красный угол. Эти знаки различия впоследствии были упразднены Приказом главковерха Н. В. Крыленко № 979 от 9 декабря 1917 года.

В дивизион большевики приносили листовки и газеты. Чаще всего они тут же шли на сигарки. Но иногда батарейцы просили молодого фейерверкера почитать им какую-нибудь статью. Газеты Конев начал почитать ещё в Москве. Простым солдатам по душе пришёлся лозунг большевиков: «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам, власть трудящимся».

В 1965 году в Барвихе на даче в беседе с Константином Симоновым Конев, перечисляя свои служебные ступеньки и особо нажимая на то, что «пять лет командовал полком и в общей сложности семь лет дивизией», сказал не без гордости:

— А начал солдатом! Практически прошёл все военные ступени, которые существуют.

Первая воинская специальность Конева — фейерверкер — не раз помогала ему в дальнейшем, а однажды спасла жизнь. Под Витебском в июле 41-го, в самый разгар летних боёв, ему пришлось стать к панораме противотанковой пушки, которую солдаты позднее прозвали «Прощай, Родина». Он выстрелил удачно. В противном случае о Коневе, как о маршале Победы, эту книгу писать бы не пришлось. Выстрелил и попал в немецкий танк. Но об этом рассказ впереди.

Дальнейшая судьба унтер-офицера Конева складывалась так:

«Однажды мне в руки попала газета «Русское слово». Помещённые в ней материалы были восприняты как правда, которую от нас долго скрывали: о нравах царского двора, о царице-немке, о Распутине, об упадке, который охватил Россию». По всей вероятности, Конев имеет в виду публикации в связи со смертью старца Григория Распутина. В то время популярность Григория Ефимовича Распутина-Новых была необыкновенной. Фигура Распутина часто упоминалась в связи с царской фамилией и в весьма скандальном контексте, в котором религиозность, целительство и сексуальная озабоченность «старца» составляли одно целое. В России было смутно. Неудачи на германском фронте эхом отдавались по всей стране. Накалялись антинемецкие настроения. Распускались слухи, что Российской империей руководит «святой чёрт» Гришка Распутин, немка-царица Александра Фёдоровна и их сводница Вырубова».

Известно также, что в марте 1916 года, то есть примерно за год до отправки унтер-офицера Конева на фронт, германские цепелины разбрасывали над русскими позициями в большом количестве «карикатуру, изображавшую Вильгельма, опиравшегося на германский народ, и Николая Романова, опиравшегося на половой орган Распутина». Листовку использовали агита-

торы от различных революционных, настроенных антимоноархически партий, распространяя их в окопах, в госпиталях, на батареях и даже в штабах.

“Газету “Правда” тоже иногда добывал и внимательно читал, — вспоминал Конев. — Временное правительство готовило военные действия на юго-западном направлении. Стали готовить оружие, оно, кстати, было английское. Вооружённые и оснащённые части отправляли под Тернополь. Наш дивизион задержали под Киевом, там нас стали обучать, повышать нашу боеготовность. А в это время в Киеве захватила власть Украинская Рада. Ночью гайдамаки произвели налёт на наши части и всех русских разоружили. Я прятал шашку и наган под полушубком — мне за это здорово попало. Все командиры перешли на сторону гайдамаков. Наш дивизион был настроен революционно, многие поддерживали большевиков, поэтому Рада приняла решение дивизион расформировать и отправить на родину”.

Можно предположить, что рассказ Конева, записанный женой Антониной Васильевной, и есть подлинная история унтер-офицера Конева. В 1965 году уже свободно можно было говорить о многом. В тридцатые же и сороковые годы признание вроде: “Все командиры перешли на сторону гайдамаков”, — могло послужить поводом для обвинений и ареста.

Не правда ли, рассказ Конева служит прекрасным комментарием для некоторых страниц романа Михаила Булгакова “Белая гвардия”.

В Киеве тяжёлый артдивизион задержался, по всей вероятности, по причине того, что летнее наступление, намечавшееся на южном участке фронта, провалилось. В основном из-за разложения, охватившего в то время армию. И дивизион, на всякий случай, чтобы сохранить хотя бы материальную часть, был оставлен в Киеве.

Вооружённое восстание в Киеве вспыхнуло вслед за восстанием в Петрограде. Власть в городе большевики захватили почти мгновенно. Но затем, 28 октября, отряд юнкеров и казаков окружил Мариинский дворец и арестовал находившийся там ревком в полном составе. Весть об этом мгновенно облетела город. Солдаты взбунтовались и атаковали казармы Николаевского военного училища, овладели артиллерийскими складами, гарнизонной гауптвахтой и выпустили арестованных революционно настроенных солдат. К 14 ноября повстанцы (против Временного правительства) победили. Но тем временем Центральная Рада стянула к Киеву верные войска, сформированные из солдат, настроенных националистически. Это были гайдамаки Петлюры и так называемые “вольные казаки”. Центральная Рада декларировала образование Украинской народной республики, а себя объявила верховным органом. Начались расправы над красновардейскими отрядами. Рада не признала законности октябрьского переворота в Петрограде и власти большевиков. В начале декабря в Киеве начали разоружать красновардейские отряды и подразделения, совсем недавно подчинявшиеся Временному правительству, а теперь симпатизирующие большевикам.

Маршал Конев очень скуп и туманно пишет эту страницу своей биографии. Возможно, потому, что дивизион, в котором он в то время служил, входил в состав гвардейского кирасирского полка или был прикомандирован к нему. Полк отказался “украинизироваться”, имел несколько стычек с “местными” подразделениями и вскоре был заподозрен в подготовке восстания против Центральной Рады. Возвращаться в Россию, охваченную большевистским восстанием, гвардейцы не могли, оставаться среди враждебной среды стало невозможно, и собрание офицеров Кирасирского полка приняло решение о самороспуске. 10 декабря 1917 года был издан последний приказ (№ 343) по полку: “...Полк категорически отказался украинизироваться, что по единому решению офицеров и кирасир было бы явно недопустимым для старого русского гвардейского полка. Наша полковая Святыня — Штандарт — после отказа полка украинизироваться был заблаговременно вывезен за пределы Украины. Когда Господу Богу угодно, мы соберёмся вокруг своего Штандарта и снова станем на стражу чести нашей дорогой великой родины — России, истерзанной войной и междоусобными распрями. Соберёмся тогда все, как один, и снова будем служить так же честно, как 200 лет служили наши деды и как мы служили до сегодняшнего, последнего дня на-

шего горячо любимого родного полка, просуществовавшего 215 лет...” Последним шефом полка был император Николай II. Офицеры вскоре собрались на Дону. Они были сведены в 3-й лейб-эскадрон под командованием штаб-ротмистра Вика. В январе 1919 года полк (полковник Коссовский), в который был включён эскадрон лейб-гвардейцев, вступил в бой. Через месяц был сильно потрепан при встрече с конницей Будённого у станицы Егорлыкской. 2 ноября 1920 года в составе полка 3-й эскадрон погрузился на транспорт “Крым” и покинул родные берега. В эмиграции объединение 3-го лейб-эскадрона насчитывало 32 человека. С приходом Гитлера к власти в Германии и началом Второй мировой войны лейб-гвардейцы вошли в Русский корпус. Но Гитлер так и не решился послать русских белогвардейцев на Восточный фронт. Конечно же, многого из этого Конев не знал. Но упоминать в анкетах название и свою, пусть даже косвенную причастность к полку, который до последних дней сохранял преданность царю, было бы безумием.

На фотографиях той поры Конев всегда с шашкой, которую носит по-кавалерийски. И рост у него был вполне гвардейский — 180 см. И русые волосы. И глаза голубые. Что было непременным условием для вступления в гвардейский Кирасирский полк. Но теперь всё это оставалось позади. И об этом не стоило напоминать никому, даже себе. Начиналась новая жизнь, более интересная и захватывающая.

Глава третья

РЕВОЛЮЦИЯ НА МЕСТАХ

“... нельзя действовать грубой силой”.

Зимой 1917/18 годов бывший фейерверкер дивизиона тяжелых орудий особого назначения возвратился в родные края. На жизнь он уже смотрел иначе.

“В наших краях в то время ещё существовали земские управы, — вспоминал потом маршал Конев. — Пришлось начинать революцию на местах. Все мы, солдаты, вернувшиеся из армии, большевистски настроенные, взялись за организацию советской власти в своей Щёткинской волости Никольского уезда. Не скажу, что всё шло гладко, но у нас было большое желание произвести революционные преобразования, и нам удалось найти правильную линию, хотя теоретически мы были народ слабо подготовленный. Говоря откровенно, всю нашу премудрость получили мы тогда из весьма популярной книжки, из “Азбуки коммунизма” под редакцией Бухарина и Преображенского”.

Запомните название этой “популярной книжки”, мы к ней ещё вернёмся, ибо именно её коммунистические постулаты отравят семейную жизнь (в первой семье), а отчасти и здоровье Конева.

В беседе с Борисом Полевым Конев вскользь признался, что, когда возвращался домой, мечтал пожить в тишине, отдохнуть. Но беспокоило и другое. Он знал, каково сейчас в деревне.

С тяжелыми и противоречивыми мыслями возвращался Конев на родину, хотя в глубине души был искренне уверен в справедливости власти большевиков, в том, что именно она принесёт народу, его землякам желанную свободу, возможность трудиться и пользоваться плодами своего труда.

Конев сошёл с поезда, огляделся. Вдохнул с облегчением, почувствовав, наконец, вокруг себя то родное, о чём давно тосковал. Забросил за спину вещмешок и зашагал по знакомому просёлку. Где-то там, в снежной тишине, за километрами, заметёнными снегами, в таких же снегах лежала его родная деревня Лодейно. Вскоре позади услышал храп лошади. Оглянулся. А из широких саней, застланных сеном, его уже окликнул подводчик:

— Садись, солдат. — Голос вроде знакомый. А может, это потому, что давно не слышал родного вологодского говорка, и вот теперь каждого встречного-поперечного готов признать за родню.

Опрокинулся в сено, и поплыли над головой облака, высокие сосны с шапками застарелого снега на могучих лапах.

— Ну, как тут живёте? Как новая власть? — спросил подводчика, которому и самому не терпелось поговорить попутчиком, тем более с солдатом.

— Что ж, живём, в долг не просим, — уклончиво ответил тот. — А что до новой власти... Она, может, и правильная. Свой брат, мужик, в волостных начальниках. Да только не крепко она на ногах стоит, эта самая советская власть. Ноги у неё дрожат.

— Это как же? С чего ей, нашей власти, дрожать? Власть народная, на своей, народной земле...

— Так-то оно так, — опять неопределённо согласился подводчик, — да только подламывают ей ноги, этой самой новой власти. Может, и ничего, устоит. А может... Так что это ещё вопрос.

— Какой вопрос? В Петрограде всё уже и решилось. Или ты не слышал? Мужик усмехнулся.

— Слышал, слышал. В Петрограде ухнуло, а у нас отозвалось... Но что из этого выйдет, ещё на воде писано. Моё дело сторона. Мне что ни поп, то батька. Моё дело крестьянское — пахать да сеять. В Питере, может, и ясно всё как божий день, а у нас края лесные, глухие... Многие на новую власть своё мнение имеют. Ты, служивый, вижу, большевик? Или агитатор?

— Да нет. Пока ещё просто сочувствующий.

— Ну, что ж, и это тоже должность. По нынешним-то временам. Только я тебе вот что скажу. Парень ты молодой. Подумай, кому сочувствовать. А лучше пока осмотришься. Там и ясно станет, сочувствовать этой власти или пока подождать.

Лошадь шла ходко. Добрая, сытая, она легко несла широкие пошевни. Упряжь тоже добротная. Должно быть, подумал Конев, и дом у него такой же прочный, основательный, с вековым духом дедовской сосны. И хозяйство под стать. В хлевах скотина, в чулане хлеб, замороженные бараньи туши да кули намороженных на всю зиму пельменей. А город голодает...

Начал расспрашивать подводчика дальше. Но тот, оглянувшись, только покачал головой:

— Здорово ж тебе, служивый, агитаторы голову заклумили. Вот скоро приедешь в своё Лодейно и сам всё увидишь.

Увидел. Услышал. Стал больше понимать, что столица — это одно. Там — сила. Там и на штыках власть можно поднять и удержать. А тут...

Дома обнял отца, няню Клаву. Заметил, как они оба постарели. Родня радовалась его возвращению. Особенно сестра Мария. Когда дядюшка Григорий вышел из комнаты при всём своём параде, Иван невольно ахнул: у того на груди сияли боевым серебром четыре Георгиевских креста. В душе позавидовал ему. Не пришлось Коневу повоевать за Отечество и отличиться в настоящем деле. А Григорий — настоящий герой! Только что-то глаз у дядюшки невесел...

Коневы жили дружно, большой семьёй. Затопили баню. Когда разделись, Иван увидел на исхудавшем теле дядюшки свежие, ещё не побелевшие шрамы. А тот, перехватив его взгляд, сказал:

— Вот мои кресты, Ваня. Тут их, как видишь, больше. — И вдруг спросил: — Ты у нас человек образованный. Вон сколько книжек привёз. Скажи, за что мы воевали?

— Боюсь, что война ещё не окончена.

Отец слушал их молча. Смотрел на сына, вспоминал себя в его годы. Но на душе было невесело. Новая власть слабая. Ни в волости, ни в уезде порядка нет. Всяк норовит на свой интерес полоза поставить... Но молодые своё будущее волят связать именно с ней, с новой властью, склоняются к большевикам. Наслушался Иван армейских агитаторов, начитался газет...

Как в воду смотрел Степан Иванович Конев. Утром сын встал ещё затемно. Побросал в свой солдатский вещмешок ещё сырое, а вечера выстиранное заботливой Клавдией бельё, связал шпагатом нужные книжки и, дождавшись первого же подводчика, ехавшего по Никольскому большаку, отправился в уездный город.

В Никольске солдат, который хорошо разбирался в текущей политике и правильно мыслил по поводу роли и места в этой политике партии большевиков, дали поручение: подобрать надёжных людей в Щёткинской волости, избрать там исполнительный комитет. И Иван Конев кинулся в новую для себя работу. Вскоре он с другими земляками, разделявшими его взгляды, в основном бывшими солдатами, побывал во всех деревнях и сёлах, переговорил с людьми. Созвали волостной съезд, избрали исполком. Время безвластия на родине заканчивалось. Его землякам тоже хотелось поскорее навести порядок, вот только не знали ещё крестьяне, какой он будет, этот большевистский порядок.

Маршал Конев вспоминал: “Затем меня избрали делегатом на уездный съезд Советов, где я был избран в уездный Исполнительный комитет и оставлен в городе Никольске на постоянную работу. Никольский уезд был очень большой, связь плохая, и ни одного шоссе, ни одной порядочной дороги. Страшное захолустье. Но мы выявляли в волостях актив: солдат, вернувшихся с фронта, представителей передовой интеллигенции, которые примкнули к большевикам...”

В 1918 году в Никольске, во многом по инициативе Ивана Конева, был создан “боевой революционный отряд”. Конева назначили его начальником. Всю жизнь в своём архиве он будет хранить дорогую его сердцу юношескую фотографию: первый состав того революционного отряда. На фотографии молодые никольцы, почти театральные нарочитые позы, обнажённые шашки, винтовки с примкнутыми штыками и револьверы в руках, у ног пулемёт “гочкис” на станке с заправленной лентой. В лицах уверенность, энтузиазм. Они ещё не знали, что впереди их ждёт жестокая война, кровавая междоусобная битва, с которой не все вернутся домой, в родной уезд и милые сердцу деревни и сёла.

“Отрядов Красной гвардии тогда не было, — вспоминал маршал Конев. — Красной армии тогда ещё не существовало, а вооружённая сила была необходима, нужны были надёжные люди, которые были бы способны продолжать революцию. Мы набирали в отряд людей наиболее преданных, готовых активно бороться за идеи Октября, в первую очередь тех солдат, которые уже проявили себя, показали своё отношение к революции конкретными делами. На первых порах в отряде было двадцать пять человек, а в последующем — около ста человек. С этим отрядом я выехал в волости. Чутьё мне подсказывало, что, подавляя восстание, нельзя действовать грубой силой — ведь многие из восставших ещё не разобрались, что за события произошли в России, что такое революция”.

1918 год для Советской России был годом смут и трагедий. Весной активизировали свою работу в деревне левые эсеры. Борьба за наркомат земледелия в правительстве молодой Советской России между большевиками и левыми эсерами, которые возглавляли Наркомзем и не желали его уступать, вылился в противостояние на местах.

Некоторые военные историки и публицисты, касаясь биографии Конева периода его комиссарской юности в родном Никольске, говорят о его работе в “военной комиссии, ответственной за продразвёрстку и борьбу с кулачеством”. На самом деле из публикаций об этом периоде жизни и деятельности будущего маршала невозможно совершенно определённо сказать, что же входило в его обязанности как военного комиссара Никольского уезда. Продотрядником Конев не был. Он не отнимал “излишки” хлеба у своих земляков, поскольку продразвёрстка была введена советской властью позже, в начале января 1919 года “в критических условиях гражданской войны и разрухи”. Но ещё в марте 1917 года Временное правительство ввело хлебную монополию, предполагавшую передачу всего урожая хлеба за вычетом установленных норм потребления на личные и хозяйственные нужды. “Хлебная монополия” была затем подтверждена Декретом Совета народных комиссаров от 19 мая 1918 года.

В уездах по всей России началась борьба с “мешочничеством”, то есть со спекулянтами хлебом. В условиях, когда цены на продовольствие устанавливали чиновники, а инфляция рубля приобретала катастрофические разме-

ры, крестьяне склонны были придерживать хлеб. Известно, что когда рубль нестабилен, народ начинает приобретать валюту. Самой твёрдой валютой в 1918 году стал хлеб. Свободная торговля советскими законами запрещалась. Продовольственные управы на первых порах не справлялись с потоком поступающего из деревень хлеба, кассы не имели денег, чтобы расплатиться со сдатчиками. Крестьяне почувствовали себя обманутыми новой властью и начали продавать действительные излишки хлеба и вообще продовольствия перекупщикам и мешочникам. Как заметил один из отечественных историков, исследователь периода первой русской революции: “Поднималась волна русского мешочничества”. По набитому тракту от Котельнича на Великий Устюг и далее на Сольвычегодск, к северным землям Архангельской губернии потянулись обозы и одиночные повозки новых ушкуйников, промышленявших незаконной куплей-продажей хлеба. В тот год родилась пословица: плохо с хлебом, зато хорошо с голодом. И голод в некоторых губерниях начался. Новая власть поняла, что она на грани катастрофы. Именно в этот период местные органы власти организуют отряды так называемых “легионов свободы” или “голодной гвардии”, которые изымали у спекулянтов припрятанные до лучших времён или вывозимые за пределы губернии или уезда партии зерна. Ситуацию подхлестнула в сторону её катастрофического обострения активизация левых эсеров. Справедливости ради стоит заметить, что именно продовольственная программа левых эсеров, которые считались большими знатоками крестьянского вопроса и которые в первый период революции были едины с большевиками, предложили идею “хлебной монополии”, а затем её реализовывали по всей стране.

В Никольске же в то время существовала и ещё одна серьёзная проблема. Наряду с новыми органами власти параллельно продолжала существовать и зачастую реально заправляла делами старая земская управа. В земстве заседали сторонники прежнего режима и гнули в свою сторону. Как говорится, бог своё, а чёрт своё. Хотя где бог, а где чёрт, мы, размышляя о том времени и исследуя его, страницу за страницей, до сих пор не можем разобраться.

Весной 1918 года Конев был принят на должность уездного военного комиссара Никольского уезда Вологодской губернии. Земляк маршала Геннадий Михайлович Пинаев вспоминал: “Иван Степанович в унтер-офицерской школе получил специальность артиллериста-вычислителя, поэтому умел пользоваться угломерными инструментами. Вот он и решил вдвоём с помощником под видом уездного землемера провести личную разведку и установить силы и расположение бунтующих. Так на тарантасе они объехали эти волости, выяснили, что активных бунтарей мало, поддержки населения нет, поэтому открывать боевые действия нет необходимости, достаточно лишь арестовать зачинщиков. Что и было затем сделано. Меня в этой истории поразил тот факт, что двадцатилетний комиссар, имеющий в своём распоряжении сотню солдат и два пулемёта “максим”, не воспользовался удобным моментом показаться лихим рубакой-командиром, огнём и мечом защищающим родную советскую власть, а сам, рискуя своей жизнью, пошёл в расположение врага и этим предотвратил неизбежное, кажется, кровопролитие. В этом эпизоде проявился тот Конев, которого потом любили солдаты и офицеры...”

Но не всё было так безоблачно. Эсеры, активно действовавшие в волостях, в основном среди зажиточных крестьян и хозяев, в базарные дни присылали в Никольск своих агитаторов и эмиссаров, распространяли листовки, подстрекали народ к неповиновению новой власти, к срыву запланированных мероприятий, в том числе поставок продовольствия городу. В листовках недвусмысленно угрожали: скоро, мол, возьмём власть, а эту развешаем на фонарях... Отряд Конева действовал. Но пулемёты пока молчали. Даже когда случался повод открыть огонь, чтобы сломить волну и наглость противника. Противника юный комиссар видел, но им был его земляк, вологодский мужик. Нет, не сразу заполыхала по русской земле эта кровавая метель — брат на брата. Не сразу...

Как рассказывает военный историк Григорий Макаров, “весной 1918 года в деревне Дурово Конев был сильно избит крестьянами и чудом спасся, вывезенный из деревни товарищами по команде, вынужденными крестья-

нами к отступлению”. Если это и так, то в драке Конев был безоружным, а это означает, что он пытался договориться с местными без кровопролития. В любом случае перед нами встаёт из прошлого не жестокий продотрядник, хладнокровно выгребающий у крестьян последние зерна пшеницы, а человек, наделённый властью и употребляющий свою власть с искренним желанием наладить в уезде новую, справедливую жизнь.

В это же время, весной 1918 года, Конева приняли в РКП(б). Очевидно, именно в этот период он окончательно решил связать свою судьбу с новой властью, со строительством в молодой Советской Республике вооружённых сил, новой армии. Вступление в партию большевиков стало серьёзным, глубоко осмысленным шагом к осуществлению мечты.

Летом 1918 года Иван Конев поехал в Москву. Его избрали делегатом на V Всероссийский съезд Советов. Вместе с ним на съезд ехал и ещё один делегат — уездный агроном от партии левых эсеров. Это характеризовало расклад сил, существовавший на тот период в политической жизни Никольского уезда Вологодской области. Любопытны впечатления Конева, которые он вынес из той поездки в Москву: “Мне помнится выступление на съезде одного из лидеров левых эсеров, Марии Спиридоновой. Нужно прямо сказать, оратор она была неплохой, говорила здорово. В чём только она не обвиняла большевиков, как только не клеймила Ленина. Вся наша фракция большевиков была возмущена её речью. Мы шумели, не давали ей говорить... Я наблюдал, как держал себя Ленин. Он сидел с краю за столом президиума и был совершенно спокоен. Иногда улыбался, покачивал головой, когда она бросала явно клеветнические обвинения. (...) 6 июля левые эсеры убили немецкого посла Мирбаха и подняли мятеж против Советской власти... Когда мы утром пришли на заседание, Большой театр был оцеплен войсками. У входа стояли латышские стрелки и несколько броневиков. Мы выходили на заседание большевистской фракции через сцену, а надо сказать, что сцена Большого театра — это такой лабиринт, что, не зная там всех переходов и выходов, трудно оттуда выбраться, поэтому на всех поворотах стояли наши товарищи — члены большевистской фракции и, указывая путь, говорили: “Немедленно отправляйтесь на заседание фракции в здание Коммунистического университета — на Большой Дмитровке”. И мы — бегом по Петровке на Большую Дмитровку. Заседание вёл М. И. Калинин. Михаил Иванович обрисовал обстановку, сложившуюся в результате выступления левых эсеров, сообщил о том, что убит немецкий посол, блокирован Кремль, что идёт борьба за московский почтамт, а под конец сообщил о том, что решением Центрального Комитета вся фракция большевистской партии съезда, партийная организация Москвы, весь рабочий класс столицы мобилизованы на разгром контрреволюционного мятежа левых эсеров”.

Воспоминания маршала прекрасно передают атмосферу того периода русской революции, когда чаша весов вдруг заколебалась и почва, казалось, начала уходить из-под ног у большевиков.

“Мне было поручено охранять Каланчёвскую площадь, теперешнюю Комсомольскую, три вокзала, с тем чтобы воспрепятствовать подходу враждебных мятежных сил в Москву. Задача эта была почётной и ответственной, но сил для её выполнения у меня было мало: всего два станковых пулемёта и максимум человек сорок бойцов. Впрочем, мы выполнили задачу довольно успешно.

На V съезде Советов была принята первая Конституция Советской России, показавшая всему миру, куда большевики ведут народ. Тогда же было принято решение создать регулярную Красную Армию для защиты молодой Республики Советов. Я уже сказал, что мы, солдаты-фронтовики, теоретически не были сильны, но у нас за плечами был тяжёлый опыт войны, и классово чутьём мы поняли значение принятой Конституции, умом и сердцем поверили, что правда там, где Ленин, где партия большевиков”.

Вернувшись из Москвы в родной Никольский уезд, уже без своего компаньона — “уездного агронома от партии левых эсеров”, Конев уже твёрдо знал, кто враг новой власти, в которой он искренне видел власть рабочих и крестьян, на что способен этот враг и как с ним надо бороться.

Вслед за мятежом левых эсеров в Москве, словно по мановению дирижёрской палочки в хорошо вышколенном оркестре, вспыхивают восстания против большевиков в Ярославле, Петрограде, Витебске, Жиздре, Симбирске, Казани, сотнях уездных городов и посёлков. Одновременно активизирует свои действия чехословацкий корпус. Теперь чехословаки повсюду, где они в это время находятся (эшелоны растянуты от Самары до Владивостока), открыто, с оружием в руках выступают против советской власти. При этом союзниками их становятся все, кто против большевиков — от социалистов-революционеров до монархистов. Страны Антанты после подписания Советской Россией “похабного” (В. И. Ленин), но объективно необходимого молодому государству Брестского мира, фактически утратили столько выгодного в войне против Германии союзника и, более того, обнаружили вдруг в Советской России нового союзника Германии. Некоторые историки и публицисты склонны рассматривать эсеровский мятеж как тщательно спланированную акцию. Эсер Блюмкин, “человек Троцкого” или, как его ещё называют в некоторых публикациях, “агент по особым поручениям Троцкого”, убивает германского посла фон Мирбаха, и этот кровавый акт мгновенно ввергает Россию в кровавую мировую бойню. Возникают сразу несколько фронтов, внешних и внутренних.

В этих непонятных и до сей поры смутных хитросплетениях международной и внутренней политики Иван Конев и сотни тысяч таких Иванов — вятских, вологодских, смоленских, самарских и калужских, были простыми солдатами, которые, как любой солдат, в трудную для своего Отечества минуту вынуждены были взять в руки оружие и идти драться за свою свободу, за волю, за землю, за всё то, что только-только было обещано им, их семьям и всему народу. Они защищали то, что только-только обретали, а потому дрались за свою химеру с особой яростью.

Конев вспоминает: “...Враги Советской власти, белогвардейцы и английские интервенты высадились в Архангельске и начали продвигаться по северной Двине к югу, — уезд был объявлен на осадном положении”.

Как военком довольно обширного и многолюдного уезда, Конев тут же получил соответствующие инструкции и приступил к формированию коммунистических отрядов. “Эта работа проходила тоже не без трудностей. Иногда доходило до того, что, пробравшись, скажем, на уездный пересыльный пункт или сборно-пересыльный пункт, левозеровские пропагандисты, а также анархисты организовывали провокационные выступления. Они заявляли: “Хватит, повоевали! Пора передохнуть!” В связи с острой необходимостью организовать оборону уезда, а также чтобы предотвратить выход английских интервентов и белогвардейцев на его территорию, мы одну за другой проводили партийные мобилизации”.

Но его влекло то, что он уже почувствовал и полюбил. Конев рвался к воинской службе. Он уже тогда знал, что родной Никольск в той дороге, которую он выбрал, всего лишь небольшой полустанок с короткой стоянкой в несколько минут.

Глава четвёртая

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

“И сейчас вижу поле боя под Гонготой: цепи белогвардейцев и японских солдат...”

В то время Никольский уезд отошёл к Северо-Двинской губернии, поэтому своё желание убить на фронт с ближайшей же отправлявшейся командой Конев должен был решать с губернским военным комиссаром. Северодвинцы формировали и пополняли Шестую, северную армию. Но в это время жаркие бои шли на востоке — в Ярославле и на Урале. Ещё весной 1918 года был создан Ярославский военный округ. В него входили Владимирская, Костромская, Нижегородская, Петроградская, Псковская, Тверская и

Ярославская губернии. Военным комиссаром Ярославского округа стал М. В. Фрунзе. Именно ему Конев подаёт рапорт с просьбой отправить на фронт в составе первой же команды. Окружной комиссар, прочитав рапорт настойчивого уездного комиссара, решил познакомиться с ним лично. Вскоре состоялась встреча Конева и Фрунзе.

Бравый вид русоволосого, высокого и стройного комиссара из глубинки, его армейская выправка, отточенные движения и точные лаконичные ответы не могли не подтолкнуть Фрунзе к мысли о том, что такие сейчас нужнее на фронте, в действующих войсках, а не в тылу.

— Ну что же, пойдёте на фронт, если так настаиваете, — ответил Фрунзе, не отходя от карты, на которую были нанесены условные обозначения, красные и синие стрелки, указывающие очаги восстания, направления ударов и передвижение войск. — Смотрите, сколько их теперь, фронтов. И везде нужны военные люди, преданные революции.

Конев стоял неподвижно, время от времени поглядывая на карту. Фрунзе перехватил его взгляд. Спросил:

— А военную карту читать умеете?

— Так точно, — с готовностью ответил Конев.

— Очень хорошо. Думаю, что на фронт вы попадёте очень скоро. Формируйте отряд земляков. С ним и поедете. Командуйте. Я понимаю вашу жажду и разделяю её. Желаю удачи. — И Фрунзе пожал Коневу руку.

В эти дни Конев познакомился с секретарём губкома Дмитрием Фурмановым. Вскоре судьба, а точнее, революционная необходимость пошлёт на фронт и его. Фурманов станет комиссаром Чапаевской дивизии, начальником политотдела Туркестанского фронта, комиссаром Красного десанта на Кубани. А потом, когда гражданская война утихнет, уйдёт в литературу, в творчество, напишет свои знаменитые книги “Чапаев” и “Мятеж”, которые встанут в один ряд с такими советскими шедеврами, как “Железный поток” Александра Серафимовича и “Как закалялась сталь” Николая Островского. Вспоминая Фурманова спустя многие годы, Конев скажет: “Дмитрий был одним из тех, кому хотелось подражать”. Должно быть, знакомство и общение с Фурмановым окончательно сформировала в представлении Конева то, каким должен быть комиссар.

На защиту новой власти из многих внутренних губерний и уездных городов России ехали тысячи добровольцев и бойцов, подлежащих призыву. Ехали со своими отрядами и три уездных военных комиссара: будущий герой гражданской войны легендарный В. И. Чапаев и два будущих маршала СССР — К. А. Мерецков и И. С. Конев. Двоих последних судьба ещё сведёт.

Вначале Конев попал в Сольвычегодск. Но вскоре его всё же направили на Восточный фронт, в Третью армию. Дали маршевую роту. Рота заняла оборону близ Вятки. Первое наступление Верховного правителя Сибири адмирала Колчака к тому времени было отбито. Но белогвардейские части, вооружённые и экипированные англичанами, казаки, поддерживавшие мятеж, эсеры и прочие партии и всяческие ватаги неясного происхождения, выступившие против большевиков, проводили перегруппировку своих сил, накапливались перед фронтом, чтобы на этот раз прорвать красную оборону и хлынуть в столицу и крупные города центра России.

“Там меня сразу назначили в артиллерию, в запасную батарею Третьей армии. Эта запасная батарея, — рассказывал впоследствии Конев, — поперешним понятиям была больше, чем полк. В ней числилось около двух тысяч солдат и командиров, имелась большая партийная организация, около 200 коммунистов. Вскоре меня выбрали секретарём. Я почувствовал, что здесь меня могут опять задержать, поэтому, отправившись в политотдел с докладом о состоянии партийной организации и о задачах коммунистов батареи, решил снова проситься на фронт. Мне были предложены сразу три назначения: комиссаром артиллерийского полка, комиссаром пехотного полка и комиссаром бронепоезда. Причём было сказано, что политотдел предпочёл бы, чтобы я пошёл комиссаром бронепоезда, потому что бронепоезда в условиях гражданской войны являлись большой ударной и маневренной силой. Их роль была особенно велика в наступлении.

Я был назначен комиссаром бронепоезда, который сформировался из уральских рабочих и матросов-балтийцев — народ по-революционному боевой, но по части дисциплины не особенно сплочённый. Так что предстояло поработать по-настоящему, сделать бронепоезд действительно боевой ударной силой”.

“По части дисциплины” красногвардейцы, особенно на первых порах, сильно уступали своим неприятелям. Что же касалось матросов-балтийцев, то это была особая каста военных. Оставшись без кораблей (многие из них на палубу никогда и не ступали, а попали в водоворот событий из тыловых частей и учебных команд), эти вольные люди революции, не привязанные ни к земле, ни к родине, где бы им какой-нибудь подводчик из земляков мог заронить в душу свои сомнения и свою печаль о жите-бытье, исполняли любую работу, которая могла бы служить “делу революции”. На пехотных командиров “главный костяк революционного Петрограда” посматривал свысока, а на комиссаров с недоверием. Как правило, у матросов были свои вожаки. Но юному комиссару Коневу, во многом благодаря своей армейской подтянутости, уму и постоянству удалось сплотить команду бронепоезда, подтянуть дисциплину, прекратить пьянки и вольности, наладить боевую и политическую учёбу. А начал Конев свою комиссарскую работу с... личной гигиены стрелков и артиллеристов бронепоезда. День, армейский распорядок во всей его последовательности, предусмотренной уставом, начинался с умывания. Так вот, первой заботой Конева стало то, чтобы вся команда, без исключения, умывалась и чистила зубы. Вольным людям революции, уставшим от пьянства и стрельбы, это комиссарское нововведение понравилось.

Бронепоезд № 102 относился к типу лёгких бронепоездов, но название носил достаточно увесистое — “Грозный”. Три вагона, обшитых стальными листами различной толщины, паровоз, обеспеченный такой же защитой, артиллерийская башня. Вооружение и оснастку имел соответствующую своему типу: две бронеплощадки; на каждой из них по 4 короткоствольных 76.2 мм пушки образца 1902 г. и 12 бортовых пулемётов “максим”; кроме того, одно орудие в башне, обеспеченной поворотным механизмом, так что оно могло вести огонь под любым углом; вагон-канцелярия, вагон-клуб и вагон для личного состава. Экипаж бронепоезда состоял из взвода управления, взводов броневагонов и башенных стрелков, а также отделений бортовых пулемётов, взвода тяги и вагонов. Толщина брони колебалась от 10 до 15 мм. Бронепоезд, в зависимости от необходимости и поставленной боевой задачи, мог цеплять по нескольку пустых платформ, на каждой из которых помещалась стрелковая рота десанта. На одной заправке мог двигаться до 120 км при максимальной скорости 45 км/час. В качестве паровозного топлива использовались уголь, мазут или дрова. Учитывая то, что гражданская война, особенно начальный её период, была схваткой на дорогах или, вернее, за дороги, за основные коммуникации, по которым перебрасывались войска, боеприпасы и хлеб, бронепоезда играли подчас исключительную, даже решающую роль.

Командовал бронепоездом С. Н. Иванов, бывший морской офицер. Так же, как и комиссар, он был артиллеристом. В кронштадтской крепости командовал одной из артиллерийских батарей.

Из воспоминаний маршала Конева: “Бронепоезд, ведя огонь из орудий и пулемётов, врвался на станцию, прокладывая путь огнём, а пехотные цепи, охватывающие его справа и слева, овладевали этой станцией и близлежащими населёнными пунктами. Боевое взаимодействие бронепоезда и пехоты во времена гражданской войны не раз приводило к успеху. Так мы взяли Ишим. Однако атаковать Омск не смогли, потому что река Иртыш была для бронепоезда серьёзной преградой. Всё же подступы к Иртышу мы атаковали совместно с пехотой, а потом взяли да и дерзнули — по льду проложили рельсы и так переправили бронепоезд через Иртыш.

На подступах к Чите пришлось вести бой не только с белогвардейцами атамана Семёнова, но и с японскими самураями. И сейчас вижу поле боя под Гонготой: цепи белогвардейцев и японских солдат, атакующих нас при поддержке двух своих бронепоездов, атаку нашей кавалерии под командованием Н. А. Каландаришвили. Бывший ссыльный революционер Каландаришвили

был одним из руководителей партизан Восточной Сибири, создал кавалерийский отряд, который сыграл важную роль в борьбе с Колчаком. В частности, вместе с другими отрядами он преградил путь Колчаку к Иркутску. Потом отряд Каландаришвили был переброшен в Забайкалье на разгром атамана Семёнова. Вот он-то как раз и участвовал в атаке на станцию Гонгота.

Когда кавалеристы при поддержке нашего бронепоезда начали крепко нажимать на белогвардейцев, на выручку им подоспели японцы. Нужно было принимать ответственное решение — бить японцев или нет (а приказано было в бой с ними не ввязываться). Однако обстановка требовала вступить в бой с японцами, так как они перешли в наступление при поддержке двух бронепоездов. Мы японцам продвинуться не дали, отбросили их. И Гонгота была взята”.

События, о которых вспоминал маршал Конев, относились к апрелю 1920 года. Народно-революционная армия Дальневосточной республики и отряды красных партизан дрались с Дальневосточной армией (забайкальские казаки генерал-лейтенанта Г. М. Семёнова и белогвардейские подразделения бывшей армии Колчака). К тому времени на фронте сложилось такое положение, когда Дальневосточная армия, занимая крупные города и ключевые железнодорожные станции Чита, Карымская, Сретенск, Нерчинск, опасно разделяла Дальневосточную республику на две части. Для того чтобы пробить “читинскую пробку”, войска Дальневосточной республики провели несколько операций. Та, о которой рассказывает Конев, была первой. Потому и запомнилась Коневу.

Осенью войска Народно-революционной армии ДВР, наконец, дожали Дальневосточную армию в Забайкалье. Белые испытывали нехватку оружия и боеприпасов. В октябре 1920 года начали эвакуацию в Приморье. Там находилась их база снабжения. Бои продолжались до конца октября, в ходе которых войска ДВР и отряды красных партизан заняли станцию Даурия. Забайкалье стало частью Дальневосточной советской республики.

Именно в этот период у комиссара бронепоезда Конева вспыхнул и озарил его жизнь новым смыслом яркий роман с Анной Волошиной. Конев любил всем сердцем, и ему тогда казалось, что то, что у него происходило с Анной — на всю жизнь.

Анна Ефимовна Волошина родилась 30 августа 1901 года в селе Торчин Каменец-Подольской губернии. Для Ивана Конева встреча с Анной было первым сильным чувством. Для Анны нет. У неё уже была семья. До революции она работала в услужении в господском доме. Там у неё произошёл роман с хозяином. Родила от него дочь. Вихрь гражданской войны всколыхнул все основы, и то, что вчера казалось незыблемым и вечным, в один миг оказалось обесцененным. Земля, недвижимость, накопленное богатство... Всё казалось ненужным прахом перед валом наступающих частей красновардейцев и партизан. Новая власть оказалась неприемлемой для тех, кто до революции имел всё. И эта часть русских людей, в своё время не ушедших вместе с отступающей Дальневосточной армией, вскоре начала покидать родину. Уезжали в основном в Харбин, в Китай.

Китайский Харбин был в то время русским городом. Он и основан был русскими в 1898 году как посад при железнодорожной станции Трансманьчжурской магистрали. Старые кварталы до сих пор носят черты архитектуры, типичные для уездных городов старорусской Сибири. Наряду с китайской в городе существовала и русская администрация. До революции в Харбине размещалась штаб-квартира Заамурского пограничного корпуса пограничной стражи Министерства финансов. В 1917 году в городе проживало более 100 000 человек, из них 40 000 русских. После Октябрьской революции Харбин начал наводняться эмигрантами из Советской России, которые по разным причинам бежали от новой власти, — дворяне, чиновники, офицеры. Затем начался новый поток — белогвардейцы и казаки из разбитых частей Дальневосточной армии. В 1924 году в Харбине проживало около 100 000 русских. Впоследствии многие из них уезжали в Европу или Америку.

Кем был тот, кто стал первым мужем Анны Волошиной, неизвестно. Может, чиновник. Может, офицер. Может, из купеческого сословия. Из семей-

ных преданий известно только, что, уезжая в Харбин, он умолял ехать с ним и Анну, которую страстно любил. Но сердце её, как писали в старых романах, уже принадлежало другому. Избранником её стал комиссар бронепоезда “Грозный”. Ехать за границу Анна отказалась. Не остановило её и то, что отец забирал с собой их дочь Варвару. Впоследствии Анна Ефимовна пыталась разыскать свою дочь, но поиски результата не дали. Ходили слухи, что первый её муж перебрался в Америку и Варвару увёз с собой.

В книге “Маршал Конев — мой отец” Наталия Ивановна Конева пишет: “Никто не знает подробностей этой любовной истории, известно лишь, что Анна заслушивалась пылкими речами молодого комиссара, высокого, русоволосого, с яркими голубыми глазами. Вокруг него всегда люди, он умеет их выслушать и готов оказать помощь. Анне он кажется очень образованным, начитанным. Не осталась незамеченной и его физическая сила: на воскресниках легко таскает тяжести, видно, привык это делать в родном краю, где и крестьянствовал, и сплавливал лес, и работал в Архангельском порту. Романтический герой, да и только. Впоследствии она как-то сказала: “Он — мой Бронский”. (...) В 1921 году отец заболел тифом, болел очень тяжело, целый месяц провалялся в госпитале, ну а Анна выхаживала его, отпаивала клюквенным морсом, приносила домашнюю еду — и выходила, спасла. Он был ей страшно благодарен и решил, что, когда поправится, будет просить её стать его женой. Анна была привлекательной девушкой — энергичной, обаятельной”.

Семейную жизнь Коневы строили в соответствии с новой моралью, которая не предполагала обязательной регистрации брака. Кроме того, как известно, всякая революция — это расшатывание сложившихся веками устоев семьи, отношений между мужем и женой, их взаимных обязательств. “Азбука коммунизма” Бухарина и Преображенского внушала молодёжи той поры свободу в семейных отношениях, вольно раскрепощала женщину, в том числе и от многих обязательств по отношению к мужу и детям. Анне “Азбука...” новой жизни очень понравилась. Конев, воспитанный в рамках старой культуры и впитавший в подсознание иные отношения между мужем и женой, где основой основ была верность, преданность мужу, вскоре понял, что “любовная лодка”, да что там любовная — семейная, даёт течь. С годами эта течь увеличивалась и сделалась необратимой. В конце концов, семья распадётся. Как всегда бывает в таких случаях, трудно искать причины, а тем более, первопричины разлада. Молодой командир не мог достаточно времени уделять молодой красавице-жене, а Анна Ефимовна, натура артистическая, утончённая, не могла в достаточной степени посвятить себя домашним заботам и мужу.

В 1921 году Конев возвращается в Забайкалье, теперь уже на должность комиссара 2-й бригады 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии. Дивизия усиленно готовилась к боям. Но с нею Коневу в бой пойти не довелось. В феврале того же 1921 года он срочно вызван в Верхнеудинск и получил новое назначение — комиссаром стрелковой дивизии. А буквально через несколько дней он уже ехал в пассажирском вагоне в Москву. Паровоз тащил состав по местности, освобождённой от чехословаков, колчаковцев и белоказахских отрядов. В нагрудном кармане красноармейской гимнастёрки Конева лежала выписка из протокола партийной конференции о том, что он, комиссар 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии, избран делегатом X съезда РКП(б) и командирован в Москву. Соседом по купе оказался комиссар партизанской бригады и тоже делегат съезда Александр Бульга. Почти месяц тащил до столицы их состав неторопливый паровоз. В пути комиссары подружились. Спустя годы Конев прочитает роман Александра Фадеева “Разгром” и на фотографии автора узнает своего друга-дальневосточника. Как оказалось, Бульга — это партизанская кличка Александра Фадеева.

“Оба мы были молоды, — вспоминал маршал Конев о первой встрече с Фадеевым на страницах своих мемуаров (“Сорок пятый”). — Мне шёл двадцать четвёртый, ему — двадцатый, симпатизировали друг другу, испытывали взаимное доверие. Он нравился мне своим открытым, прямым характером, дружеской простотой, располагавшей к близким и простым товари-

щеским отношениям. Эта дружба, завязавшаяся во время долгого пути через Сибирь, окрепла на самом съезде”.

Они не раз ещё встретятся. В самое тяжёлое время битвы за Москву Фадеев придет на Калининский фронт вместе с группой писателей. Вскоре в московских газетах появятся его очерки, рассказывающие о том, как дерутся войска генерала Конева. Они не раз будут встречаться и на войне, и после войны. В том числе и на премьерных спектаклях МХАТа, восхищаться игрой несравненной Ангелины Степановой, жены Фадеева.

А тогда, в 1921-м, они попали сперва не на съезд, а снова на войну. За несколько дней до открытия X съезда большевистской партии в Кронштадте, главной базе Балтийского флота, вспыхнул мятеж. Мятежные матросы, солдаты гарнизона и примкнувшее к ним население военного городка выдвигали в основном экономические требования. Не доверяя большевикам, они выбросили лозунг: “Власть Советам, а не партиям!”

Первый штурм был отбит. Во втором штурме приняли участие делегаты только что открывшегося в Москве X съезда РКП(б). Среди них были комиссары Конев и Фадеев. Конев, как артиллерист, во время штурма находился на косе Лисий Нос, где была установлена батарея тяжёлых орудий. Орудия вели огонь по крепости, поддерживая атаку ударного коммунистического батальона, в котором было много делегатов съезда. Большая часть восставших погибла. Около 8 000 ушли по льду в Финляндию. Остальные сдались и ответили за всех: 2 103 были расстреляны. Репрессии органов ЧК в отношении участников мятежа были очень жестокими. Потери среди штурмовавших крепость тоже оказались большими. Сейчас в Санкт-Петербурге рядом с Троицким собором Александро-Невской лавры находится братская могила, на плите надпись: “Памяти жертв Кронштадтского мятежа. 1921”.

После возвращения из Москвы Конев был снова направлен на Дальний Восток, но теперь уже на должность комиссара штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Штаб НРА ДВР находился в Чите. Летом 1921 года в должность командующего войсками ДВР вступил В. К. Блюхер.

В этот период Блюхер со своим штабом пытается сформировать из разрозненных подразделений Красной Армии и партизанских отрядов регулярные части, которые смогли бы решать любые тактические задачи на поле боя. В первую очередь необходимо было выстроить централизованно, систему подчинения, где всё могло управляться единой волей и из единого штаба. Для этого в первую очередь необходимо было ликвидировать партизанщину, при которой каждый командир партизанского отряда оставался и батькой, и атаманом, и верховной властью. Доклад, с которым выступил в июне 1921 года Блюхер, прекрасно характеризует не только ситуацию, существовавшую в тот период в НРА ДВР, но и самого Блюхера. Вот краткие выдержки из него: “В расплывшемся болоте штабов почти отсутствуют работники, преданные интересам революции. Должности заняты опытными, прекрасно подготовленными техническими специалистами, по оценке своей почти исключительно принадлежащими к группе... бывших офицеров кашпелевских и семёновских частей. В армию они пошли ввиду своего безвыходного положения... При материальной необеспеченности и отсутствии идейной связи с армией они являются богатым материалом для японского шпионажа”. И далее: “Необходимы строгие меры... чтобы армия не разлагалась и могла оказаться боеспособной”.

Герой гражданской войны, отличившийся во время сражения на Перекопе и во многих других боях, кавалер ордена Красного Знамени № 1 Василий Константинович Блюхер был незаурядной личностью, обладавшей высокими качествами командира и организатора. Он в короткие сроки с помощью своего штаба и преданных командиров сумел создать боеспособную армию. Вскоре на её основе был сформирован Приморский военный округ.

Летом 1921 года обстановка на Дальнем Востоке начала накаляться. Активизировались отряды казаков генерала Семёнова, возобновили свои претензии японцы, а с юга начала вторжение орда барона фон Унгерна.

Фон Унгерн-Штернберг со своей Конно-Азиатской дивизией, состоящей из монголов, казаков, белогвардейцев, бурят, татар, башкир, японцев и ещё

десяти языков, пересёк границу ДВР и начал опустошать русские сёла и станции, двигаясь вдоль железной дороги. Этот поход действительно чем-то напоминал набег древних монголов, которые предавали огню и мечу всё, что попадало под копыта их коней.

Блюхер предпринял несколько атак на летучие отряды Конно-Азиатской дивизии “нового Чингисхана”. Сам “Цаган-Бурхан” (Бог Войны) в одной из схваток был ранен. В августе в стане Унгерна вспыхнул мятеж. Монголы, боготворившие его, предали своего предводителя. Они связали его и бросили в палатке, а сами ускакали в разные стороны, чтобы он не догнал и не покарал их. Через несколько часов Унгерн был схвачен красноармейцами.

“Забайкальского крестоносца” судили показательно-шумно, по записке самого Ленина, приказавшего расстрелять его в любом случае. Главным обвинителем на процессе, состоявшемся в Новониколаевске (ныне Новосибирск), был Е. Ярославский-Губельман. Во время суда обвинитель, должно быть, желая подчеркнуть чуждое пролетариату происхождение барона, неосторожно спросил его: “Чем отличился ваш род на русской службе?” — “Семьдесят два убитых на войне”, — ответил подсудимый. На суде, так же, как и во время допросов, Унгерн вёл себя с величайшим достоинством и хладнокровием, уже зная свой исход. В тот же день суд приговорил его к расстрелу. Приговор привёл в исполнение председатель Сибирской ЧК И. Павлуновский, собственноручно. Перед расстрелом фон Унгерн-Штернберг зубами сломал на мелкие кусочки Георгиевский крест, который всё время носил на груди, и проглотил его.

Конно-Азиатская дивизия как боевое подразделение перестало существовать, хотя остатки его ещё долго беспокоили большевиков. Некоторые отряды ушли в Приморье.

В феврале 1922 года Народно-революционная армия под командованием В. К. Блюхера атаковала укрепленные позиции белогвардейцев у станции Волочаевка. Генерал Молчанов, командовавший обороной белых, называл свой укрепленный район “Дальневосточным Верденом”, считая его неприступным. Вспоминая последние, решающие бои на Дальнем Востоке, маршал Конев тепло отзывался о бывшем своём командующем: “Блюхер был замечательный организатор. Он объединил усилия своих красноармейских частей с усилиями партизанских отрядов, действовавших на Дальнем Востоке, преодолел элементы партизанщины, анархии, сконцентрировал всё, чтобы добиться поставленной цели. Авторитет Блюхера был непререкаем. (Не напрасно японский военный атташе в Москве капитан Коотани в своём секретном докладе 1937 года написал о Блюхере: “...в нынешнем положении он царёк Дальнего Востока”. Нарком внутренних дел Ежов тут же представил текст доклада Коотани Сталину. Тот внимательно его прочитал и сделал карандашные пометки там, где атташе писал о командующем Особой Краснознаменной Дальневосточной армией. Вообще Конев в своих характеристиках, которые он давал тому или иному персонажу нашей истории из числа тех, с кем сводила его жизнь, служба и войны, был довольно комплиментарен. Об отрицательных сторонах характера и о поступках — осторожные намёки для посвящённых, и только. Что ж, порой и этого достаточно. — С. М.) Его отличительной чертой была способность охватить обстановку на Дальнем Востоке в целом: и оперативные-тактические детали, и конкретные задачи, решение которых ведёт к победе. Это особенно проявилось в знаменитом штурме Волочаевки. Близ станции Волочаевка есть высоты, возвышающиеся над окружающей местностью. Блюхер правильно оценил, что эти высоты — “шверпункт” операции: пока их не возьмёшь, не овладеешь станцией Волочаевка. Оценив обстановку, изучив противника, Блюхер умело спланировал операцию, тщательно, скрупулёзно её готовил, выбирал момент удара, знал, каким полком, под чьим командованием, какие задачи ставить. Операция под Волочаевкой — это, если хотите, операция прорыва сильно укрепленной обороны противника, и здесь Блюхеру помог датский опыт Первой мировой войны и опыт штурма Перекопа. Высоты под Волочаевкой были взяты двусторонним штурмом красноармейцев и партизан, которые продвигались по снегу, в мороз, под ожесточенным огнём белогвардейцев. Сблизились с

ними до рукопашного боя и разгромили. (...) Весь Дальний Восток был освобождён от белогвардейцев и интервентов. Ленин обратился с приветственной телеграммой к рабочим и крестьянам освобождённых областей и городов Владивостока. Мне выпала честь зачитать эту телеграмму Ильича на съезде. Помню, как японский представитель в ДВР демонстративно поднялся и ушёл со съезда, поняв, что японцам на советском Дальнем Востоке не быть. Вспоминая сейчас то время, видишь наше прошлое ещё более значительным”.

Эта цитата — прекрасная характеристика самого Конева, иллюстрация того, как умел он видеть в человеке главное и ценить его за это, опуская второстепенное, на что, по большому счёту, действительно можно закрыть глаза. И ещё: Конеv всегда был военным, и не просто военным, а полководцем; даже в воспоминаниях он без конца проигрывал в уме те или иные войсковые операции и умел восхищаться блеском маневра не только своих учителей, безусловных военных авторитетов, но и своих учеников и подчинённых. В мемуарах “Сорок пятый” и “Записках командующего...” мы находим много тёплых слов в адрес командующего 3-й танковой армией генерала П. С. Рыбалко, командующего 21-й армией генерала Д. Н. Гусева, командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала В. К. Баранова, командира 4-го гвардейского танкового корпуса генерала П. П. Полубурова, командующего 60-й армией генерала П. А. Курочкина. Некоторые из этих генералов сейчас уже совершенно забыты. А ведь было в нашей истории время, когда их именно произносились с восхищением и благодарностью, потому что они олицетворяли новые победы. Маршал Конеv с глубочайшим уважением отзывался о своих боевых товарищах и до конца жизни не изменил своего отношения к ним. Они были и остались верными генералами, солдатами, которые исполняли его приказания настолько, насколько простиралась его командирские и человеческие надежды на них и позволяла обстановка. Он умел гордиться ими, как гордятся собственными подвигами. Но всё это будет потом...

В октябре 1922 года НРА ДВР вошла во Владивосток. А через месяц Народное собрание ДВР приняло решение о добровольном вхождении республики в состав Советской России. Президиум ВЦИК тут же ратифицировал это соглашение — Дальний Восток стал нераздельной частью РСФСР.

Вольно или невольно, красный командир Василий Константинович Блюхер, его штаб, командиры дивизий, полков, командиры партизанских отрядов и комиссары, а также рядовые бойцы Красной Армии, для нашей истории стали теми людьми, кто сохранил Дальний Восток для России.

За всеми действиями белогвардейских формирований, за каждым серьёзным шагом казачьих формирований атамана Семёнова и Земской рати барона Дитерихса, особенно на последнем этапе сражений в Приморье, явно просматривались иностранные интересы, в особенности Японии.

Японские войска вступили в пределы Советской России в апреле 1918 года, заняли Владивосток и по Транссибирской магистрали гарнизоны обосновались в Верхнеудинске, Хабаровске, Имане. Выбиты были в 1921 году. А с островов Северного Сахалина ушли только 1925 году.

Вместе с японцами во Владивосток вошли англичане. Ушли в 1920 году.

Канадцы в апреле 1921 года высадились на о. Врангеля. Хозяйничали ровно два года.

Войска США по Транссибирской магистрали гарнизоны стояли от Владивостока, через Верхнеудинск и Иман до Мысовска. Сохранились фотографии, где доблестные янки в стальных шлемах браво маршируют по булыжной мостовой Владивостока под звёздно-полосатыми знамёнами. Кроме того, с сентября 1921 года по август 1924 года американцы пребывали на о. Врангеля. На Чукотку их влекли дешёвая пушнина и золото. Золото там можно было добывать открытым способом и в очень больших количествах.

Франция ввела свои войска во Владивосток в августе 1918 года вместе с США. Вместе с американцами в 1920 году они отсюда и ушли.

Эвакуация войск вовсе не означает эвакуацию интересов. Там, откуда уходят солдаты, остаются различные эмиссары, агентурная разведка.

В семейном архиве Конеvых хранится старая папка с надписью “1923 г., Никольск-Уссурийск”. В папке собраны собственные записи, выписки из

прочитанных книг. В ней то, что казалось комиссару Коневу главным в военном строительстве. В тот год он был назначен военкомом 17-го Приморского стрелкового корпуса, который дислоцировался на Дальнем Востоке. До корпуса сразу после бронепоезда была бригада, потом 2-я Верхнеудинская дивизия, откуда его перевели на должность комиссара штаба Народно-революционной армии ДВР. В то время армией командовал Василий Константинович Блюхер. Какие же мысли и какие идеи волновали тогда, в начале двадцатых годов, комиссара Конева?

“Взамен технической подготовки я выдвигаю усовершенствование сердца, потому что ведь не пушки и не ружья сражаются, а человек” (Полковник французской армии Кардр).

“Переживаемая эпоха характеризуется наибольшим обострением классовых противоречий внутри страны и вовне — борьбой между сильными государствами за рынки, владение колониями, господство над морями. Эти обострения временно сглаживаются, заглушаются, но неминуемо повлекут за собой величайшие потрясения, взрыв новых войн”.

“Групповая тактика и применение автоматического оружия, с его массовым и разрушительным действием, требуют большой военной выучки, самостоятельности, полного самообладания, моральной устойчивости и готовности бороться за идею советской власти...”

“...значение имеет в мирное время дисциплина, порядок в повседневном укладе: вовремя подъём, выход на занятия, вовремя сон, отдых в обед. Нужно рационально использовать свои силы и приучать солдат к сознательному автоматизму привычек, выносливости всех походных тягот и соблюдению дисциплины в бою”.

“Строй, конечно, не должен являться воспроизведением старых печальных традиций плацпарадности. Строем мы занимаемся и теперь, и не без увлечения. Строй нами понимается не как механическая, самодовлеющая форма, оторванная от общей воспитательной работы. Этот взгляд должен быть изменён. Строй должен иметь воспитательное значение: постоянное разумное упражнение в сомкнутом строю, в равнении, в приёмах, он вырабатывает точность и правильность движений, напряжённость внимания, чувство времени, но, кроме того, он, что важнее, вырабатывает умение, когда нужно, ограничивать свою волю, согласовывать свои движения и действия с движениями и действиями товарищей; он вырабатывает чувство локтя, единства, без которого не может быть коллективного действия. Стройным должен быть не только строй, вся военная жизнь насквозь должна быть проникнута стройностью”.

“Взаимоотношения начальника и подчинённого должны покоиться целиком на основе единства целей, долга и товарищества. Тут важную роль играет принцип, положенный начальником на основу взаимоотношений с подчинённым. Прежде всего, не должны нарушаться права красноармейца как гражданина. Нужно устранить пережитки старого, принесённого в Красную Армию в форме денщицества и личного использования солдат. Это есть яркий образчик нарушения прав гражданина. Нужно добавить, что в этом вопросе у нас нет особенно чёткой линии: наши отношения являют крайности, с одной стороны — грубость, цуканье, с другой — панибратство и фамильярность, всё это отражается на внутреннем единстве в части и на дисциплине. Необходима искренность, простота в обращении, способность вовремя прийти на помощь солдату советом и делом (ибо кому больше дано, с того больше спросится); важен личный пример выдержанности и дисциплинированности. Напротив, афиширование и дешёвая популярность, бьющая на внешний эффект, послабления, демонстрация своего рвения перед подчинёнными, желание выставить себя покровителем и защитником там, где это выгодно, вот что должно жёстко изгоняться из взаимоотношений начальников и подчинённых в рядах Красной Армии”.

Любопытно в этих записках то, что Конев по-прежнему называет своих подчинённых “солдатами”, а не “красноармейцами” или “бойцами Красной Армии”. Это слово в применении к рядовому красноармейцу вернётся в армию в 1943 году с возвращением погон и георгиевской ленты.

Многие странички “Военного дневника”, как называет листки из папки 1923 года дочь маршала Наталия Ивановна Конева, посвящены прочитанным книгам. Размышления о тех впечатлениях, которые оставили только что прочитанный роман или специальная книга о военном искусстве. Мысль о том, что “культура избавляет от рабства”, засела в голове комиссара Конева настолько, что он повторяет её в нескольких местах. “Обучить красноармейца грамоте, расширить его общеобразовательный кругозор, что достигается школьными и внешкольными занятиями, клубной кружковой работой, которые призваны развивать навыки самостоятельности, самотворчества, поднять культурный уровень, избавить от вековых предрассудков, как то: невежества и раблепства”.

В этих записках сконцентрированы те чаяния и мечты поколения 20-х, с которыми они ходили в бой и шли к людям в часы мирной учёбы. Маршал К. К. Рокоссовский, который, как известно, в эти годы командовал кавалерийским полком и воевал в тех же местах, в разговоре со своим боевым товарищем и другом генералом П. И. Батовым, касаясь темы мемуаров, однажды сказал: “Очень хотелось написать воспоминания о гражданской войне, сожалею, что не успел... Ничего мне так не хотелось, как написать о гражданской войне, о подвиге революционных рабочих и крестьян. Какие это чудесные люди, и какое это счастье быть в их рядах!”

Маршал Конев тоже не оставил мемуаров о гражданской войне, и теперь биографы и историки собирают его историю периода гражданской войны по крупицам, по отдельным фрагментам. В основном это чьи-то свидетельства, которые нуждаются в документальной перепроверке и уточнениях. Но, думается, что и он о том периоде своей жизни думал примерно то же, что и Рокоссовский.

“...красноармейцу недостаточно знать про Керзона, надо приобщить его к культурному быту, научить бережному отношению к народному достоянию и опрятности. С этой целью с помощью шефов заготовить для красноармейцев сапожные щётки, мазь для сапог, зубные щётки и порошок, носовые платки”.

“Нужно вести работу над общим образованием красноармейцев для того, чтобы общим образованием закреплялась политработа, а то красноармеец знает про политику, но не знает явлений природы, в этом случае политика может быстро улетучиться из его головы. Для того, чтобы ликвидировать культурную отсталость в армии, можно привлечь шефов. В армию необходимо присылать преподавателей-естественников, математиков, географов, предоставлять учебные пособия и книги, приглашать артистические труппы”.

Можно предположить, что во время одной из поездок к шефам Конев и познакомился с будущей своей женой Анной Волошиной.

В 1923 году, 1 мая, у Коневых родилась дочь. Назвали её Тамарой. Но, поскольку девочка родилась не просто в мае, а 1 Мая, в День Международной солидарности трудящихся, то, в соответствии со святыми тех времён, в повседневной жизни в семье её больше называли Майей. А когда пришла пора оформлять метрики, то со слов родителей урождённую Тамару вписали Майей. Майя Ивановна Конева проживёт очень яркую жизнь, всегда будет тянуться душой к отцу и ненадолго переживёт его. Обо всём этом будет рассказано в своё время.

Глава пятая

КОМАНДИР

“Полководец начинается в полку”.

В 1924 году, когда Конев служил начальником политотдела и комиссаром 17-й Нижегородской стрелковой дивизии, произошло его знакомство с командующим войсками Московского военного округа прославленным конником, героем гражданской войны К. Е. Ворошиловым. В штабе Московского военного округа проводилось совещание, на котором обсуждалась проблема

введения в Красной Армии единоначалия. Идею единоначалия предложил Центральному комитету РКП(б) М. В. Фрунзе, который в то время занимал должность заместителя председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам, а с апреля одновременно начальника штаба Красной Армии и начальника Военной Академии. На совещании Конев выступил по очень актуальной в тот период теме, касающейся повышения дисциплины, а также организации и порядка перехода армейских подразделений к нормальной боевой и политической подготовки в мирный период. Ворошилову очень понравилось выступление комиссара Конева. После выступления он подошёл к нему и сказал:

— Ты, оказывается, комиссар со строевой жилкой. Как ты думаешь, если нам перевести тебя на командную работу?

— Не возражаю, — ответил Конев.

Ворошилов, конечно же, заметил, какой радостью вспыхнули глаза комиссара.

— Предварительно пошлём на курсы высшего командного состава при Военной Академии, а там... Там — как сам себя покажешь.

— Не возражаю.

Вот что об этом периоде своей жизни рассказывал сам Конев: «В 1925 году я был уже на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной Академии, готовивших командиров Красной Армии.

На эти курсы прибыло немало боевых комиссаров — участников гражданской войны, в том числе П. С. Рыбалко, будущий танковый командарм, Логинов, который во время Отечественной войны был у меня заместителем по тылу на Северо-Западном фронте, и ряд других товарищей.

Ещё на Дальнем Востоке в штабе армии и корпуса я учился у бывшего полковника Генерального штаба русской армии Андриана Андриановича Школина. Это был замечательный человек, он, офицер царской армии, ещё до революции был большевиком. Сидел в царской тюрьме, в Александровском центральном, и только революция освободила его. (Революция дала маршалу Коневу и его поколению, выходцам из народа, всё. Поэтому вряд ли стоит, цитируя его, приглушать тот пафос, который окрашивает в совершенно определённый цвет его воспоминания. — С. М.) В последующем он партизанил на Дальнем Востоке. На Дальнем Востоке в период, когда командовал там В. К. Блюхер, начальником его штаба был Токаревский, старый генштабист, — на ВАКе он сказан преподавателем группы артиллерии. Партия привлекла к обучению красных командиров не только близких нам бывших офицеров, которые уже служили в Красной Армии, но и тех, кто принял Октябрьскую революцию не сразу. В академии лекции по тактике отлично читал профессор А. И. Верховский¹, бывший военный министр в правительстве Керенского; интересные и полезные были лекции по стратегии профессора А. А. Свечина² — он был начальником информационного отдела ставки Николая II, генштабистом. Я учился в группе профессора Лигнау — большого знатока пехоты.

Учился я отлично. Взял всё, что один год мог мне дать”.

Учился будущий маршал, победитель Манштейна, Шернера и других полководцев Третьего рейха, действительно блестяще. С жаром. С азартом. Командовать подразделением — это не агитировать за самый справедливый в мире строй и не прививать бойцам правила гигиены. Здесь требовалось иное искусство, которое создавалось веками, кровью побеждённых и восторгом победителей.

После успешного окончания Курсов усовершенствования высшего командного состава (КУВНАС) при Военной Академии им. М. В. Фрунзе Конев назначили командиром стрелкового полка. Вернее, он сам попросился на

¹ Верховский Александр Иванович (1886–1938) — русский и советский военный деятель. Генерал-майор (1917). Комбриг (1936).

² Свечин Александр Андреевич (1878–1938) — русский и советский военачальник, выдающийся военный публицист, педагог и теоретик, автор классического труда “Стратегия”. Комдив.

полк. По сути дела, сделав такой выбор, он вынужден был пойти на понижение. Снял с петлиц ромбы, прикрепил шпалы. Сохранилась фотография середины 30-х, где Конев, командир 50-го стрелкового полка 17-й Нижегородской дивизии. Ему чуть больше тридцати пяти. Красивое лицо с правильными чертами, светлые глаза. В петлицах три шпалы. Всё ещё впереди.

— Полководец, — подчёркивал Иван Степанович, — начинается в полку. И как жалеют потом те, кто когда-то этой истиной пренебрёг. Прыгать через ступеньку в жизни вообще не стоит. Ну, а в военной деятельности перешагнуть через полк, по-моему, вовсе нельзя.

В 17-й стрелковой Нижегородской дивизии Конев получил тот самый полк, в котором служил комиссаром. И командовал им пять лет.

Конев и его поколение, к счастью для Советской России, успело научиться у генералов и полковников старой русской армии многому. Их, *бывших*, расстреляют в 1937/38 годах. А в двадцатые и начале тридцатых годов они ещё преподавали в военно-учебных заведениях Красной армии. Они владели военной наукой, той наукой, какой добывали свои победы Суворов, Кутузов, Румянцев, Багратион, и будучи талантливymi педагогами и наставниками, знали, как её привить лучшей части красных командиров. В конце концов, кроме Красной, другой русской армии в России не существовало.

Много лет спустя, уже без Сталина, маршал Конев в беседе с Константином Симоновым о репрессиях тридцатых годов будет говорить с горечью. А о своих учителях — с восхищением. Но не скажет, как они погибли. За плечами уже будет жизнь, наполненная романтикой гражданской войны (и с нею не хотелось расставаться), победами в Великой Отечественной войне, послевоенной службой, сложной, в которой чисто военное дело, армейская работа тесно переплетались с политикой. Прошлое настигало. Но в нём виделось больше хорошего. Потому что служил он Родине, забывая порою и о семье, и о собственных нуждах и здоровье.

Поколение маршала Конева, Рокоссовского, Жукова было особенным поколением. Конечно, если бы в кровавой смуте двадцатых и тридцатых годов сгнули и они, то армиями и фронтами под Смоленском, Москвой и на Курском выступе командовали бы другие полководцы. И кто-нибудь другой не хуже Рокоссовского провёл бы Сталинградское сражение. И кто-нибудь другой, а не Жуков, но с той же непреклонной волей, граничащей с жестокостью к собственным войскам, отогнал бы немцев от Москвы. И кто-нибудь другой, а не Конев, так же блестяще завершил бы Яско-Кишинёвскую операцию, задушив в огромном “котле” колоссальную по численности и вооружению группировку противника. Но судьба выбрала в качестве избранных их.

А он, Маршал, понимал: расстрелянных уже не вернуть. Так же, как и погибших на полях сражений. Лежали они в разных могилах. Над одними стоялиobelisks, к ним носили цветы. Над другими шумели, колосились травы забвения. И это жгло душу. Но говорить об этом было не принято. Да и не хотелось.

...Год учёбы в Москве пролетел как одно мгновение. То, что Конев слышал на лекциях, преломлялось в его сознании через опыт боёв, тех или иных операций, участниками которых ему довелось быть. Строгий аналитик, он снова и снова прокручивал память-киноплёнку, на которой были запечатлены и эпизоды смелых рейдов их бронепоезда, и белогвардейские контратаки, и гибель товарищей, и неожиданные решения командующего Особой Дальневосточной армией Блюхера, его многоходовый маневр, который всегда приносил успех.

И вот — снова войска. Полк. Маршал Конев размышлял: “Полк учит, полк воспитывает, полк по-настоящему готовит кадры. Комполка — организатор боя, он обязан правильно использовать артиллерию, полностью и до отказа дать огонь, а не штык, использовать танки, использовать поддержку сапёров и даже авиацию, запросив решения высших инстанций. Он хозяин на поле боя, в организации боя. Вот кто такой командир полка, вот почему я с большим желанием пошёл на эту должность. Командовал полком пять лет. Многие говорили, что “засиделся”, предлагали всякого рода должности, намекали, иногда даже иронизировали... Я учил полк и учился у полка. Про-

водил занятия сам, очень сложные, продолжающиеся непрерывно днём и ночью, с выходом в поле, с отрывом от базы, учил полк маршам и походам, боевой стрельбе и тактике, взаимодействию...”

Основным пулемётом стрелкового полка в то время был станковый пулемёт “максим”. И однажды Конев вдруг понял, что недостаточно полно владеет тактико-техническими данными этого вида оружия. И вот, когда жизнь в палаточном городке замирала и службу несли только дозоры, комполка пригласил к себе в штабную палатку начальника боепитания. Пригласил не одного, а... с пулемётом. Бывший офицер Русской армии, опытный оружейник, тот быстро ввёл командира полка в курс дела. Ночи напролёт они разбирали и собирали “максим”, обсуждали его боевые характеристики. Не раз выезжали на стрельбище. Во время первых же инспекторских стрельб комполка сам лёг в пулемётный окоп, заправил ленту в приёмник и выполнил задачу на “отлично”.

Войсками Московского военного округа, в который входили все войсковые подразделения, дислоцированные в Нижнем Новгороде и окрестностях, а значит, и 17-я стрелковая дивизия с 50-м полком Конева, командовал в тот период И. П. Уборевич. Впервые они познакомились ещё на Дальнем Востоке. Вообще, надо заметить, дальневосточники, оказавшись потом волею судьбы в других округах, легко сходились, дружили и в любом случае чувствовали нечто большее, чем просто служба. Потом, во время Великой Отечественной войны, дальневосточные корни тоже давали о себе знать. Берлин и Прагу маршал Конев будет штурмовать с дальневосточниками — генералами Рыбалко и Курочкиным.

Уборевич сразу выделил из массы командиров комполка Конева. Всегда подтянутый, аккуратный в одежде и службе, он привлекал к себе внимание командующего округом тем, что и полк его отличался прекрасной выучкой. Надо заметить, что Конев обладал и ещё одним даром, который всегда ценился в войсках и, пожалуй, ценится до сего времени. Он умел подать и себя, и свою работу, и боевую выучку своих подчинённых из числа командиров и бойцов. Что ж, ему было что и кого подавать. Это качество, которое, впрочем, он никогда не ставил впереди дела, он приобрёл в комиссарские годы.

В 1932 году город Нижний Новгород был переименован в Горький — в честь первого пролетарского писателя, которого очень уважал и любил Сталин. Название Нижегородская исчезло из наименования 17-й стрелковой дивизии. Какое-то время её пытались именовать Горьковской, но новое название не прижилось.

В тот же год Конев снова отбыл в Москву для продолжения образования.

Дочь маршала Наталия Ивановна бережно хранит среди прочего записи отца, сделанные им в дни учёбы, в тот самый период, когда он взахлёб слушал лекции Шапошникова, Свечина, Верховского, Лигнау. Вот некоторые фрагменты этих записей.

“Ныне действующей Академии Генерального штаба тогда ещё не было, и высший комсостав осваивал сложные проблемы вождения войск в Особой группе Академии им. Фрунзе.

(...) у нас к тому времени уже складывались собственные взгляды, определялись методы практического решения боевых задач. Новое в теории зарождалось не только в академии, но и в войсках, на опытных учениях и маневрах.

Мы изучали и разрабатывали вопросы глубокого боя и глубокой операции. Это была принципиально новая теория вождения массовых, технически оснащённых армий.

В ходе глубокой операции решались задачи прорыва обороны противника с одновременным ударом на всю её тактическую глубину, взлом фронта противника и немедленный ввод эшелона подвижных войск — танковых, механизированных корпусов для развития тактического успеха в успех оперативный”.

Здесь мы прервём записи маршала и, нарушив хронологию, вновь перенесёмся в 41-й и последующие годы Великой Отечественной войны. В июле 41-го, командуя 19-й армией, Конев станет свидетелем того, как захлебнутся

глубокие прорывы танковых корпусов в обороне немцев, усиленной короткими контрударами. Командуя войсками Западного и Калининского фронтов, он будет отражать удары танковых и моторизованных клиньев фельдмаршала фон Бока и генерала Моделя. И многому у них научится. Уже в 43-м под Белгородом и Харьковом он проведёт одну из своих самых блестящих операций, а потом, в 44-м и 45-м, доведёт тактику глубокого маневра на охват противника до совершенства. В каждом из сражений будет участвовать всё большее количество войск и вооружения, техники и иных ресурсов войны, и каждое из них будет завершаться всё большим поражением войск противника и захватом многочисленных трофеев и пленных.

Записи маршала Конева: “По этим проблемам высказывались Тухачевский, Шапошников, Триандафиллов, — мы осознавали, что будущая война будет войной моторов.

(...) настрой на учёбу был глубоко характерен для военной академии. Он чувствовался а аудиториях, где негромко звучали оценки обстановки, отдавались приказы, и шумно проявлялся в перерывах между занятиями, в коридорах, в яростных спорах о том, как лучше обороняться, как лучше нанести удар. Думаю, что слушатели многих поколений сейчас тепло улыбнутся, вспомнив вечный вопрос о том, каким флангом бить”.

Конев пишет о своих однокашниках, но нюхавших пороха, с мягкой иронией. Можно его понять. Он и те, кто вернулся с фронтов гражданской войны, в лекциях преподавателей, в каждом их слове видели несколько иное. Теорию управления войсками они слушали примерно так, как в бою слушают приказ: прошлое и будущее мгновенно сопрягалось, выдавая картинку наиболее вероятного. Вот почему им, слушателям другой, Особой группы, так не терпелось вновь оказаться в войсках, в родной стихии, где на практике, в поле, на рельефе, применить то бесценное, что они впитали здесь, в аудиториях со слов преподавателей, из книг, которых раньше не знали, из журнальных публикаций, где обобщался опыт не только тех боёв, участниками которых совсем недавно были они сами, но и вся история войн.

“В Особой группе внешне всё выглядело иначе, — писал маршал Конев, — спокойней, солидней, значительней, но хорошо помню, что за сдержанностью скрывался накал страстей: сильные, умудрённые войнами люди, склонившись над картами, решали военную задачу с таким напряжением ума, точно в этом весь смысл бытия”.

Конев дал очень точный психологический рисунок той особой атмосферы, царившей в Особой группе. Можно предположить, что во время этих занятий приобретали не только курсанты, но и преподаватели. И, конечно же, учились друг у друга. “Склонившись над картами”, они, конечно же, мысленно “перевоёвывали” те боевые операции, которые совсем недавно разрабатывали или непосредственно выполняли во главе отрядов, полков, дивизий и дивизионов.

С ним же происходило то, что и с многими крестьянскими детьми, перед которыми открылись массивные двери аудиторий. Он вошёл в неё скромно, не топя сапогами, но с достоинством командира, уже имевшего немалый боевой опыт. И налёг на учёбу с таким прилежанием, с такой жадностью, что по окончании курса получил предложение остаться на преподавательской работе.

“...с признательностью вспоминаю Бориса Михайловича по личному поводу. После моего доклада о Мартовской операции 1918 года профессор военной истории Коленковский рекомендовал командованию оставить меня преподавателем академии. Всегда внимательный, Шапошников после моих настоятельных просьб и доводов согласился, что моё место — в строю, хотя я очень люблю историю”, — так об этом вспоминал сам Маршал.

Забегая вперёд на десятилетия, стоит заметить, что история всё же любила Конева. Он не оказался среди забытых. Ведь память истории, а уж тем более людская память — категория куда как тонкая, прихотливая.

Именно тогда, в конце тридцатых, в Особой группе слушателей Военной академии им. М.В. Фрунзе, в самый канун войны, будущий маршал твёрдо уяснил одну из главных заповедей полководца: каждая операция должна глу-

боко и всестороннее прорабатываться, каждым маневр войск должен иметь мотивировку и просчитываться на несколько шагов, а также обеспечиваться маневром других родов войск и тылами. Однажды Б. М. Шапошников на очередном занятии по тактике обронил: “Не вытряхивайте свои дивизии из рукава, реально рассчитывайте марши. Ваши солдаты идут ночью, в осеннее время, вы этого не учитываете и не представляете себе, какими придут войска к полю боя...” Конев тут же записал эту мысль и запомнил её на всю жизнь. И всю войну потом поверял ею свои действия. И тому же учил подчинённых. Ох как непросто будет овладеть этой теорией на практике! Какими колоссальными потерями будет оплачен опыт 41-го и 42-го годов! Но молодые маршалы и генералы Сталина всё-таки освоют науку побеждать и переиграют опытных фельдмаршалов Гитлера в самой жестокой, самой масштабной и кровопролитной и самой маневренной войне XX века.

Глава шестая

РАССТРЕЛЫ. 37-Й ГОД И ДРУГИЕ

“После 37-го года Сталин приглядывался к оставшимся кадрам и брал на заметку людей, на которых собирался делать ставку в будущей войне”.

После выпуска из академии Конев направлен в Белорусский военный округ. Его назначают на дивизию. 37-я стрелковая. Она была расквартирована в Речице. Именно с ней Конев участвовал в Белорусских маневрах 1936 года и получил высокую оценку командующего войсками округа И. П. Уборевича. В феврале 1965 года в беседе с Константином Симоновым Конев признается, что в Белорусский военный округ его “забрал” Уборевич.

Дивизия Конева в составе “синих” стояла в обороне. “Эта оборона была многополосной, глубоко эшелонированной, — вспоминал маршал, — с системой траншей, ярко выраженными батальонными районами и противотанковой системой огня. Это было новое. Система противотанкового огня была организована и на переднем крае, и в тактической зоне обороны, и по всей оперативной глубине”.

Именно тогда, строя оборону с противотанковыми рубежами, Конев, как он рассказывал потом Константину Симонову, отказался от “принятого тогда метода рыть одиночные ячейки и организовал целый укрепленный район с отрытием траншей и ходов сообщения, с возможностью полного маневрирования внутри этого района, не поднимая головы выше уровня земли”.

— Мы оборудовали такой командный пункт, — не без гордости вспоминал те учения маршал Конев, — что на него приводили потом тогдашнего начальника штаба французской армии генерала Гамелена. Генерал был в группе иностранных наблюдателей. И вот пришёл генерал Гамелен и осматривал образцовый командный пункт. КП французам понравился. Понравилось и то, как командир дивизии расположил и обустроил боевые линии своих полков.

Первую правительственную награду — орден Красной Звезды — Конев получил в августе 1936 года. Без войны. За прекрасную боевую выучку введенного ему боевого подразделения. Но пора тишины иссякала. В воздухе всё явственней пахло войной.

Ровно через пять лет, почти в этих же местах Коневу придётся, уже не на учениях, стоять в обороне против танков генерала Гота, который считался одним из лучших танковых генералов вермахта. Вот когда вспомнилось знаменитое суворовское: тяжело в ученье... Но тяжело оказалось и в бою.

Командующий округа И. П. Уборевич явно симпатизировал молодому и перспективному комдиву, называл его: “Суворов”. Хорошее образование, ярко выраженная командирская жилка, здоровые народные корни, что в те годы было немаловажно. Вскоре Уборевич перевёл перспективного комдива на 2-ю Белорусскую дивизию. Дивизия считалась, как сейчас говорят, элитной.

“Это была особая дивизия, — признавался и сам Конев, — на положении гвардейской. Она была лучше других экипирована, полностью укомплектована, на всех учениях, маневрах и парадах всегда представляла Белорусский военный округ. К тому же 2-я Белорусская дивизия находилась на главном, минском, оперативном направлении”. Понятно, что Уборевич хотел иметь во главе такой дивизии хорошего и надёжного командира.

В это время Конев отрабатывает со своими полками взаимодействие с танковыми частями. Стрельбы — только боевыми патронами и снарядами. Характерно следующее: учились в основном наступательному бою, к обороне практически не готовились. Ни обороняться, ни отступить не собирались. Этого требовала тогдашняя военная доктрина. Бить, как тогда говорили, врага на его территории и малыми силами. Очень скоро Красная Армия будет пожирать горькие и катастрофические плоды этой доктрины на бескрайних полях сражений и поражений 1941 года. За первые пять месяцев войны наши потери были огромными.

В те дни, когда Конев водил по белорусским полигонам свою 2-ю стрелковую дивизию, в Минске и окрестностях квартировал кавалерийский корпус, которым командовал другой будущий маршал будущей великой войны — Георгий Константинович Жуков. Одновременно Жуков занимал должность начальника минского гарнизона.

Конев и Жукова связывали непростые отношения. Но попробую предположить, что осложнялись они больше окружением того и другого, а затем, в качестве второй волны, историками и публицистами, вольно рассуждающими о войне, а заодно и о сложностях взаимоотношений главных её действующих лиц.

Вспоминая белорусский период предвоенной службы, Конев, к примеру, сказал буквально следующее: “...наши добрые отношения завязались во времена, когда мы вместе служили в Белорусском военном округе”. О том же, как развивались взаимоотношения этих двух полководцев, которым суждено будет стать маршалами, бравшими в 45-м Берлин, мы ещё поговорим, и не раз.

В июле 1937 года, когда политическая атмосфера в стране была накалена до предела и при этом источник высокой температуры *был обнаружен* именно в войсках, Конев прямо с партийной конференции Белорусского военного округа вызвали к телефону — срочно прибыть в Москву к наркому обороны К. Е. Ворошилову.

У Конева с наркомом были хорошие, деловые отношения. Благодаря Ворошилову он теперь занимался любимым делом, потихоньку, не спеша, но последовательно, с ощущением твёрдой почвы под ногами, осваивал военную науку и теории и на полигонах, одновременно поднимался по служебной лестнице. Не ловчил, не обходил трудности по мелководью да вброд, всё давалось пóтом и постоянной кропотливой работой, работой и работой. Идеи партии принимал, борьбу её понимал. О том, что считал неправильным, помалкивал. На партийных собраниях вёл себя так, как подобает командиру, горячих на слово обрывал, хорошо понимая, чем это может кончиться.

И вот — звонок. Из Москвы. От наркома. Что он мог означать?

А означать он мог в то время всё что угодно.

Ещё весной, 29 мая, по “делу Тухачевского” был арестован командарм 1-го ранга И. П. Уборевич. Вместе с ним другие военачальники РККА: командиры А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков, В. К. Путна, командарм 1-го ранга И. Э. Якир. 11 июня Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе В. В. Ульриха, маршалов Советского Союза В. К. Блюхера и С. М. Будённого, командармов Я. И. Алксниса, Б. М. Шапошникова, И. П. Белова, П. Е. Дыбенко и Н. Д. Каширина рассмотрело дело о военно-фашистском заговоре и приговорило его участников к расстрелу. Газеты тех дней пестрили заголовками и информационными сообщениями о ходе следствия и новых показаниях заговорщиков. “Военно-политический заговор против советской власти, стимулированный и финансируемый германскими фашистами”. “Органами

Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии”. Однажды ему попала в руки довольно популярная тогда “Литературная газета”: “И вот страна знает о поимке 8 шпионов: Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана, Примакова, Путны, Корка, Фельдмана...” В конце коллективного письма известных писателей, инженеров человеческих душ, негодующее: “Мы требуем расстрела шпионов!” Конев пробежал длинный список подписавших: Вс. Иванов, Вс. Вишневский, Фадеев, Федин, Алексей Толстой, Павленко... Завёрстанное рядом такое же негодующее письмо ленинградских писателей: Слонимского, Зошенко...

Шпионов расстреляли на следующий же день после обнаружения приговора, то есть 12 июня. Но газеты *требовали* казни ещё неделю. Белорусским военным округом командовал командарм 1-го ранга Иван Панфилович Белов. Во время судебных слушаний Белов находился в зале заседания в качестве члена Военного совета при наркомате обороны. Позже, когда Конев был уже за тысячи километров от Минска, на Дальнем Востоке, до него дошли слухи, что командующий округа крайне неосторожно повёл себя на заседании Военного Совета 21 ноября 1937 года: заявил, что чистка, проводимая в войсках среди комсостава, отрицательно сказывается на ходе боевой и политической подготовки, что многие части практически парализованы.

Слухи оказались верными. Ивана Панфиловича Белова, что называется, прорвало: он заявил, что “было много перестраховочных представлений, было много слухов, когда люди сводили счёты, когда принимали за врага не того, кого надо. Люди, которых ни в партийном, ни в другом порядке не оценивали с плохой стороны, берутся органами НКВД”. Герою гражданской войны, бывшему главкому Туркестанской республики и командующему Бухарской группой войск РККА, вероятно, простили бы и “перестраховочные представления”, и “слухи”, и то, что “принимали за врага не того, кого надо”, но последняя фраза, сказанная им в запале об “органах НКВД”, погубила Белова. Позже, уже в январе 1938 года, Конев узнает, что командарм 1-го ранга Белов арестован. История с Уборевичем повторится. Белова расстреляют 29 июня 1938 года.

И вот — звонок из Москвы. Так брали многих. Чтобы не будоражить войска и семьи, не поднимать шум в гарнизонах, командармов, комкоров и комбригов вызывали в Москву, а там, на вокзале, их ждали машины с вежливыми офицерами сопровождения...

На всякий случай Конев спросил о цели вызова и... что иметь с собой.

— Обо всём узнаете на месте. Захватите с собой пару белья. Больше ничего.

Семья в то время жила с ним в Минске. Пришёл домой, сказал жене о срочном вызове в Москву. Анна Ефимовна сразу побледнела. Конев решил тему не развивать, но, уезжая, попрощался так, как если бы уезжал навсегда.

Внучка маршала Конева Анна, вспоминая семейные предания, рассказывала мне зимой 2010 года:

— Бабушка говорила, что в те дни дед спал с пистолетом под подушкой. Чтобы успеть застрелиться, если придут за ним...

Глава седьмая

КОМАНДИР ОСОБОГО “МОНГОЛЬСКОГО” ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

“Есть выход, товарищ Сталин!”

В Москве на Белорусском вокзале его уже ждала машина. Конев сразу взглянул на фуражку, на петлицы и вздохнул с облегчением: это был человек из секретариата К.Е. Ворошилова. Но, поздоровавшись, на всякий случай спросил:

— Куда едем?

— В Наркомат, — коротко ответил тот.

В Наркомате его тут же проводили к Ворошилову. О том, что было потом, пусть расскажет сам Конев: “После выяснения ряда вопросов К. Е. Ворошилов спросил меня, знаю ли я Дальний Восток. Я ответил, что знаю, воевал там, прошёл до Владивостока включительно. Знаю ли я Монголию? Ответил, что Монголию немного знаю: наша 2-я Верхнеудинская дивизия находилась на границе с Монголией и Маньчжурией, когда там развёртывались бои за освобождение Забайкалья от банд Семёнова, я хорошо представляю себе весь район, особенно восточную часть Монголии, её бескрайние степи, характер её местности. К тому же 2-я Верхнеудинская дивизия принимала участие в ликвидации банд Дитерихса. Ворошилов тогда сказал: “Нам нужно послать в Монголию представителя — советником при Монгольской Народной Армии. Как вы смотрите, если мы вас назначим на эту должность? Справитесь ли вы с ней?”

Для меня, разумеется, этот вопрос был неожиданным, но я сразу понял, что отказываться не имею права, и заявил: “Справлюсь, товарищ Народный комиссар, я согласен на это назначение”.

Ворошилов был в высшей степени удовлетворён таким ответом, и у него вырвался реплика: “А говорят, что у нас нет кадров! Очень хорошо, товарищ Конев, что вы сразу согласились поехать в Монголию и выполнить это ответственное поручение. Сегодня состоится заседание Политбюро. Я доложу на Политбюро о вашем согласии, и вопрос о вашем отъезде будет окончательно решён”.

Примечательный эпизод. Он характеризует многое. И степень оперативности в принятии тех или иных государственных решений. И ту готовность командиров РККА выполнить порученное. И то, какое место при этом занимала личная жизнь и личные интересы. Конечно, Конев, услышав от Ворошилова такое предложение, мгновенно понял, что его звёздный час настал, что это не простое повышение, а то, которое, в случае если он выполнит порученное ему задание, не просто благоприятно повлияет на всё его будущее, а определит его. Так и произошло. И так потом, на протяжении всей службы в войсках, Конев, получая приказ любой сложности, будет по-солдатски отвечать: “Есть”. Так будет под Москвой осенью 41-го, так будет в 45-м южнее Берлина, а затем, уже после войны, маршал Конев без долгих размышлений и колебаний отправится в Венгрию (1956 год), в Берлин (1961 год), чтобы исправить ошибки, допущенные политиками и дипломатами.

Конев: “Действительно, вечером состоялось решение Политбюро о моём назначении. Меня известили, что в Монголию вместе со мной едет делегация. После этого сообщения я был вызван в кремль к Сталину с тем, чтобы получить от него личные указания в связи с предстоящей командировкой. Сталин объяснил обстановку, складывающуюся в Монголии. Он сказал, что в связи с наступлением японцев в Маньчжурии и их подготовлен и план захвата Монгольской Народной Республики, а задача советских войск — не допустить захвата Монголии японскими войсками, не допустить выхода японцев к границам Советского Союза в районе озера Байкал и не дать им перерезать нашу дальневосточную магистраль. Далее мне было сказано, что согласно договору о дружбе между Монгольской Народной Республикой и Советским Союзом поставить вопрос об опасной угрозе, нависшей над Монголией, и о готовности Советского Союза оказать Монголии необходимую военную помощь”.

На восточных рубежах СССР обстановка в этот период резко осложнилась активизацией японцев. Потерпев фиаско в схватке с Красной Армией и советской дипломатией в двадцатые годы, японцы пошли по другому пути. У юго-восточных границ Монголии из остатков своих военных ресурсов, дислоцированных на материке, они изготовили “троянского коня” — марионетное государство Маньчжоу-го, укрепили его, вооружили, оснастили самой новейшей на тот период военной техникой. Вскоре Маньчжоу-го предъявило территориальные претензии к МНР. Начались пограничные конфликты с Монголией. Угрозы простирались значительно дальше и глубже монгольских границ. Терпеть такого соседа стало опасно. В 1936 году Германия и Япо-

ния заключили “Антикоминтерновский пакт”, после чего в отношении союзников СССР японцы начали наглеть в открытую. Квантунская армия, дислоцированная на материке, неподалёку, могла решить “монгольскую проблему” в результате одной стремительной операции. 7 июля 1937 года началась война между Японией и Китаем. Японцы быстро продвигались вглубь Китая. Под угрозой оказалась единственная коммуникация — Транссибирская магистраль, — которая связывала европейскую часть СССР с её дальневосточными областями и краями. Армия МНР насчитывала чуть больше 17 000 штыков. Реальной силы, таким образом, она не представляла. Спасти ситуацию, то есть преградить путь японцам в Монголию, могли только советские войска. Пока Конев был в дороге, в штаб Забайкальского военного округа пришла секретная директива за подписью Сталина: “Первое. Пакт о взаимной помощи (имеется в виду Пакт от 1936 г. между СССР и МНР. — С. М.) гарантирует нас от внезапного появления японских войск через МНР в районе Байкала, повторяю, Байкала, от перерыва железнодорожной линии у Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ. — С. М.) и от выхода японцев в тыл дальневосточным войскам. Второе. Вводя войска в МНР, мы преследуем не цели захвата Монголии и не цели вторжения в Маньчжурию или Китай, а лишь цели обороны МНР от японского вторжения, а значит, и цели обороны Забайкалья от японского вторжения через МНР”.

В Забайкальском военном округе спешно разрабатывали операцию по вводу войск в Монголию. После гражданской войны, когда здесь сходились в кровавой рубке красногвардейские отряды с одной стороны и казачьи формирования атамана Семёнова, а также орды самозваного правителя Монголии барона фон Унгерна, это была первая крупная операция.

Марш из Улан-Удэ на Кяхту начался 20 августа. В авангарде шли 36-я дивизия и 32-я мотомеханизованная бригада. Неделью спустя на монгольский аэродром в Баян-Тумене совершили посадку 52 советских самолёта. 28 августа механизированная колонна 36-й дивизии и 32-й бригады пересекли монгольскую границу и по тракту Кяхта—Улан-Батор двинулись вглубь Монголии.

Разведка тем временем сообщала, что Квантунская армия находится в местах постоянной дислокации в состоянии готовности, но приказа выступить не получала. Конев торопил войска. Вперёд! Вперёд! Можно было предположить, что японская разведка тоже не дремала, и марш советского экспедиционного корпуса на Улан-Батор секретом уже не являлся. Теперь важно было выиграть время. опередить японцев, выйти к коммуникации Калган—Улан-Батор, оседлать её и тем самым отрезать для японцев всякую возможность для вторжения.

3 сентября передовые части экспедиционного корпуса достигли города Саин-Шанда, через который проходила дорога на Улан-Батор из Калгана, и оседлали её. К 9 сентября 1937 года Особый корпус закончил сосредоточение и занялся обустройством на новом месте.

Разведка доносила: части Квантунской армии не двинулись с места. Марш корпуса комдива Конева оказался настолько стремительным, что японцы, явно опаздывая с выступлением, решили остаться на месте, потому что иное теряло всякий смысл. Этот бросок в Монголию впечатлил не только японцев, но и самих участников марша. Впоследствии, во время Великой Отечественной войны, Конев не раз будет применять нечто подобное — то с целью перехватить важнейшие коммуникации, то с задачей закрыть образовавшийся “котёл”, чтобы покончить с очередной группировкой окружённого противника. Дочь маршала Наталия Ивановна не раз повторяла мысль о том, что Конев и как человек, и как полководец *постоянно формировал себя*.

После завершения похода, в Москве, докладывая Главному военному совету, Конев более отчётливо прояснил обстановку, сложившуюся в тот период в Монголии и вокруг неё. Стилистика, характерная для того времени, в данном случае неважна. “Известно, что опоздание с вводом войск РККА в МНР на 8—10 дней могло изменить обстановку не в нашу пользу, так как банда шпионов и японских агентов Гэндэн, Дэвид, Даризап готовила переворот в МНР 9 сентября, в этот же день должен был состояться переход границы японскими войсками”.

Конев всегда, в любых обстоятельствах и при всех правителях был честным и верным солдатом своего Отечества. В тот период он, комдив, скорее всего, не был посвящён в тайны большой политики. В Монголии шла ожесточённая борьба за власть. Всё это происходило на фоне обострения международной обстановки.

Корпус Конева был мощнейшим подвижным соединением, усиленным двумя авиационными полками, двумя мотоброневыми и одной механизированной бригадой, которые имели 545 бронеединиц — танков и броневедомостей. Ничем подобным Квантунская армия на тот момент не располагала. Можно себе представить, какие лица были у японских генералов, когда разведка донесла о марше русских, о численности группировки и, главное, о темпах движения тогда ещё пока потенциального противника.

В эти дни напряжённого марш-маневра, когда стало понятно, что график движения выдерживается с опережением и что отставших и потерь удалось избежать, комдив Конев в какой-то момент действительно почувствовал себя потомком Суворова. Среди любителей и почитателей русской военной истории бродит такой анекдот: однажды, когда Александр Васильевич Суворов после предательства союзников-австрийцев оказался запертым со своим войском в Мутенской долине и русским грозила гибель, он вышел вечером из своей палатки к солдатам. Те сидели у костров, доедали свою кашу, чинили амуницию, порядком изношенную в походе, и точили о камни штыки и сабли. Все понимали то положение, в котором они оказались. Поглядывали за высокие шпильки перевала Рингенкопф. Если бы можно было перебраться через перевал, они в одно мгновение не только спаслись бы от во много раз превосходящей их армии французов, поджидающих их у выхода из долины, но и мгновенно оказались бы в тылу у них. Суворов понял настроение солдат и, глядя на озарённые закатным солнцем шпильки перевала Рингенкопф, вдруг воскликнул: “А что, ребяташки, махнём-ка мы через эту горку! Вот они там очумеют!” Там — это во французском стане, и в австрийских штабах, и в Петербурге, где тоже считали их положение погибельным. Знал ли этот анекдот комдив Конев, нет ли, неизвестно. Но он знал о Суворове всё и восхищался переходом русской армии через Альпы. Однажды, много позже описываемых событий, выступая перед слушателями Военной академии им. М. В. Фрунзе, сказал следующее (запись сделана кем-то из присутствующих): “Даже в годы Великой Отечественной войны у меня не было, пожалуй, таких напряжённых двух суток, как те, осенью 1937 года. Солдаты наши совершили поистине невозможное. Всё происходило в пустыне, где нет ни дерева, ни травинки, где ветры валят человека с ног, где нет дорог, где в лощинах между холмами машины вязнут по самые оси, а на холмах земля порой так тверда, что лопата звенит о неё, как о камень... Когда я смотрю в музее знаменитую суриковскую картину “Переход Суворова через Альпы”, мне представляются на ней вместо тех суворовских орлов-гренадеров... наши красноармейцы, что совершили свой славный форсированный марш по монгольскому бездорожью”.

Нет, мне всё же кажется, что комдив Конев знал тот старинный анекдот об Александре Васильевиче Суворове. И вполне можно себе представить, как восприняли сообщение о появлении красноармейских мотострелковых колонн на фланге Квантунской армии перед перевалами Большого Хинганского хребта в японских, да и иных штабах.

В Москве тоже были довольны удачно проведённой операцией. Пройдут годы, Красная Армия и союзные армии США, Великобритании, Франции покончат с германским фашизмом на западе, и, планируя операцию по разгрому Квантунской армии Японии, советские штабы примут решение идти в центральную Маньчжурию именно по этому маршруту, через прорыв обороны противника на Хингане.

Когда Конев докладывал на Главном Военном совете, Сталин вдруг задал ему вопрос, которого он совершенно не ожидал:

— Говорят, вы в Монголии запрещаете пить нашим командирам?

С юных лет Конев испытывал почти отвращение к спиртному. С годами, правда, это отношение претерпело некоторую эволюцию: в сущности, хоро-

ший крепкий напиток или вино — это благо, но — в умеренных дозах, в качестве лекарства и как средство общения. В Монголии же, когда корпус остался в промёрзшей пустыне, в землянках, когда благом считалась железная печка, охалка дров и горячий чай, всё остальное быстро начала заменять водка. И Конев ввёл жесточайший режим её потребления. Слухи об излишне строгих порядках, которые были заведены командиром корпуса, дошли до Москвы. Сталин счёл необходимым заговорить об этом на Военном совете.

— Запрещаю, товарищ Сталин, — ответил Конев.

Заседание Главного Военного совета, как правило, проходило в Овальном зале. Председательствовал Ворошилов. Сталин сидел за крайним столиком справа от стола Наркома обороны. Когда выступающий выходил к трибуне, а потом наступало время вопросов, Сталин подходил вплотную к трибуне и задавал свои вопросы, глядя прямо в глаза стоящему за трибуной. Так было и в этот раз. Сталин понял, что Конев ответил прямо, как солдат, не кривя душой. Но ответ его не удовлетворил. И он сказал:

— Может быть, не рекомендуете, скажем так...

— Не рекомендую, товарищ Сталин.

— Ну, это другое дело.

Кстати, признание Конева Сталину о том, что он сам стирает своё бельё и моет полы в своём жилье, не рисовка. Помните его юношеские записи о том, как отвратительно ему “денщичество и личное использование солдат” и что “не пушки, не ружья сражаются, а человек”? О людях он умел позаботиться. И, как видно из разговора со Сталиным, тему эту приготовил заранее и довольно стройно её изложил, дипломатично закончив шуткой, которая, возможно, в большей степени и помогла решить проблему. Подтверждением тому, что Конев себя в Монголии, да и везде, когда оказывался без семьи, обстирывал себя сам и сам наводил порядок в своём жилище, другой эпизод, который произойдёт спустя четыре года, на Калининском фронте. И именно ему, этому счастливому случаю, Конев будет обязан своему семейному счастью, которое он, наконец, обретёт с другой женщиной. Но об этом рассказ впереди.

За успешно проведённую монгольскую операцию Конев был награждён орденом Красного Знамени. А заместитель премьер-министра МНР маршал Чойбалсан вручил командиру Особого корпуса РККА высший орден республики имени Сухэ-Батора.

Осенью из Москвы пришёл приказ: передать дела своему заместителю и прибыть за новым назначением.

Командование 57-м Особым экспедиционным корпусом Конев передал своему комиссару Коровникову. С Иваном Терентьевичем Коровниковым он успел подружиться. Знал: передаёт налаженное хозяйство в надёжные и добросовестные руки. Расставаясь, два Ивана с искренней надеждой сказали друг другу, что судьба, возможно сведёт их вместе. И точно, свела. В декабре 1944 года из резерва Ставки в состав 1-го Украинского фронта маршалу Коневу передадут 59-ю общевойсковую армию. Командовать ею будет генерал Коровников. Армия генерала Коровникова в составе 1-го Украинского фронта примет участие в Сандомирско-Силезской, Нижнесилезской и Пражской стратегических операциях.

Глава восьмая

КОМАНДУЮЩИЙ 2-й ОСОБОЙ КРАСНОЗНАМЁННОЙ

“... он завёл на командиров и политработников чёрные списки”.

Дальневосточная одиссея Конева продолжалась. Уже в звании комкора он снова едет по знакомой дороге, по которой когда-то продвигался с боями на бронепоезде “Грозный”. На этот раз прибыл в Хабаровск. Здесь размещался штаб Второй Отдельной Краснознамённой армии.

Назначение комкора Конева на новую должность происходило на фоне драмы Блюхера.

Пока Конева со своим корпусом зарывался в землю, прикрывая юго-восточные границы МНР, японцы активизировались у озера Хасан. Судьбе так было угодно, что и эта короткая война (“События... немногих дней”), и выводы, сделанные по её итогам в Москве, и те кадровые перестановки среди высшего командного состава РККА, сделанные вскоре, непосредственно коснулись Конева.

“Совершенно секретно

ПРИКАЗ

Народного комиссара обороны СССР

№ 0040

4 сентября 1938 г.

г. Москва

31 августа 1938 г. под моим председательством состоялось заседание Главного Военного совета РККА в составе членов Военного совета: тт. Сталина, Щаденко, Будённого, Шапошникова, Кулика, Локтионова, Блюхера и Павлова, с участием Председателя СНК СССР тов. Молотова и зам. Народного комиссара внутренних дел тов. Фриновского.

Главный Военный совет рассмотрел вопрос о событиях в районе озера Хасан и, заслушав объяснения комфронта тов. Блюхера и зам. члена Военного совета КДФронта тов. Мазепова, пришёл к следующим выводам:

1. Боевые операции у озера Хасан явились всесторонней проверкой мобилизационной и боевой готовности не только тех частей, которые непосредственно принимали в них участие, но и всех без исключения войск КДФронта.

2. События этих немногих дней обнаружили огромные недочёты в состоянии КДФронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказались на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздёрганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь).

(...)

Количество наших войск, участие в операциях нашей авиации и танков давало нам такие преимущества, при которых наши потери могли быть намного меньшими.

И только благодаря расхлябанности, неорганизованности и боевой неподготовленности войсковых частей и растерянности командно-политического состава, начиная с фронта и кончая полковым, мы имеем сотни убитых и тысячи раненых командиров, политработников и бойцов. Причём процент потерь командно-политического состава неестественно велик — 40%, что лишний раз подтверждает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность территории своей великой социалистической Родины, а также благодаря умелому руководству операциями против японцев тов. Штерна и правильному руководству тов. Рычагова действиями нашей авиации.

(...)

4. Виновниками в этих крупнейших недочётах и в понесённых нами в сравнительно небольшом боевом столкновении чрезмерных потерях являются командиры, комиссары и начальники всех степеней КДФронта, и в первую очередь — командующий КДФ маршал Блюхер.

(...)

От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился, прикрыв это самоустранение посылкой наштафронта тов. Штерна в район боевых действий без всяких определённых задач и полномочий.

(...)

На основании указаний Главного Военного совета

ПРИКАЗЫВАЮ:

(...)

Маршала т. Блюхера от должности командующего войсками Дальневосточного Краснознамённого фронта отстранить и оставить его в распоряжении Главного Военного совета РККА.

1. Создать в войсках Дальневосточного фронта две отдельные армии, с непосредственным подчинением Народному комиссару обороны:

а) 1-ю Отдельную Краснознамённую армию в составе войск согласно приложению № 1, подчинив Военному совету 1-й армии в оперативном отношении Тихоокеанский флот.

Управление армии дислоцировать — г. Ворошилов. В состав армии включить полностью Уссурийскую область и часть областей Хабаровской и Приморской. Разграничительная линия со 2-й армией — по р. Бикин;

б) 2-ю Отдельную Краснознамённую армию в составе войск согласно приложению № 2, подчинив Военному совету 2-й армии в оперативном отношении Амурскую Краснознамённую флотилию.

(...)

4. Утвердить:

а) командующим 1-й Отдельной Краснознамённой армией — комкора тов. Штерна Г. М., членом Военного совета армии — дивизионного комиссара тов. Семеновского Ф. А., начальником штаба — комбрига тов. Попова М. М.;

б) командующим 2-й Отдельной Краснознамённой армией — комкора тов. Конева И. С., членом Военного совета армии — бригадного комиссара тов. Бирюкова Н. И., начальником штаба — комбрига тов. Мельника К. С.

(...)

11. Военным советам 1-й и 2-й Отдельных Краснознамённых армий:

а) немедленно приступить к наведению порядка в войсках и обеспечить в кратчайший срок их полную мобилизационную готовность, о принятых мероприятиях и проведении их в жизнь Военным советам армий доносить Народному комиссару обороны один раз в пятидневку;

б) обеспечить полное выполнение приказов народного комиссара обороны № 071 и 0165 — 1938 г. О ходе выполнения этих приказов доносить через каждые три дня, начиная с 7 сентября 1938 г.

в) категорически запрещается растаскивание бойцов, командиров и политработников на различном виде работы.

В случаях крайней необходимости Военным советам армий разрешается, только с утверждения Народного комиссара обороны, привлекать к работам войсковые части, при условии использования их только организованно, чтобы на работах были целые подразделения во главе со своими командирами, политработниками, сохраняя всегда полную их боевую готовность, для чего подразделения должны своевременно сменяться другими.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза
К. ВОРОШИЛОВ

Начальник Генерального штаба РККА командарм 1 ранга
ШАПОШНИКОВ”.

Граница с Китаем проходила по Амуру от Кумры до Хабаровска. Манчжурию контролировали японские войска. На многочисленных островах на Амуре часто происходили стычки вплоть до применения стрелкового оружия. Японцы появлялись возле Хабаровска, в районе протоки Казакевича.

Два года назад, а именно 25 ноября 1936 года в Берлине Япония и Германия заключил договор, так называемый “Антикоминтерновский пакт”. Пакт обязывал стороны применять самые суровые меры против тех, “кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала”. В случае необходимости эту статью можно было трактовать довольно произвольно. Пакт был дополнен секретным соглашением о совместных действиях против СССР. 6 ноября 1937 года к пакту присоединилась Италия. 24 февраля 1939 года — Венгрия и марионеточное государство Маньчжоу-Го. В марте того же 39-го — Испания, а затем Болгария, Финляндия, Румыния, Дания. Постепенно оформлялся военный союз.

Тон в нём задавали Германия и Япония. Вскоре стало очевидным, что добром всё это не кончится.

Территории влияния для Второй Особой армии достались трудные. Достаточно сказать, что на отдалённых Сахалине и Камчатке гарнизонов не было. Японцы же поглядывали на эти земли с вождедением. Так уж сложилось исторически, что, как только в России начинаются нестроения, мятежи и смуты, Япония тут же начинает подплывать на своих каноэ к этим нашим полуостровам и островам.

Разведка доносила, что японцы наглеют не только в нейтральных водах, что их сейнеры заплывают в советские территориальные воды и ведут незаконный лов рыбы. По островам шарит пешая разведка. Комкор Конев решил эту проблему радикально: на Камчатку была переброшена 101-я стрелковая дивизия комбрига Городнянского¹, а на Сахалин введена 79-я дивизия комбрига Макаренко. Архивные источники свидетельствуют о том, что, к примеру, 79-я формировалась спешным порядком, можно предположить, что создавалась она для прикрытия островов. Комбриг Иван Алексеевич Макаренко затем станет генералом, во время Великой Отечественной войны будет командовать 12-й Амурской, а затем 82-й гвардейской стрелковой дивизиями, закончит войну в Австрии. С Авксентием Михайловичем Городнянским Конев встретится на фронте летом 41-го. Под Смоленском в трудную минуту боя они окажутся в одной батальонной цепи, которую поднимут, чтобы контратакой выправить тяжёлое положение. Дивизия Городнянского входила в состав 16-й армии генерала Рокоссовского и обеспечивала стык между своей и 19-й армией Конева. Немцы ударили в стык и прорвались, угрожая флангам и тылам. Но об этом немного позже.

А тогда, на Дальнем Востоке, перед ними стояли японцы.

Связь с Петропавловском-Камчатским у Конева осуществлялась по радио. Очень часто командующий получал от начальника камчатского гарнизона такую шифровку: в территориальных водах появились японские рыболовецкие суда, высылаю на перехват боевые катера. Через час новое сообщение: подошли японские боевые корабли, предъявили ультиматум — мы незаконно разместили на островах свои войска, требуют немедленно вывести войска на материк, в противном случае угрожают открыть огонь из корабельных орудий и высадить на острова десант. Конев отвечал, стараясь выдерживать спокойный тон: Авксентий Михайлович, японцы вас недооценивают, полагая, что у вас слабые нервы... Но тут же приказывал привести войска в полную боеготовность. Городнянский радиовал: готовы. Во время таких обострений Конев иногда прибывал в Петропавловск. Смотрел в бинокль на японскую эскадру и видел наведённые на город стволы главного калибра.

На Сахалине, после того как там обосновалась 79-я стрелковая дивизия, стало поспокойней. Дивизия эта в 45-м примет участие в боевых действиях против Квантунской армии. Расформируют её спустя многие десятилетия, когда государство и армия станут другими, — в 1995 году.

Граница по Амуру была территорией особого напряжения. После поражения на озере Хасан летом 1938 года японцы готовились к более масштабному вторжению. Как известно, на Амуре много островов. Демаркационная линия, проходившая по фарватеру рек Амура и Уссури, оставляла за СССР сотни островов. И если раньше это были просто “покосные места”, где местные жители заготавливали сено для домашнего скота и занимались земледелием, то впоследствии на них были оборудованы укрепленные районы большой мощности. После расширения Хабаровского аэропорта над островом Большой Уссурийский проходила посадочная глиссада. Кроме того, здесь же находились дачные участки хабаровчан. Несмотря на это, в 2004 году тогдашние власти Российской Федерации передали Китаю 174 квадратных километра островной территории. Но невозможно не упомянуть о том, что в тридцатые годы

¹ Городнянский Авксентий Михайлович (1896–1942) — полководец, генерал-лейтенант. С 1918 г. в Красной Армии. Участвовал в Смоленском сражении. В ходе Харьковской операции Городнянский погиб при попытке выйти из окружения во время рукопашного боя. Похоронен немцами со всеми воинскими почестями на хуторе Орлиноярск Петровского района Харьковской области.

и начале сороковых за эти острова гибли советские бойцы и командиры, пограничники и красноармейцы. Маршал Конев вспоминал: "...японцы пытались захватить острова или проливы, даже делали попытки высадить небольшие десанты, чаще всего в протоке Казакевича. Так что конец 1938-го и весь 1939 год я всё время был в состоянии боевого напряжения. За все годы службы, сначала в Монголии, а затем на Дальнем Востоке у меня, разумеется, не было ни одного выходного дня. Я не ездил в отпуск, и даже не возникал вопрос о том, что я могу поехать отдохнуть".

Интенсивная работа, полукочевой образ жизни, конечно же, не шли на пользу ни семейным отношениям, ни собственному здоровью. Всё это: и нестроения в семье, и пренебрежение заботой о регулярном питании и отдыхе — развилось в хроническую болезнь — язву желудка. Но первое Конев старался заглушать работой, работой и работой. А второе... Тогда ещё организм был молод, и молодость была лучшим лекарством от всех недугов. Правда, молодость относится к категории тех человеческих достоинств, которые с годами изнашиваются и исчезают почти бесследно...

За полтора годы службы в должности командующего 2-й ОКА Конев дважды отлучался из расположения армии: оба раза в Москву, куда выезжал по вызову наркома обороны для доклада на Главном Военном совете о мобилизационной готовности армии.

В марте 1939 года в Москве открылся XVIII съезд ВКП(б). Конев принял участие в его работе как делегат от Хабаровской партийной организации. На съезде его избрали членом Центрального Комитета партии. В итоговом документе ставилась задача "усиления борьбы за предотвращение войны, активной поддержки народов, оказавшихся под угрозой порабощения, укрепления деловых отношений со всеми странами, выступающими против фашистской агрессии". Вместе с тем указывалось на необходимость "всемерно повышать обороноспособность страны, держать в боевой готовности советские Вооружённые Силы". Это касалось Конева непосредственно.

Конев: "Перед выборами руководящих органов партии я был приглашён на заседание Совета старейшин. Когда началось обсуждение моей кандидатуры, Сталин спросил, как я оцениваю деятельность Мехлиса, начальника Главпура, и какое у меня к нему отношение? Я ответил, что оцениваю его деятельность отрицательно, потому что он ведёт неправильную линию по отношению к командирским кадрам. Прямо, открыто сказал, что он завёл на командиров и политработников чёрные списки. Это недостойно. Сталин задал второй вопрос, спросил, какие у меня взаимоотношения со Штерном. Штерн был командующим 1-й ОКА. Ответил, что личные отношения нормальные, а по службе — плохие, так как товарищ Штерн хотел бы командовать всем Дальним Востоком, а я считаю, что его претензии необоснованные. Интересно, что даже такая деталь не ускользнула от Сталина. Это показательно. Он хорошо знал кадры, знал и взаимоотношения. Счёл необходимым в присутствии всех задать такой вопрос, я ответил прямо, как надлежит коммунисту".

Очень характерный эпизод. И для Сталина. И для Конева. Сталин предложил одному из своих командармов довольно жёсткий, как сказали бы теперь, тест. Он давно присматривался к молодому комкору. Что тот скажет в ответ? О сложных взаимоотношениях двух дальневосточных командармов Сталин уже был наслышан. После низложения "царька" Дальнего Востока Блюхера Сталин на время разделил властные полномочия в самом отдалённом своём гарнизоне. Но события складывались так, что командование, видимо, снова придётся сконцентрировать в одном штабе. Конев действительно ответил прямо. Он и потом, когда судьба будет подтаскивать к плахе или к черте, за которой могла последовать немилость того, от кого зависела не только карьера, но и сама жизнь и жизнь близких, будет отвечать прямо.

В лице Мехлиса Конев, конечно же, наживёт после того прямого ответа злейшего врага на многие годы. Но и в этой истории проявится прямота и последовательность Конева. Через три года он скажет Сталину о нецелесообразности присутствия в войсках комиссаров. Сталину было странно это слышать от бывшего комиссара. Может быть, потому он его не только выслушал, но и,

по сути дела, последовал его совету. После войны главный маршал авиации А. Е. Голованов расскажет писателю Феликсу Чуеву вот какую историю.

Голованов: “Осенью 1942 года в моём присутствии в разговоре с Верховным Конев поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, доказывал он, это единоначалие.

— Зачем мне нужен комиссар, когда я и сам им был! — говорил Конев. — Мне нужен помощник, заместитель по политической работе в войсках, чтобы я был спокоен за этот участок работы, а с остальным я и сам справлюсь. Командный состав доказал свою преданность Родине и не нуждается в дополнительном контроле, а в институте комиссаров есть элемент недоверия нашим командным кадрам.

Рассуждения командующего фронта, его уверенный тон произвели впечатление на Сталина, и он, как это часто бывало в подобных случаях, стал выяснять мнения по *комиссарскому* вопросу среди высшего командного состава Красной Армии, особенно прислушиваясь к мнению командующих армиями, командиров корпусов и дивизий. Большинство поддерживало Конева, и вскоре решением Политбюро институт комиссаров в армии упразднили, отметив, что он сыграл положительную роль в начальный период войны”.

Надо заметить, что к этому времени комиссар Конев уже стал командиром Коневым, а командир мыслит уже несколько другими категориями, да и повседневные заботы, обязанности и тревоги были уже иными. И когда он сколачивал 2-ю Особую Краснознамённую армию, когда наводил порядок в дивизиях и полках, где зачастую процветало пьянство, неподчинение командирам, воровство, он, конечно же, в первую очередь, рассчитывал на помощь командиров. Многие командиры в это время оказались *изъяты* из армии, а точнее, арестованы органами НКВД, осуждены как враги народа, как японские шпионы и диверсанты. В лучшем случае они томились в лагерях, в худшем — были расстреляны.

Буквально накануне приезда Конева в Хабаровск по Дальнему Востоку прокатилась волна репрессий по так называемому делу “дальневосточной правотроцкистской шпионской диверсионно-вредительской организации”. Автором этой грандиозной трагедии был полпред НКВД по Дальнему Востоку Люшков¹. Во всех областях края были “выявлены” “участники” и “шпионы”. В том числе и среди военных. Поскольку Люшков обладал особым нюхом, идя по следу бывших белогвардейцев, последние, настоящие и мнимые, а также все, похожие на них, были вычищены под метлу. В том числе и из штабов воинских частей, из дивизий и полков. Вот цифры, которыми исчисляются ведомственные подвиги полпреда НКВД на Дальнем Востоке: с ноября 1937 года по май 1938 года уволено — 1 867 человек; арестовано — 642 человека. Когда Люшков бежал через границу, японцам он назвал другие цифры: в тюрьмы и лагеря отправлено 1 200 командиров и политработников и 3 000 младших командиров. Видимо, давая показания, Люшков пытался предьявить себя в глазах японцев тем человеком, который своей неутомимой деятельностью принёс им, врагам большевизма и СССР, огромнейшую пользу. Действительно, на такую акцию вряд ли способен целый отряд хорошо подготовленных диверсантов. Как отмечают исследователи репрессий на Дальнем Востоке, за эти годы “три-четыре раза сменились руководители всех сфер управления края и областей, включая органы НКВД, были обезглавлены вооружённые силы региона”. В июне 1938 года на Дальний Восток прибыли ещё два “красных коршуна”: Лев Мехлис и Михаил Фриновский — “для проведения чистки руководства Тихоокеанского флота, погранвойск и местного НКВД”. Волна репрессий снова захлестнула край. На повышение обороноспособности войск эти акции положительного влияния, конечно же, не имели. И Конев вынужден был молчаливо наблюдать за тем, как парили эти нездешние птицы над флотом и сухопутными войсками, над погранзаставами и военными городками.

---

¹ Люшков Генрих Самуилович (1900–1945) — деятель ЧК-ГПУ-НКВД. В июне 1938 г. перебежал к японцам. В 1945 г., ещё до краха Квантунской армии, японцами был застрелен.

Но его прорвало в Москве, когда сам Сталин спросил о Мехлисе. Давайте попробуем предположить, что всего, что было на сердце, при всей своей прямоте, Конеv всё же не сказал. Возможно, и сказал бы, если бы Сталин пошёл дальше. Но дальше Сталин не пошёл. Видимо, ему было достаточно того, что он услышал. А может, он пожалел молодого комкора, который вдруг начал говорить слишком откровенно, что он думает о человеке, которому Сталин безмерно доверял? Помните, чем закончились откровения для командующего войсками Минского военного округа командарма 1-го ранга Белова? Помнил и Конеv. И, возможно, Сталин понял его. Сталину было достаточно того, что Конеv уже сказал. Сказать тому, кто к тому времени обладал уже исключительной властью в стране, о “чёрных списках” — это сказать многое. Лысецы мели хвостами. Гордецы молчали или валили лес в отдалённых лагерях, подписав на себя абсурдные обвинения. Конеvu в тот год было уже за сорок. Не юнец, на молодость такое высказывание не спишешь. Возможно, он почувствовал, что крылья “красных коршунов” застыт небо уже и над его головой? Его биография и его послужной список казались безупречными. Но когда за дело брались такие люди, как Люшков... В любой момент могла выплыть история первого мужа-эмигранта Анны Ефимовны и её исчезнувшая дочь, следы которой терялись то ли в Харбине, то ли в Америке. Да и сам он не всегда вёл себя безупречно с точки зрения отношения к врагам партии. В восемнадцатом в Никольске сквозь пальцы смотрел на активность старой Земской управы. А за что его пощадил, не доби́ли колы́ями ду́ровские мужички? Да ещё гвардейский кирасирский полк, который потом появился на Дону... Такой, как Люшков, всё выведает.

Сталин к тому времени уже приметил Конева и внимательно следил за его работой в войсках, отмечая его профессиональный рост. Доносы шли. И он их прочитывал. И некоторым тут же давал ход. Но не позволял людям из НКВД трогать тех, кто ему был нужен, кто был надёжен, и в первую очередь профессионально. Правда, в первые два года не всегда нужные генералы и маршалы по его воле оказывались там, где они были нужнее.

После съезда Конеv вернулся в Хабаровск. Но вскоре получил из Москвы за подписью наркома обороны Ворошилова пакет со следующим предписанием: Дальний Восток, говорилось в нём, единый театр военных действий, поэтому в оперативном отношении разумнее было бы объединить все находящиеся в пределах края войска под единым командованием; в связи с этим образуется Дальневосточный военный округ и его командующим назначается командарм 2-го ранга Штерн. В том же письме предлагалось ему, комкору Конеvu, принять должность командующего Забайкальским военным округом.

Главные события 1939 года на Дальнем Востоке снова минуют Конева. Новая короткая война с японцами, теперь уже на реке Халхин-Гол, будет более кровавой. Для советско-монгольских войск она станет победной. Штерн возглавит фронтовое управление, которое будет координировать действия советских войск и подразделений МНРА. А 57-й Особый корпус, тот самый, “монгольский”, коневский, на который в период решающих боёв будет возложена главная задача, возглавит тогда ещё мало кому известный комкор Георгий Константинович Жуков. Корпус будет усилен ещё несколькими стрелковыми дивизиями, артиллерией и танками и получит наименование 1-й армейской группы. Штерн и Жуков вскоре станут Героями Советского Союза.

Общепризнано, что результаты мощных атак, которые испытала японская армия во время событий на Халхин-Голе, очень сильно повлияли на правительство Японии. После подписания пакта о ненападении между СССР и Германией в Японии разразился правительственный кризис. Правительство Хиракумы Киитиро ушло в отставку. Восторжествовала так называемая “морская партия”, которая развернула свои вооружённые силы в сторону Юго-Восточной Азии и островов Тихого океана. Сталин ликовал. Ведь это неминуемо вело Японию к столкновению с США. Динамика официальных взаимоотношений СССР и Японии такова:

— 15 сентября 1939 года правительства обеих стран подписали соглашение о перемирии;

— 13 апреля 1941 года заключён советско-японский пакт о нейтралитете.

Надо заметить, что и та, и другая стороны будут соблюдать условия этих договорённостей до конца лета 45-го. Когда в декабре 41-го группа армий “Центр” будет стоять у ворот Москвы и замерзать в её выстуженных полях, Гитлер яростно потребует от Японии вторгнуться своими силами в пределы СССР на Дальнем Востоке. Но японские танки и пехотные дивизии останутся в районах сосредоточения и не сдвинутся вперёд ни на шаг. Впечатления, полученные в мае-августе 1939 года, будут сильны. Японцы народ впечатлительный.

7 декабря 1941 года, буквально через двое суток после начала контрнаступления советских войск под Москвой, японцы атакуют американскую морскую базу Пёрл-Харбор и тем самым вовлекут США в число основных участников Второй мировой войны.

Сталин снова будет ликовать: для него японская атака американской базы станет более чем удачей. Из пассивного заокеанского наблюдателя США сразу стали активным союзником не только Англии, но и СССР.

Глава девятая

ЗАБАЙКАЛЬЕ

“... в случае необходимости нанести удар”.

Весной, в начале апреля 1940 года, Конев был вызван в Москву. Главный Военный совет заслушивал доклады по итогам боёв только что закончившейся советско-финляндской войны.

Доклады были разные. Но Конев понял, что результаты Зимней войны, как её тогда называли, были нерадостными.

И эта война пронеслась мимо него. Те, кто хлебнул там пороха, рассказывали о боях скупо, неохотно.

Правда, всех порадовала поездка на полигон, где были продемонстрированы испытания новых танков. Т-34 даже с виду казались мощнее лёгких танков и танкеток, которые стояли на вооружении в бронетанковых частях. Легко маневрировали. Да и вооружение у них было более мощным. Там же, на полигоне, Конев познакомился с конструктором этой сверхмощной на тот период боевой машины М. И. Кошкиным. На полигоне во время испытаний “тридцатьчетвёрок” Конев оказался рядом с Жуковым и начальником артиллерии Красной Армии командармом 2-го ранга Н. Н. Вороновым. Разговорились. Обсуждали только что увиденное. И необычный внешний вид, и маневренность, и вооружение танка впечатляли. Боевые командиры, они сразу увидели новую машину в поле, в войсках.

После Москвы — Чита. Штаб Забайкальского военного округа.

К тому времени в Забайкальском военном округе собралась целая когорта военачальников, обладавших глубокими знаниями, владевших практикой управления войсками. В этот период на территории округа формировалась 16-я общевойсковая армия под командованием генерала М. Ф. Лукина. Буквально летом того же 40-го развёрнута 1-я армия генерала П. А. Курочкина. С Лукиным, плечом к плечу, Конев будет стоять в 41-м под Смоленском, а потом под Вязьмой. С Курочкиным встретит Победу. Одним из стрелковых корпусов в армии Лукина командовал В. Я. Колпачки, 78-й стрелковой дивизией — полковник А. П. Белобородов.

В то лето Конев носил новые знаки различия — три звезды в петлицах нового образца. Звёзды он получил вместе с новым званием — генерал-лейтенант.

В декабре 1940 года командующие военных округов и начальники штабов прибыли в Москву. Новый нарком обороны маршал С. К. Тимошенко проводил не только совещание высшего командного состава своего ведомства, но и большую военно-стратегическую командную игру. Участвовали штабы округов и армий. С докладами выступили генералы, которые тогда хо-

дили в героях после двух войн. Они делились опытом и своим оперативным искусством. О наступательной операции в условиях современной войны докладывал командующий Киевским Особым военным округом генерал Г. К. Жуков. О танковом маневре в ходе наступательной операции говорил командующий Западным военным округом генерал Д. Г. Павлов. Пройдёт совсем немного времени, каких-нибудь полгода с небольшим, и один из них подпишет санкцию на арест и предание суду Военного трибунала другого — за трусость, бездействие и паникёрство, создание возможности прорыва фронта противником “в одном из главных направлений”. Начальник Генерального штаба генерал К. А. Мерецков сделал доклад по общим вопросам. Были заслушаны доклады командующих округов: Ленинградского — генерал П. Г. Понеделин и Московского — генерал И. В. Тюленев. Заключительное слово взял маршал С. К. Тимошенко. Из выступлений стало совершенно очевидно, что угроза нависает с запада и что теперь противником РККА станет германский вермахт и армии союзников Германии.

Предоставлено было слово и генералу Коневу. Он сказал о необходимости пересмотреть некоторые статьи и положения уставов, которые устарели и уже не отвечают реальностям, в которых находятся и должны действовать вооружённые силы страны. Тактика современной войны, её приёмы значительно ушли вперёд. А уставы, оставшиеся прежними, действительно сдерживали развитие управления войсками в современном бою. Конев в своём выступлении особое место уделил боевому порядку войск в наступлении, затем остановился на проблеме построения противотанковой обороны. Завершил своё выступление по-комиссарски, в духе времени: “Я ставлю вопрос об обязательном изучении истории партии, изучении географии как обязательного предмета для командного состава. А у нас ещё существует такое положение, когда изучение марксизма-ленинизма поставлено в зависимость от настроения. Мы не можем позволить, чтобы наши командиры были политически неграмотными, в таком случае они не могут воспитывать бойцов Красной Армии. Изучение истории партии, изучение марксизма-ленинизма является государственной доктриной и обязательно для всех”.

К этому фрагменту выступления командующего Забайкальским военным округом можно отнестись как к общему месту. А можно и задуматься. На смену вычищенным из войск командирам, особенно старшего состава, пришли люди, не обладающие необходимыми знаниями, ни военными, ни общими, более того, малокультурные. Что впоследствии скажется. Вот о чём говорил Конев. Что уж говорить о топографии и умении читать карту; командиры полков и батальонов не знали географии, то есть не владели знаниями выше уровня трёхклассной церковно-приходской школы. Если определение “марксизм-ленинизм”, к примеру, заменить определением “патриотизм” (а в то время это было тождественно), то Конев завершил своё выступление очень верно. Что же касается необходимости, по словам Конева, обязательного изучения командирами военной истории и географии, то вынужден рассказать одну печальную историю, которой совсем недавно довелось быть свидетелем. Разговор с генералом, выпускником Военной академии им. М. В. Фрунзе уже постсоветского курса. Затронули тему войны. Оказалось, он термина Великая Отечественная война не признаёт. В беседе всякий раз вежливо поправлял меня — “Вторая мировая...” Правда, позже узнал, что мой собеседник генерал не командный — торгует оружием. Дело, конечно, тоже нужное. Только в нашей беседе он это почему-то скрыл. Иные времена — иные генералы...

После совещания состоялась оперативно-стратегическая игра на западном театре военных действий и на юге. И совещание, и большая военно-стратегическая игра проводились в обстановке особой секретности. Участники её впоследствии отмечали, что даже записей в эти дни не делали — не рекомендовалось. Маршал Конев отметил: “Игра прошла очень интересно. Из неё были сделаны правильные выводы, Сталин счёл необходимым лично провести разбор, пригласив в Кремль её участников. После совещания и военной игры в армии произошли кадровые перестановки. В частности, в январе 1941 года начальником Генерального штаба был назначен генерал ар-

мии Г. К. Жуков. Кроме того, в этот же период были произведены изменения в руководстве округами. Меня с Забайкальского военного округа перевели командующим Северо-Кавказским округом, а на моё место был назначен Курочкин, командующий 17-й армией”.

Фраза Конева о том, что по итогам игры были сделаны “правильные выводы”, звучит неубедительно. Особенно теперь, когда часть архивов того периода открыта, и можно понять, что усвоили тогда маршалы и генералы из уроков конца тридцатых годов в войнах на востоке и на севере, а также из штабных игр, а чем пренебрегли. Играя на картах в декабре 40-го в Москве, они ещё не знали, что основные уроки они получают летом и осенью уже следующего года, что армию им придётся создавать заново, заново перевооружать, да и учиться воевать они будут у немецких “преподавателей” — в полях под Смоленском, под Москвой и Сталинградом. Научатся. Но оплатят уроки большой кровью.

В связи с новым назначением нарком обороны маршал Тимошенко пригласил Конева к себе. Поговорили. В конце разговора после традиционного: “Мы рассчитываем на вас”, Тимошенко произнёс довольно многозначительную фразу, смысл которой Конев до конца разгадал только в июне следующего года:

— Будете представлять ударную группировку войск, в случае необходимости — нанести удар.

Теперь, когда много пишется и говорится о том, что Сталин со своими маршалами готовил армию к нападению на Германию задолго до 22 июня, слова тогдашнего Наркома обороны, его последняя фраза, сказанная генералу Коневу при назначении того на округ второго эшелона, действительно приобретает несколько иной смысл. Ведь именно таким порядком, в затылок фронту первого эшелона (Воронежского фронта) весной-летом 43-го Ставка расположит Степной фронт с целью не только остановить, и не столько остановить, а ударить вперёд. И именно Степной, с его свежими армиями, корпусами и частями прорыва, станет тем бронебойным снарядом, который проломит несокрушимую до той поры броню немецкой обороны на южном фланге Курской дуги и откроет возможность выхода на оперативный простор на белгородском и харьковском направлениях.

Сталин молчал на совещании. Молчал и во время игры. Он вёл свою игру. Опытный политик и стратег, он слабо разбирался в вопросах тактики, и это не было его слабой стороной. Он торопился и чувствовал, что не успевает. Не успевает перевооружить армию. Сформировать танковые корпуса. Дать своим “соколам” новые самолёты, которые бы не уступали скоростным “мессершмиттам” и маневренным “юнкерсам”. Не успевал сделать необходимые кадровые перестановки.

Но главное было впереди.

Глава десятая

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

“Хорошие были войска — казаки, прекрасный русский народ”.

С запада уже явственно пахло порохом. И Конева направляли именно туда, где этот запах чувствовался острее.

Штаб Северо-Кавказского военного округа находился в Ростове-на-Дону. Конев прибыл туда в конце января 1941 года.

Что в это время происходило на западе?

Гитлер тонко почувствовал, какие семена нужно бросить в германскую почву, чтобы они буйно проросли и принесли ему и его партии необходимые плоды. Семена были брошены, и вскоре они дали нужные всходы...

Ещё в марте 1939 года Германия оккупировала Чехословакию. 7 апреля итальянцы, заручившись поддержкой Гитлера, вторглись в Албанию. 1 сентября немецкие части без объявления войны перешли польскую границу и

начали наступление вглубь страны, наращивая силы вторжения и, следовательно, свой удар. Через два дня Великобритания и Франция объявили Германии войну. Европа снова запылала. Германские люфтваффе уничтожили польские самолёты на аэродромах, а довольно значительные по количеству пехоты и танков наземные войска были разгромлены молниеносными ударами. Полки не успели даже развернуться для организации сопротивления. Польскую кампанию вермахт провёл за один месяц. 17 сентября на территорию Польши с востока и юго-востока вошли войска Красной Армии. Марш был бескровным и неглубоким. На границе с Восточной Пруссией, по Бугу и в Галиции, советские войска остановились. Зимой 1939—40 годов между Германией и Францией, которые формально находились в состоянии войны, шли вялые перестрелки по линии Мажино. Историки потом назовут это “странной войной”. Но на севере тем временем началась настоящая война. 30 ноября советские ВВС произвели бомбардировку столицы Финляндии Хельсинки. Начались бои на линии Маннергейма между войсками РККА и Финляндии. Советско-финляндская война длилась всю зиму. 13 марта при посредничестве Германии СССР и Финляндия подписали перемирие. К СССР отошли некоторые спорные территории, в том числе Карельский перешеек и город-крепость Выборг. Перемирие оказалось недолгим. В апреле 1940 года германские войска высадились в Норвегии. Вторжение немцев и итальянских войск началось 10 мая. Блицкриг удался странам Оси и на этот раз: через четыре дня без боя сдался Париж, а 22 июня Франция была вынуждена подписать капитуляцию. Почти вся территория Франции была оккупирована, армия разбита. Одновременно захвачена Дания. Началось вторжение в Бельгию. При этом разгромлен Британский экспедиционный корпус. Один из главных противников Германского рейха — Франция — пала. В результате молниеносной войны создан плацдарм для решающей атаки на Британские острова. 12—13 августа 1940 года германские люфтваффе произвели массированные налёты на Англию. Начальная стадия операции “Морской лев” прошла успешно. В феврале шли упорные бои между итальянцами и англичанами в Африке. Британские королевские ВВС потопили половину итальянского флота. Одновременно германский подводный флот начал топить корабли и суда под британским флагом во всех морях. В феврале того же 1940 года в Триполи высадился германский экспедиционный корпус “Африка”. Англия перенес линию фронта с Германией за тысячи километров от своего побережья. 31 марта командующий Африканским корпусом немецкий генерал Роммель нанёс удар в Ливии. Англичане и их союзники опрокинуты и обращены в бегство. Впереди у Роммеля уже виднелись Александрия и Нил. Но Гитлер остановил своего генерала. Танки нужны были в другом месте, более важном. Ещё 18 декабря 1940 года Гитлер утвердил план “Барбаросса” — блицкриг в России. Вторжение планировалось на середину мая. Но потом было отложено на несколько недель.

На новом месте Конев в курс дел вошёл сразу. Провёл оперативную штабную игру на картах. Северо-Кавказский округ, как он обмолвился впоследствии, “не был приграничным”. Но, на всякий случай, не делясь ни с кем своими предположениями и опасениями, он в первые же дни объехал его, с целью “изучения территории как возможного театра военных действий”. “В результате этих поездок, — вспоминал маршал, — я пришёл к выводу, что Северо-Кавказский военный округ не готовился к войне. А война, как известно, пришла потом и на эту территорию”.

По результатам поездки Конев подготовил доклад и срочно направил его наркому обороны. Одновременно приказал войскам приступить к строительству оборонительных рубежей на наиболее важных оперативных направлениях.

Семью Конев перевёз в Ростов.

Страна готовилась к войне. В округе шло формирование нескольких новых стрелковых и кавалерийских дивизий, комплектовались техникой и оружием танковые бригады, авиадивизии, артиллерийские подразделения. Части формировались уже по новым штатам. И эта суматошная спешка, и новые штаты, и новое вооружение свидетельствовали о многом.

В мае 1941 года Конев вызвали в Москву. Принял его заместитель начальника Генерального штаба генерал В. Д. Соколовский и вручил директиву о развёртывании на базе войск округа 19-й общевойсковой армии. Встретился с наркомом обороны С. К. Тимошенко. Семён Константинович передал следующие указания: срочно формировать армию по новым штатам, получать вооружение и снаряжение и под видом учений перебросить её на Украину в район Белой Церкви, где занять рубеж: Белая Церковь, Смела, Черкассы. Передислокацию завершить до конца мая. Когда Конев поинтересовался, какая задача ставится армии, услышал вполне определённый и лаконичный ответ:

— Армия должна быть в полной боевой готовности, и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести фланговый удар и загнать немцев в Припятские болота.

С этим Конев и отбыл в Черкассы, где расположился штаб 19-й армии. Войска перебрасывались в обстановке строжайшей секретности. Даже штаб Конева не располагал точной информацией о конечной цели маневра на северо-запад, не говоря уже о дальнейших задачах. Уже под Белой Церковью в состав 19-й армии вошёл 25-й стрелковый корпус генерал-майора Честохвалова. Войска вышли в указанные районы и расположились компактно в палаточных городках. “За три недели до начала войны, — не без гордости впоследствии вспоминал маршал Конев, — заранее отобюрокраченная, вновь сформированная 19-я армия выдвигалась согласно директиве Генштаба на Украину. Хорошие были войска, как казаки, прекрасный русский народ, мужественные воины”.

18 июня Конев прибыл в штаб Киевского военного округа, как он потом пояснил, “для того, чтобы сориентироваться в обстановке и решить целый ряд вопросов материально-технического обеспечения войск армии”. Его армия не входила в состав Киевского Особого военного округа, а значит, и на довольствие её здесь надо было ещё устраивать.

К командующему округом генералу М. П. Кирпоносу Конев не попал. Ему сообщили, что тот болен. Беспокойство росло. А дальше я приведу цитату из воспоминаний маршала Конева. Она достаточно отчётливо характеризует обстановку неопределённости, осторожности и, в некоторой степени, растерянности, которая в те дни царил в штабе Киевского Особого военного округа. Никто не осмеливался брать на себя ответственность признать очевидное, чтобы принять необходимые меры к недопущению того разгрома, который начнётся уже спустя трое суток. “Отправился к начальнику штаба М. А. Пуркаеву. Я хорошо его знал ещё по Московскому военному округу, когда командовал 17-й дивизией, а он был заместителем начальника штаба Московского округа. Но, к сожалению, от него я не получил ясной картины обстановки. Тогда я направился к члену Военного совета Вашугину. Беседа носила дружеский характер, но узнать от него что-либо новое мне также не удалось. /.../ Впоследствии я узнал, что в первые дни неудачных боёв на Юго-Западном направлении он покончил жизнь самоубийством. /.../ Не прояснили ситуацию ни мой давний приятель, заместитель командующего войсками округа Всеволод Яковлев, с которым я вместе учился в Военной академии имени Фрунзе, ни генерал-майор А. И. Антонов, заместитель начальника штаба по материально-техническому обеспечению. И вот, проходя из кабинета в кабинет по коридорам и холлам прекрасного здания штаба Киевского военного округа /.../, я неожиданно столкнулся с полковником Иваном Христофоровичем Баграмяном. Он в то время был начальником оперативного отдела штаба округа и спешил на доклад к М. А. Пуркаеву. /.../ Через полчаса, когда Иван Христофорович вернулся, мы вместе с ним в его кабинете заслушали донесение начальника разведотдела. Как только разведчик открыл карту юго-западной границы округа, бросилась в глаза большая плотность условных знаков, нарисованных синим карандашом, а синим цветом, как известно, обозначают противника... Видно было, что на границе Советского Союза сосредоточивается большая немецкая группировка: моторизованные дивизии, корпуса, штабы, сосредоточение танков, авиации; на карте были зафиксированы и пролёты вдоль нашей границы немецких самолётов. Никаких сомнений быть не могло — это развёртывалась ударная группировка

противника для наступления. Я задал Ивану Христофоровичу и начаразведки один вопрос: “Знает ли об этом Москва, нарком обороны и Генеральный штаб?” — “Да, знает, — был ответ, — мы ежедневно докладывали об этом в Москву”. И добавил, что, видимо, завтра или послезавтра Военный совет и штаб округа выедут на передовой командный пункт в район Тернополя, будут там в полной боевой готовности.

У меня, как и у каждого военного, мог быть только один вывод: да, это война”.

Конев срочно вернулся в штаб армии и отдал распоряжение о приведении войск в полную боевую готовность. Связался по телефону с начальником Генерального штаба Жуковым, доложил о том, что наблюдал в Киеве, и попросил разрешения срочно выехать в штаб округа в Ростов. Жуков выслушал его спокойно, выезд в Ростов разрешил, но предупредил, чтобы постоянно был на связи.

В Ростов Конев прибыл вечером 20 июня. Весь следующий день занимался делами округа. Выслушал доклады об обстановке на границе. Проанализировав информацию, тут же отдал необходимые распоряжения для приведения войск в полную боеготовность. “В ночь на 22 июня, — вспоминал маршал, — находился у себя на квартире. В два часа ночи 22 июня раздался звонок по ВЧ. Жуков сообщил, что положение угрожающее, дал команду привести в готовность все средства противовоздушной обороны Ростова. “Командующим округа оставьте Рейтера, своего заместителя, а сами немедленно вылетайте в армию, быть там в полной боевой готовности”.

Рано утром, в четыре часа, Си-47 вылетел из Ростова и взял курс в сторону Черкасс. Видимость была плохой, начался сильный дождь. Пилот опасался потерять визуальную связь с землёй и пошёл на бреющем. На борту, кроме командующего, находились член Военного совета 19-й армии комиссар Шекланов и начальник особого отдела армии Королёв. Вскоре внизу оказалась широкая лента Днепра, и пилот потянул вдоль реки.

Около пяти утра Конев был уже в штабе армии. Спросил у начштаба, знает ли он о том, что произошло на границе. Ни начальник штаба, ни кто другой ещё не знали, что началась война. И Конев отдал приказ: боевая тревога! Спустя несколько минут доложил в генштаб, что подразделения 19-й армии находятся в состоянии полной боевой готовности. “Весь первый день войны штаб армии получал информацию из Генштаба о положении на фронтах. Этот день прошёл для нас спокойно, противник не бомбил район расположения армии, кроме железнодорожного моста через реку Днепр. Видимо, сосредоточение 19-й армии не было установлено противником. На второй или третий день нарком обороны С. К. Тимошенко вызвал меня по ВЧ и приказал всей армии форсированным маршем следовать в район Киева. Поставил задачу: занять оборону по рубежу бывшего Киевского Уфа, по реке Тетерев и далее по периметру этого укрепленного района”.

В тот же день Конев прибыл в Киев с головной группой армейского управления и с удивлением обнаружил, что войск ни в Киеве, ни в укрепрайоне нет. Сам Киевский УР в весьма запущенном состоянии. Вооружение и обеспечение укрепрайона отсутствовало. Особо важные объекты охраняются небольшим числом бойцов-резервистов. Конев не увидел у них даже винтовок. Когда головные колонны дивизий начали втягиваться в район Киевского Уфа, Конева вызвали к ВЧ: звонил нарком обороны.

— Севернее, на московском направлении, создалась угрожающая обстановка, — тут же сказал Тимошенко. — Противник развигивает наступление на Смоленск. Может ли ваша армия передвигаться бегом?

— В каком смысле, товарищ нарком? — спросил Конев.

— Срочно поворачивайте колонны в сторону погрузочных станций и перебрасывайте их на западное направление — в районы Рудни, Орши, Смоленска. Как только управление армии прибудет на Западный фронт, лично получите дальнейшие указания в штабе фронта.

Никакого плана перевозки, никакого графика погрузки и движения. Конев знал, чем это могло закончиться. Но приказ есть приказ. Война рушила все правила, планы и расчёты.

В первые эшелоны Конев приказал погрузить управления дивизий, средства обеспечения, тыловые части. Главные силы пришлось отправлять к месту назначения по мере их подхода к станциям погрузок. Станциями погрузки были определены: Золотоноша, Дарница, Фастов. Немецкая авиация, следя за движением эшелонов, тут же накинулась на эти коммуникационные узлы, стараясь их разрушить и, таким образом, парализовать движение по железной дороге. Состав, в котором находилось полевое управление 19-й армии и сам командующий, тоже был обстрелян парой истребителей. Произошло это на станции Рудня. К счастью, всё обошлось благополучно. Зенитки, установленные на открытых платформах, открыли ураганный огонь, и “мессершмитты” ушли.

Как только главные эшелоны закончили разгрузку, Конев отдал приказ начальнику штаба Рубцову выдвинуть полевое управление в район леса близ станции Рудня, а сам направился разыскивать штаб Западного фронта. Ясности не было. Где противник? Какой рубеж занимать дивизиям армии? Какая задача определена 19-й армии? Где соседи справа и слева?

Такой войны ни в штабах, ни в окопах не ожидали.

Глава одиннадцатая

ВИТЕБСК. ИЮЛЬ 41-го

“Сила силу ломит”

Ранним утром 9 июля 1941 года две штабных машины выехали из дачного посёлка Гнездово, что в нескольких километрах от Смоленска. Какое-то время они пробирались просёлком, маскируясь в зарослях придорожных рабит. Наконец, выбравшись на шоссе, миновали небольшой лес и помчались в сторону Витебска. В головной ЗИС-101 сидел генерал-лейтенант Конев.

Он прислушивался к дальним раскатам артиллерийской канонады, которая подкатывалась к городу с запада и северо-запада, и перебирал в памяти фрагменты всего того, что он увидел вчера и сегодня в Смоленске и в штабе фронта. Адьютант Лобов, сидевший рядом с водителем, время от времени беспокойно поглядывал в окно, шурился в прозрачную, будто умытую синеву неба, ещё прохладную, пронизанную свежестью минувшей ночи, ловил в зеркало заднего обзора идущую следом машину командующего артиллерией генерала Камеры.

Судя по тому, что противник активизировался на витебском и оршанском направлениях, размышлял Конев, судьба “котлов” под Белостоком и Минском решена. Тимошенко, конечно же, понимает всю сложность положения, в котором мы здесь находимся. Именно поэтому ставит задачи, которые вряд ли выполнимы. Но приказ есть приказ.

Несколько часов назад в одной из просторных дач пригородного посёлка Гнездово, которую приспособили под штаб фронта, командующий войсками Западного фронта Тимошенко чётко и лаконично изложил задачу для 19-й армии:

— Соберите всё, что имеется под рукой, товарищ Конев, и отбросьте немедленно противника от Витебска. За Двину. С подходом армии организуйте устойчивую оборону в междуречье Западной Двины и Днепра. Вот здесь. — Тимошенко стоял у карты, наполовину задёрнутой чёрной шторой. Голос его был усталым. Маршал указал на карте полосу обороны, которую должна занять и в короткие сроки укрепить 19-я армия.

— У меня и дивизии-то нет, товарищ маршал, поэтому...

Тимошенко поднял на командарма тяжёлый взгляд и сказал:

— Знаю. Одновременно подумайте над тем, как лучше разгромить соединения тридцать девятого корпуса немцев.

— Так точно, товарищ маршал, подумаю.

— И не только думайте, но и действуйте. И не теряйте времени. События на фронте меняются быстро. — И Тимошенко кивнул на запад, в сторону не утихавшей ни на минуту канонады.

В Смоленске всю ночь польхали пожары. Немецкие самолёты непрерывно бомбили железнодорожную станцию и другие объекты. Пожарные команды и бригады добровольцев тушили дома, заводские цеха, разбирали завалы, вытаскивали тела погибших. В основном это были гражданские, и вид убитых во время бомбёжки мирных жителей, среди которых были и женщины, и дети, холодил душу.

На фронте дела складывались хуже некуда. Немцы, думал Конев, глядя в засаянное реденькой пылью окно, по всей вероятности, прервали оперативную паузу: “котлы” под Белостоком и Минском, возможно, уже ликвидированы, так что немецкие танки не сегодня-завтра будут здесь.

19-й армии судьба послыдала схватиться с 39-м корпусом. Конев вспомнил очертания линии фронта, обозначенной на карте маршала синими и красными стрелками, и вдруг понял, что немцы, по всей вероятности, намереваются создать в треугольнике Витебск—Орша—Смоленск очередной “котёл”. Вот в него-то и может угодить группировка армий резерва Ставки: 20-я, 21-я, 22-я и его 19-я.

Он смотрел в мутноватое окно своего ЗИСа, перебирал в мыслях номера дивизий, прикидывал, сколько времени понадобится для того, чтобы все триста шестьдесят эшелонов с его 19-й армией смогли прибыть на место, чтобы благополучно разгрузиться и развернуться в боевой порядок. Пока приехали сто тридцать...

— Воздух! — неожиданно прервал его мысли адъютант.

В своих мемуарах И.С. Конев рассказал об этом эпизоде так.

“На командном пункте фронта я пробыл примерно около часа, а затем выехал двумя машинами в Витебск. Я — впереди, на ЗИС-101, за мной — командующий артиллерией генерал Камера. Как только мы выехали из леса на шоссе Смоленск—Витебск, нас сразу атаковала пятёрка “хейнкелей”. Они патрулировали шоссе. Я, шофёр Яковенко и адъютант Лобов едва успели выскочить в кювет, как вспыхнула и взорвалась машина. Все пожитки, походное обмундирование и снаряжение тут же сгорели. Видя, что самолёты противника делают второй заход, я сделал перебежку и залёг в кювете. Утро было замечательное, солнечное, раннее. Видимость изумительная. На зелёном фоне генеральские шевроны и красные лампасы были отчётливо видны. Самолёты сделали пики, пошли на новый заход...

Меня обдало комьями земли и оглушило. Я оказался между двумя воронками. Ранен я был легко, несколько мелких осколков попало в бедро. Адъютант Лобов был тяжело контужен, пришлось его тут же отправлять в госпиталь. Шофёр Яковенко, раненный в шею, остался в строю. Вот так началась моя служба на Западном фронте.

После обстрела, добыв полторку, мы вместе с шофёром вернулись в штаб армии в Рудню, где я выслушал доклад начальника штаба Рубцова. Затем с группой офицеров и членом Военного совета Шеклановым снова выехал в Витебск, чтобы разобраться в обстановке и установить связь с генералом Е. А. Могилевчиком”.

Итак, Конев, имея приказ комфронта контратаковать противника, со своим штабом срочно выехал в Витебск. Войска тем временем всё ещё находились в пути. Не так-то просто перебросить на расстояние даже в сто двести вёрст такое количество живой силы, вооружения, снаряжения, техники, лошадей, боеприпасов и продовольствия.

За несколько дней до этого командующий войсками 3-й танковой группы генерал-полковник Гот поставил задачу: 57-му моторизованному корпусу овладеть Полоцком, 39-му — Витебском. В авангарде моторизованного корпуса, нацеленного на Витебск, шла 7-я танковая дивизия. Вторым эшелоном двигалась 20-я танковая дивизия.

Конев с офицерами своего штаба продолжал путь по шоссе в сторону Витебска. Вскоре встречный поток беженцев и бегущих в тыл бойцов разбитых частей стал настолько густым, что водитель заглушил мотор. Вода в радиаторе уже закипала. “Движение наших машин в направлении Витебска, — как впоследствии вспоминал маршал, — совершенно исключалось. Шоссе было забито. Я решил с офицерами штаба навести на шоссе порядок, дал

команду всех военных задержать, организовывать подразделения пехоты, отдельно собирать артиллеристов, танкистов и направлять всех обратно к Витебску. К моему удивлению, от Витебска в сторону Рудни двигались даже танки — несколько тяжёлых КВ и несколько Т-26”.

“К моему удивлению...” — это, конечно, слишком мягко сказано, не коневски. Хотя, возможно, годы смягчили крутой характер генерала и маршала Великой войны, которого по твёрдости натуры и напористости в достижении поставленной цели часто сравнивают с Г. К. Жуковым. Их всегда ставят в один ряд. И по праву. Да и судьба их слишком часто, и в довольно сходных обстоятельствах, сводила вместе. Одного в народе называют Маршалом Победы. Другого — Солдатским Маршалом. И то и другое определения верны. И то и другое — имеют свою глубинную историю и своё нравственное обоснование.

Когда командарм увидел толпы бегущих бойцов и командиров, можно представить себе, какая волна всколыхнулась в нём. И тут уж пистолет сам собой вылетел из генеральской кобуры.

“Особенно странно было видеть отступающие танки новых образцов. Три таких танка двигались на Рудню якобы на ремонт. Буквально угрожая оружием (просунув револьверы в люки механиков-водителей), мы остановили эти танки, кстати, они оказались исправными, и взяли их под контроль. Таким путём удалось к вечеру собрать около батальона пехоты, батарею 85-мм зенитных орудий и батарею 122-мм пушек армейской артиллерии”.

“Подойдя к Витебску с востока, мы увидели пожары в отдельных местах. К западу от Витебска никакого движения не обнаруживалось. По всем признакам Витебск не был немцами занят, а пожары возникли при отходе наших войск. Из здания обкома партии валил густой дым, не могло быть и речи о том, чтобы связаться по ВЧ со штабом Западного фронта и доложить обстановку. На центральной площади я увидел людей. Окликнул. Оказалось, что это остатки 37-й Горьковской стрелковой дивизии, которая была разбита в приграничном сражении. Уцелел в этой битве работник штаба майор Рожков с группой тыловиков. Он прибыл на грузовой машине в Витебск и, обнаружив, что войск в городе нет, сформировал из местных жителей-осоавиахимовцев роту и приказал ей занять мост через Западную Двину, а сам остался организовывать оборону в центре города.

Нужно отдать должное бесстрашному майору... Он всерьёз решил оборонять город и даже разведку организовал. Когда посланные мной офицеры к утру прибыли в Витебск, Рожков доложил, в частности, что к рассвету немцы подошли к Витебску и пытаются форсировать Западную Двину. Часть войск неприятеля — подвижные механизированные и танковые подразделения — по западной стороне реки проследовали к северо-западу.

К сожалению, удержать Витебск не удалось”.

Если верить памяти маршала, а не верить у нас нет никаких оснований, всю ночь с 9-го на 10 июня Конев с офицерами штаба провёл на одном из холмов на восточной окраине города. Командарм надеялся, что вот-вот подойдут прибывшие части его армии. И тогда немцев, которые замешкались перед мостом через Западную Двину, можно будет контратаковать.

Радист постоянно выходил на связь. Новости были неутешительными. Основная часть войск армии всё ещё находилась в пути. Однако в район Лизно прибыла 220-я мотострелковая дивизия. Командарм отдал приказ командиру дивизии форсированным маршем двигаться в направлении Витебска. И вот к полуночи в тылу послышался рокот танковых моторов. Конев увидел, как беспокойно закрутили головами автоматчики охраны. Беспокойство было понятным: не обошёл ли их противник, что-то подозрительно за тих правый берег. Вскоре прибыл офицер связи и доложил:

— Товарищ командующий, прибыл танковый батальон и арtpолк двести двадцатой дивизии.

Командарм с офицерами штаба тут же начал готовить прибывшие подразделения к атаке. Из города прибежал связной от майора Рожкова: сводная рота 37-й стрелковой дивизии и витебских добровольцев смята атакой противника, немцы заняли аэродром и приближаются к западной окраине

Витебска. Майор Рожков, конечно же, не мог удержать авангарды 20-й танковой дивизии противника, но дело своё сделал: задержал немцев до подхода основных сил, дал время на то, чтобы развернуть боевые порядки.

Читая воспоминания полководцев и солдат, исследования историков и расследования исторических публицистов, порой наталкиваешься на эпизоды, в которых рассказывается о том, что некоторые генералы и старшие офицеры боялись передовой и запаха пороха. Скажу лишь, что ни у одного из авторов не обнаружил ничего подобного в рассказах о Коневе. О Коневе написано много. Писали о нём в своих воспоминаниях и друзья, боевые товарищи, и недруги. И много чего о нём порассказали. Но в отсутствии храбрости, которой должен обладать солдат на войне, в недостатке твёрдости, решительности и умения владеть собой в самых крайних обстоятельствах его не упрекнул никто.

Под Витебском в июле 41-го Коневу пришлось побывать и комбатом, и истребителем танков. Выжить в буквальном смысле слова помогли навыки, полученные когда-то в артиллерийской батарее.

Витебское сражение продолжалось. Командарм-20 генерал-лейтенант Курочкин вновь и вновь бросал свои войска на Лепель. Но 5-й и 7-й мехкорпуса были обескровлены настолько, что продолжать наступление уже не могли. На северном крыле оборонительного рубежа наступило затишье.

Тем временем, не дожидаясь подхода основных сил своей армии и уже понимая, что, по всей вероятности, её так и не удастся собрать и развернуть единым фронтом лицом к противнику, Конев энергично действовал, опираясь на те силы, которыми располагал на тот момент. Частями 220-й сд и другими подразделениями прибывавшего 25-го стрелкового корпуса прикрыл шоссе на Смоленск, откуда продолжали идти к фронту его войска. Одновременно из последних сил удерживались позиции в самом городе. Армия запаздывала с сосредоточением и развёртыванием в боевой порядок. И это грозило тем, что противник, прорвав оборону и выйдя на оперативный простор, мог смять колонны полков и дивизий на марше. Дивизии вынуждены были вступить в бой там, где их застал противник.

Штарм продолжал запрашивать в эфир местонахождение частей и дивизий, переподчинённых ему буквально в последние часы. Большинство из них так и не отозвались.

Размышляя о причинах неудач лета и осени 41-го года, нельзя не брать во внимание то очевидное обстоятельство, что РККА, её зачастую наспех сколоченным, переброшенным из тыла дивизиям противостояли лучшие на тот период дивизии вермахта и СС. На полигонах Франции, Бельгии, Греции, Польши, на Балканах и во фьордах Норвегии германские войска отработали тактику блицкрига, до совершенства довели приёмы и тактику боя, способы взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации. Противник, вышедший к линии Невель—Витебск—Орша—Гомель, был хорошо вооружён, действовал уверенно, дерзко, эффективно применяя танки, авиацию, противотанковую и тяжёлую артиллерию. Противостоять такому противнику было непросто. Но — противостояли! Вот почему группа армий “Центр” пришла к Москве не до наступления холодов, как планировали немецкие штабы и мечтали рядовые солдаты; к русской столице немцы подошли по расхлябанному дорогам глубокой осени, растеряв в пути значительную часть своей техники, вооружения, снаряжения и, самое главное, потеряв тех надёжных и опытных солдат, которым, казалось, не сможет противостоять ни одна армия мира. Вот фрагмент из воспоминаний немецкого танкового аса из 3-й танковой группы Отто Кариуса: “8 июля в нас попали. Мне впервые пришлось выбираться из подбитой машины. Это произошло возле полностью сожжённой деревни Улла. Наши инженерные части построили понтонный мост рядом со взорванным мостом через Двину. Именно там мы вклинились в позицию вдоль Двины. Они вывели из строя нашу машину как раз у края леса на другой стороне реки. Это произошло в мгновение ока. Удар по нашему танку, металлический скрежет, пронзительный крик товарища — и всё! Большой кусок брони вклинился рядом с местом радиста. Нам не требова-

лось чьего-либо приказа, чтобы вылезти наружу. И только когда я выскочил, схватился рукой за лицо, в придорожном кювете обнаружил, что меня тоже задело. Наш радист потерял левую руку. Мы проклинали хрупкую и негибкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепёжные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд”.

Бедняга Отто, подбитый артиллеристами 19-й армии генерала Конева, он впервые испытал со своим экипажем то, что случается на войне почти в каждом бою. Конечно, ему хотелось, чтобы от чешской стали русские снаряды отлетали, как теннисные мячи от стенки...

История показала, что, чем ближе они будут продвигаться к Москве, тем чаще им *придётся выбираться из подбитой машины...*

Получив второй приказ, Конев, конечно же, понял, в каком положении находится его армия, а точнее, те подразделения, которые после прибытия и изнурительного марша от места разгрузки до района сосредоточения оказались в его распоряжении. Противник начал обтекать их группировку с флангов. А это грозило окружением.

Опасность, угроза гибели действует на людей по-разному. Некоторые теряют самообладание или впадают в состояние прострации. Инстинкт самосохранения подавляет в них всё остальное. Служебные, командирские обязанности, долг, честь — всё это, как едкой кислотой, мгновенно разъедает личное желание выжить — во что бы то ни стало, любыми путями и средствами. Других, наоборот, экстремальные обстоятельства максимально мобилизуют, делают сверхэнергичными, заставляют соображать мгновенно и с той же энергией принимать точные и единственно верные решения. К таким командирам принадлежал генерал Конев.

Буквально накануне этих событий командующие армиями встретились, обсудили создавшееся положение, наметили план взаимодействия. Обменялись офицерами связи. И Коневу, и Курочкину нужно было выполнять невыполнимый приказ штаба Западного направления, подписанный маршалом Тимошенко. О возможности отхода не проронили ни слова.

А фронт, изменяясь в своих очертаниях каждый день и каждый час, уже свидетельствовал о том, что Витебск не вернуть и линию фронта по Днепру и Западной Двине не восстановить. Угроза нависла над Смоленском.

Глава двенадцатая

ПЕРВЫЕ СРАЖЕНИЯ. ИТОГИ

“...танковые армии нельзя остановить бутылками с бензином”.

Витебское и Смоленское сражения были для генерала Конева и его армии первыми сражениями в Великой Отечественной войне. Будущий маршал, победитель Манштейна, начинался здесь, на позициях по Западной Двине и Днепру летом 41-го.

Второй Стратегический эшелон РККА, который, по первоначальным замыслам Ставки, должен был развивать успех армий, дислоцированных под Минском и Белостоком, вынужден был сдерживать натиск подвижных соединений группы армий “Центр” на линии Полоцк—Витебск—Жлобин—Андреаполь—Ярцево—Ельня. Западный фронт словно заново возродился.

Армии первого эшелона оказались частично разгромленными, частично окружёнными в Белостокско-Минском “котле”. Они распались на группы численностью иногда до полка, иногда до батальона и меньше. Некоторые из этих групп, несмотря на полную обречённость, продолжали драться изолированно. Одним в ходе этих отчаянных боёв выпадала удача пробиться к своим, на восток. Они шли по дорогам и лесам, минуя немецкие заслоны. Такие группы, как правило, уже не представляли опасности для противника, а для своих зачастую были просто обузой. Сломленные морально, они, поставленные в оборону, не выдерживали очередного артналёта или появления

вражеской авиации, бросали позиции и бежали дальше на восток. Вирус страха и паники действовал, как чума, угрожая распространиться и на войска Второго Стратегического эшелона. Катастрофа под Белостоком и Минском открыла путь противнику к Смоленску — историческим воротам на Москву.

В число семи общевойсковых армий Второго Стратегического эшелона, который теперь, в соответствии с изменившейся ситуацией на фронте, должен был остановить врага, входила и 19-я армия генерал-лейтенанта Конева.

Именно она оказалась в самом невыгодном положении в момент немецкого наступления. Ставка не ожидала, что на западе дела пойдут настолько скверно, что минский оборонительный район падёт так быстро, и поэтому фактически оказалась не готовой встретить немцев на рубеже Гомель—Могилёв—Орша—Витебск—Невель—Великие Луки. Только часть армий была развернута в боевой порядок, окопалась на своих рубежах, обеспечив себя тылами и подвозом. Но противник, наткнувшись на их твёрдую оборону, не стал упорствовать на этих труднопробиваемых участках и тут же начал искать более слабые места.

4 июля были арестованы и отданы под суд командующий войсками Западного особого военного округа генерал Павлов, работники его штаба и командующий 4-й армией генерал Коробков. За катастрофу под Минском и Белостоком должен был кто-то ответить. По представлению посланного в войска Мехлиса виновных нашли быстро.

По пути в 34-й ск Конев встретился с генералом Ерёмченко, в то время заместителем командующего войсками Западного фронта, отвечающего за витебское направление. “Он сказал, что уже побывал в 34-м корпусе и недоволен действиями комкора Хмельницкого, — вспоминал Конев. — В резкой форме Ерёмченко совершенно необоснованно обвинил меня в том, что я лично не сумел остановить противника, который прорывается к Смоленску, обходя Витебск северо-западнее и одновременно обходя Оршу. Разговор был неприятный. Я дал Ерёмченко отпор, заявив, что, если он считает необходимым, чтобы я лично пошёл в атаку, в этом отношении затруднений не будет, но для меня сейчас важно взять в руки управление прибывшими частями”.

На той дороге они, два генерала, посмотрели друг другу в глаза и через мгновение заговорили уже спокойнее. Они прекрасно понимали, что происходит вокруг. А через несколько минут на дороге появились немецкие танки, и штабные машины были накрыты их огнём.

Об этом эпизоде уместно предоставить слово самим свидетелям и участникам этой истории.

А. И. Ерёмченко: “Мы с командующим армией выехали в передовые части. Он — под Витебск, я — на правый фланг, под Сураж, где действовала одна стрелковая дивизия. Связи с этой дивизией уже не имелось, так как она вела бой в окружении. В районе Кольшки я встретил стрелковый и артиллерийский полки другой дивизии, которые имели приказ выдвигаться на Сураж. Гитлеровцы тем временем уже захватили этот населённый пункт, продвинулись к городу Велиж и заняли его. Правый фланг 19-й армии оказался открытым. Я приказал стрелковому и артиллерийскому полкам прикрыть рубеж Понизовье—Кольшки, чтобы не допустить удара противника по открытому флангу армии, сам же вернулся в штаб, чтобы выяснить, как подходят войска.

Генерал-майор Рубцов доложил мне, что получен приказ, в котором для развёртывания 19-й армии указывался новый рубеж, отнесённый вглубь на 50—60 км. Приказ вносил страшную путаницу в управление войсками, так как некоторые дивизии уже вступили в бой, а теперь их нужно было отводить.

Я был удручен этим непонятным решением. Без всяких на то оснований врагу оставалась территория в 50—60 км глубиной.

Телефонной связи со штабом фронта не было, и я, не медля ни секунды, выехал туда. Ещё не взошло солнце, как я уже был у маршала Тимошенко. Он только что лёг спать, но я его разбудил и доложил о странном приказе.

— Андрей Иванович, — сказал маршал, — видимо, произошло какое-то досадное недоразумение, прошу вас, поезжайте быстрее обратно и восстановите положение.

Я немедленно выехал в район Рудни...

Передвижение штабов, да частично и войск, происходило главным образом по магистрали Витебск—Смоленск, поэтому перехватывать части было легко.

Однако штаб 34-го стрелкового корпуса мы перехватить не сумели. Командир корпуса, оставив части под Витебском, отошёл со штабом на 60 км, как и было приказано. (Обратите внимание, как мудро писали свои мемуары маршалы. Даже такой прямой человек, как Ерёмко. Имя Хмельницкого, командира 34-го ск, он не называет. Зачем? Хмельницкий с лёгкостью, без последствий, вышел сухим из воды. Андрею Ивановичу дорогу он не переходил. Дело прошлое... А может, маршал Ерёмко, да и наш герой, хорошо знали, к примеру, что Хмельницкий успешно служит по другому ведомству? Никудашний вояка и армейский генерал, он прекрасно выполнял приказы Лаврентия Павловича Берия... Вот тогда всё встаёт на свои места. — С. М.)

Мы выбрали свой передовой командный пункт в одном километре северо-западнее Рудни, в 150 м от шоссе на Витебск. Оперативная группа 19-й армии находилась в сторону Смоленска на удалении 18—19 км.

...Солнце уже стояло совсем низко над горизонтом, когда в районе Рудни появились немецкие танки. Шли они по дороге в направлении города, вблизи которого был мой командный пункт. Услыхав стрельбу, не похожую на стрельбу полевой артиллерии, я послал офицера связи на легковой машине вперёд, чтобы выяснить, что там происходит. В 3 км от моего командного пункта на повороте шоссе он столкнулся в упор с немецкой танковой колонной, впереди которой на легковой машине ехали три фашистских офицера.

Офицер связи, будучи находчивым человеком, выскочил из машины, бросил ручную гранату в машину фашистов и, нырнув в высокую рожь, бегом направился обратно, чтобы предупредить нас об опасности.

Танки противника на некоторое время задержались возле подбитой машины, затем снова двинулись в Рудню.

Пока офицер связи добрался до нас, вражеские танки вышли в район командного пункта. Они обстреливали дорогу и обочины. Над нашими головами то и дело пронеслись немецкие самолёты, бомбившие и обстреливавшие местность, лежащую на пути движения танков.

Мы находились в густом кустарнике в ложбине, в стороне от дороги. Машины и люди были отлично укрыты густой рожью, а выезд с командного пункта на шоссе был сделан далеко в стороне.

Когда вражеские танки оказались в полукилометре от Рудни, из города навстречу танкам, не подозревая об опасности, выехали две военные легковые машины. Сидевшие в них люди, заметив танки, вышли из машины и побежали к позициям противотанковой батареи, расположенным на подступах к городу. Несколько пушек немедленно открыли огонь по танкам. Головной танк остановился, следовавшие за ним танки стали разворачиваться вправо и влево, открыв огонь по нашей батарее, но она продолжала стрелять, задерживая их продвижение. Люди, организовавшие борьбу артиллерии с танками, сели в машины и, свернув с шоссе, поехали по просёлочной дороге.

Позже выяснилось, что в машинах ехали командующий 19-й армией генерал-лейтенант И. С. Конев и начальник политотдела армии бригадный комиссар А. М. Шустин, который был в этом бою ранен. Они направлялись в передовые части, попутно предполагая захватить и наш командный пункт. Выехав из города и неожиданно натолкнувшись на вражеские танки, И. С. Конев быстро организовал отпор танкам.

На подступах к Рудне головные танки вновь задержались, открыв прицельный огонь по станции и городу. Остановилась и развернулась следовавшая за танками колонна мотопехоты. Заработали станковые пулемёты. Немецкие автоматчики двигались прямо на нас.

Оставалась единственная возможность: выбраться на север. Впереди было открытое пространство метров 150—200. Я сказал шофёру Демьянову, чтобы он сделал несколько резких поворотов в сторону, пока мы не въедем в рожь. Со мною ехали Хирных и Пархоменко, остальные тоже приготовились к отходу, кто на машинах, кто на мотоциклах, кто пешком.

Фашисты никак не думали, что у них под носом находится командный пункт заместителя командующего фронтом. Орудия танков и пулемёты не были повернуты в нашу сторону, и наш маневр удался. Вслед нам раздались несколько автоматных очередей. Спаслись все. Генерал Конев, считая меня погибшим, донёс об этом в штаб фронта..”

Наблюдавший дуэль между танками и артиллеристами, которыми командовал командарм-19, Ерёмченко, в свою очередь, доложил в штабе фронта о вероятной гибели генерала Конева.

И. С. Конев: “У шоссе, идущего от Витебска на Рудню, я увидел брошенную 45-мм пушку с несколькими снарядами, а возле неё артиллериста. Чтобы поставить орудие на более выгодную позицию, мы вытянули его с обочины прямо на шоссе. Пока мы эту операцию проводили, подполковник Чернышёв, мой адъютант для поручений, вёл наблюдение в бинокль, и он вдруг докладывает: “Товарищ командующий, из леса выходят на шоссе немецкие танки”.

Смотрю, действительно, танки с крестами и свастикой. Тогда я встал к орудью, прицелился за первого номера, а тому парню-артиллеристу скомандовал: “Огонь!” Пальнул из пушки — и попали в передний танк. Облако дыма... Немцы, однако, быстро пришли в себя и стали разворачивать танки. Пришлось ретироваться, сперва на машине, она была под рукой, а когда машина, как назло, застряла у деревни Рудни на огороде, — бросить её и перебежать, укрываясь от огня за домами. Начальника политотдела, бывшего со мной, ранило в руку... Перемахнули через забор, по овражку вверх, а за ним на высотке стоял наш бензовоз. Откуда-то подоспела легковая машина, в неё мы втащили раненого и под огнём по шоссе отправили его в штаб армии. Сам я на бензовозе перевалил через высотку, нашёл ещё какую-то машину и к вечеру добрался в свой штаб армии, находившийся на станции Кардымово. Приехал, а мне докладывают: “Получено донесение, что вы убиты... Сообщил генерал Ерёмченко. Он видел, как немецкие танки развернулись и вели огонь по командарму Коневу”.

Как видите, два генерала вспоминают один и тот же случай по-разному. Но, скорее всего, Конев в деталях точнее. Посудите сами, почему “противотанковая батарея, расположенная на подступах к городу”, не открыла огонь до того, как к ней подбежали офицеры штаба армии и сам командующий? Так что вряд ли соответствует действительности картина, нарисованная заместителем командующего Западного фронта о том, что “несколько пушек немедленно открыли огонь по танкам”. Противотанковые пушки, скорее всего, были брошены своими расчётами. Конев, старый артиллерист, конечно же, умел обращаться с “сорокапяткой” — самой распространённой в наших войсках пушкой. При этом, из описания последовательности событий, произошедших в тот день на шоссе Витебск—Смоленск, следует, что Конев успел всех своих офицеров расставить по местам в орудийном расчёте. Но при этом знал, что лучше него никто выстрелить по танку не сможет. Поэтому обязанности наводчика принял на себя. Обстоятельства, в которых оказался командарм и его офицеры, подтверждают, что артиллеристов в тот момент рядом не было.

Эпизод можно комментировать с разных точек зрения. С одной стороны, не дело командарма стрелять из ПТО по немецким танкам. Его дело организовать свою армию так, чтобы по танкам падали те, кому это положено по штату. Как говорил Наполеон, храбрость генерала и храбрость ротного фельдфебеля не одно и то же. Но это был 41-й год. И генерал Конев каждую минуту не мог ручаться за то, что следующая не будет последней в его жизни, как и в жизни любого солдата. Однако в любом случае этот эпизод характеризует будущего маршала как воина, способного действовать при любых обстоятельствах.

Витебское сражение научило Конева многому. И не только управлению войсками. Но и управлению генералами. Уже под Смоленском он пишет представление Главкому Западного направления маршалу Тимошенко: “Командир 34 СК (стрелкового корпуса) генерал-лейтенант Хмельницкий в бою показал неустойчивость, плохо руководил войсками, снят с занимаемой должности. Предан суду. 27.07.1941”.

К сожалению, командиры корпусов 19-й армии показали полную неспособность руководить войсками в условиях военных действий. Можно предположить, что имел в виду Конев под словом “неустойчивость”. Цену слову он знал, и только, видимо, в последний момент сдержал себя, и в документе, таким образом, не появилось слово “трусость”. А оно тогда было в ходу. Но можно предположить, что Конев знал или догадывался о второй сути своего подчинённого, и поэтому в представлении был сдержан.

Первые бои научили Конева ценить хороших, толковых командиров, которые не боялись запаха пороха, регулярно, как того требует обстановка, бывали на передовой, наблюдали не только противника с передовых НП, но и хорошо знали, в каком состоянии пребывают их батальоны, роты и взводы, на что способны и не способны. Впоследствии, через все пять фронтов, с ним пройдут его боевые товарищи, генералы, полковники, которые к концу войны тоже станут генералами. Среди них генерал Н. Ф. Лебеденко. В августе 41-го Лебеденко командовал 91-й стрелковой дивизией, которая входила в состав 19-й армии. А в начале января 44-го генерал Лебеденко, командуя 50-й стрелковой, которая тоже из бывшей 19-й, коневской, смоленского состава, одним из первых ворвётся в Кировоград. 50-я дивизия в то время будет драться в составе 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта. Генерал П. А. Курочкин, стоявший с ним плечом к плечу на витебском рубеже (20-я армия), в период завершающей фазы Великой Отечественной войны будет командовать 60-й общевойсковой армией 1-го Украинского фронта. Генерал П. С. Рыбалко, командующий 3-й гвардейской танковой армией — на завершающем этапе войны в дни Берлинской наступательной операции именно его танки, смяв глубоко эшелонированную оборону, первыми ворвутся в логово врага. Генерал А. С. Жадов, командир 5-й гвардейской общевойсковой армии — они станут добрыми и преданными друзьями. После войны, оставшись уже не у дел, маршал и генерал будут вспоминать своих молодцов-гвардейцев, храбро дравшихся на Днепре и во время Львовско-Сандомирской наступательной операции, под Берлином и Прагой.

Не повезло Коневу с командирами корпусов. В послужном списке генерала Хмельницкого густо мелькают записи вроде: “агитатор в Харькове...”, “секретарь члена РВС Первой конной...”, “порученец наркома по военным и морским делам...”, “порученец наркома обороны СССР”. На должность командира самого сильного и многочисленного в РККА 34-го стрелкового корпуса он попал, видимо, случайно. Надо же было как-то оправдать доверие: в 1940 году его аттестовали сразу генерал-лейтенантом. Случай рядовой. Судьба прищучила его под Витебском в 41-м. Командарм, в подчинение которого поступил корпус, оказался человеком сугубо военным, требовательным, не из придворных ворошиловцев. Правда, и Рафаил Павлович сумел в критический момент сгруппироваться: от ответственности каким-то непостижимым образом таки отвертелся. По всей вероятности, помог богатый опыт, приобретённый за годы безупречной службы в Красной Армии, и, конечно же, связи. Неудавшегося командира корпуса спас его патрон и покровитель маршал К. Е. Ворошилов. Генерал Хмельницкий стал его порученцем, и в Центральном штабе партизанского движения вскоре занял должность снабженца. Потом снабженца сделали генералом для особых поручений при заместителе наркома обороны СССР. Была и такая должность. В конце войны Рафаил Павлович занимался (ну чем можно заниматься в конце победной войны?) трофеями. Вот уж воистину: кому война, а кому мать родна...

Война очищает. И под Смоленск Конев прибыл уже без Честохвалова и Хмельницкого.

Глава тринадцатая

ЯРЦЕВСКИЕ ВЫСОТЫ. АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 41-ГО

*“Дни лёгких побед врага
уже миновали...”.*

Хронологически Смоленское сражение началось 10 июля. Длилось ровно два месяца. Следуя исторической хронологии, 19-я армия в день начала Смоленского дела 1941 года атаковала противника в Витебске и окрестностях. Тяжёлые бои, серьёзные потери.

Об этих днях Конев вспоминать не любил.

Справедливости ради замечу, что воспоминания о боях под Витебском и Смоленском, а также об октябрьской катастрофе под Вязьмой Иван Степанович всё же оставил. Есть и страницы разрозненных воспоминаний и интервью, посвящённых Смоленскому сражению. Правда, они очень скупы. Перечитывая “Записки...” и те разрозненные публикации, которые хронологически к ним тяготеют, вдруг ловишь себя на мысли о том, что Конев всё же не любил писать о поражениях. И ошибках. А кто о них любит писать? Тем более что за спиной такие победы! Да и не поощрялось тогда каяться в ошибках и сыпать соль на раны, и свои, и своих непосредственных начальников и подчинённых.

Понятное дело, что мемуары полководцев, если бы они не прошли через чистилище Главпура и цензуры, могли быть человечней, правдивей и, таким образом, ценней для нас, внуков и правнуков. Кабы не обнизил, как говаривали старые солдаты, так бы не быть пуле в земле, а кабы не обвысил, так прямо бы в лоб...

На фронте в районе севернее Смоленска происходило следующее. 19-я и 20-я армия генералов Конева и Курочкина вели почти непрерывные встречные бои, стремительно истощая и противника, и собственные силы. Тем временем генерал Лукин со своей 16-й армией оборонялся в районе Смоленска.

После танкового маневра, в результате которого охватом силами 2-й и 3-й танковых групп был блокирован, а затем захвачен Смоленск, противник пытался замкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки 16-й и 19-й армий. Но активными действиями небольшой по численности боевой группы генерала Рокоссовского и левофланговыми подразделениями 19-й армии кольцо постоянно размыкалось, и в результате основные силы 16-й и 20-й армий и части 19-й армии вырвались из окружения. Подвиг стойкости в эти дни совершили бойцы и командиры сводного отряда под командованием полковника И. К. Лизюкова. Усиленный пятнадцатью танками, отряд удерживал переправу через Днепр у села Соловьёва и не позволял противнику ликвидировать коридор, по которому шли колонны войск, отходящих из-под Смоленска. Немцы пытались организовать здесь такой же классический “котёл”, как и под Минском. На этот раз у них ничего не вышло. Хотя часть войск всё же оказалась в окружении.

Войска Западного фронта с 21 по 31 июля потеряли 105 723 человека. Армия Конева 18 248 человек; из них убитыми около 4 000 человек, пропавшими без вести около 8 000 человек и около 6 000 — санитарные потери.

Сейчас много спорят, принесло ли Красной Армии Смоленское сражение июля-августа 41-го года пусть не победу, но хоть какие-то реальные результаты. И реальные результаты, и победы сражение на Смоленской дуге, конечно же, принесло. Правда, при этом, унесло много жизней. Но таяла и германская армия! И немцы оказались более ответственными к потерям. Герман Гот в своих мемуарах, рассказывая о летних боях под Смоленском, признаётся, что в штабе 3-й танковой группы считали 19-ю армию разгромленной, что после боёв под Витебском она уже не в состоянии собраться в сколько-нибудь реальную силу. Но на новом рубеже под Ярцевом и Духовщиной его танки снова были встречены дивизиями и подразделениями 19-й армии. “... обстановка развивалась не так, как предполагали в штабе 3-й танковой группы, — вспоминал немецкий генерал, летом 41-го пытавшийся истребить армию генерала Конева. — Все данные указывали на то, что противник не намерен использовать преимущества, которые предоставляют ему

обширные просторы страны, а наоборот, несмотря на понесённые потери, он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы контрударами и упорным сопротивлением на оборонительных рубежах остановить вторжение в его страну”.

Первым городом, отбитым у наступавших германских войск прекрасно спланированной и столь же блестяще проведённой масштабной контратакой, был городок Ярцево Смоленской области. Это произошло 19 июля 1941 года. В наступлении участвовала часть сил 38-й стрелковой дивизии полковника М. Г. Кириллова и 44-го стрелкового корпуса комдива В. А. Юшкевича. Затем Ярцево снова было захвачено противником, а потом снова отбито, и так несколько раз городок переходил из рук в руки.

Впервые на востоке немцы явно почувствовали, что их железная кобыла не везёт именно здесь, под Смоленском.

16 августа Конев доложил в штаб Западного фронта план Духовщинской операции. Военный совет фронта идею наступления утвердил. Действия 19-й армии были частью фронтовой операции, разработанной штабом маршала Тимошенко. Одновременно с наступлением в районе Духовщины войска Резервного фронта под командованием генерала Жукова проводили Ельнинскую наступательную операцию. Обе они закончатся в сентябре примерно при одинаковом количестве потерь с обеих сторон. Потери будут большими. Немцы уступят Ельню, Ярцево, Батурино и другие населённые пункты. Продвижение фронтов окажется незначительным. Немцы удержат оборону, но потеряют нечто большее — уверенность в том, что война в России завершится, как обещал фюрер, быстро и триумфальной победой в Москве. Под Ельней и Духовщиной Красная Армия впервые в этой войне не просто контратаковала, а наступала, освобождая территорию, захватывая важные коммуникационные узлы и опорные пункты и нанося противнику значительные потери в живой силе и вооружении.

Основная роль в наступлении войск Западного фронта в районе Духовщины и Ярцевских высот предназначалась двум армиям: 19-й и 30-й генерал-майора В. А. Хоменко. Обе армии имели по три стрелковых дивизии, что примерно приравнивалось к корпусу. Следует заметить, что немецкий пехотный корпус по численности превосходил армию генерала Конева периода боёв под Духовщиной в августе–сентябре 41-го примерно вдвое.

Севернее наступала 29-я армия генерал-лейтенанта И. И. Масленникова. Южнее действовали 16-я армия генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского и 20-я генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина, прикрывая район Ярцева и днепровские переправы.

Немцы в это время имели перед фронтом 19-й и 30-й армий следующую группировку: до трёх пехотных и одну танковую дивизию. Одна мотодивизия находилась во втором эшелоне в качестве резерва.

Боевой приказ командующего войсками Западного фронта № 01 от 15 августа 1941 года маршала Тимошенко, в частности, предписывал: “...концентрическим ударом 30 и 19 армий в общем направлении Духовщина окружает и уничтожает духовщинскую группу пр-ка и выходит своим центром на рубеж Старина, Духовщина, Ярцево”. На рассвете 16 августа кавалерийская группа Доватора смяла редкие боевые охранения немцев и пошла по тылам, уничтожая тыловые объекты и базы снабжения в районах Вельж, Демидов, Духовщина.

Состав 19-й армии в день наступления был таков: 166-я, 91-я, 50-я, 64-я, 89-я, 162-я стрелковые и 101-я танковая дивизии. Армию поддерживала с воздуха 43-я смешанная авиадивизия, три гаубичных артиллерийских полка, две батареи “катюш”, артполк ПТО, инженерные части.

Утром 17 августа, оставив на фронте Петелица–Приселье усиленную 162-ю стрелковую дивизию, Конев бросил свои дивизии в атаку.

Это было второе наступление на Духовщину на Смоленском направлении. Первое, начавшееся 8 августа, ощутимых результатов не дало. На отдельных участках войска продвинулись до десяти километров и вынуждены были перейти к обороне. Бои отличались особым упорством и ожесточением. Поэтому главным их итогом стали огромные потери с обеих сторон.

Конев впервые именно здесь почувствовал себя командующим армией на войне. Войска удалось развернуть в боевой порядок, наладить связь и взаи-

модействие артиллерии, танков и пехоты, подтянуть тылы и обеспечить подвоз. Теперь он чувствовал, как дивизии и полки перемещаются в соответствии с указаниями штабов, как штабы реагируют на изменение обстановки. Сказать, что командарм часто бывал в войсках, на передовой, — это отделиться банальной расхожей фразой, которая, пожалуй, подходит к большинству военачальников. Но для Конева НП командиров дивизий, полков и даже батальонов станет местом постоянного живого общения.

Когда он к полудню вернулся в свой штаб в село Вадино, ему тут же доложили: оборона противника прорвана сразу на нескольких участках, в местах прорыва части первого эшелона имеют продвижение до десяти километров, захвачены богатые трофеи.

В эти дни фельдмаршал фон Бок записал в своём дневнике: “9-я армия докладывает, что противник ворвался в расположение наших войск на левом крыле VIII корпуса. 161-я дивизия истекает кровью и находится на пределе возможностей”. На следующий день, 20 августа, командующий группы армий “Центр” снова с беспокойством подводит результаты первых трёх суток боёв: “Прорыв на фронте 161-й дивизии оказался настолько серьёзным, что Гот, который временно принял на себя командование 9-й армией из-за болезни Штрауса, вызвал на подмогу свои последние резервы — 7-ю танковую и 14-ю моторизованную дивизии”.

Конев получил данные авиаразведки: из тыловых районов, где противник держал свои резервы, к фронту движутся колонны войск и бронетехники. Тут же на танкоопасных участках были созданы противотанковые районы. Дороги, переправы и броды минированы, переброшены резервы противотанковой артиллерии. Контрудар немцев натолкнулся на заранее подготовленную оборону.

До сих пор некоторые исследователи, говоря о Смоленском сражении 1941 года, продолжают утверждать, что немцы в тот период не располагали танками, что танковые группы были направлены на север и на юг, чтобы помочь сдвинуться с места двум другим группам армий, которые тоже были остановлены контратаками и упорной обороной Красной Армии. Но ведь танками в вермахте располагали и некоторые пехотные дивизии. Кроме того, моторизованный разведбат каждой немецкой пехотной дивизии имел бронетранспортёры и лёгкие танки. А тут — целая дивизия, 7-я танковая.

Немцы подтянули свои резервы, произвели перегруппировку и контратаковали. Бой произошёл 20 августа возле деревень Задняя и Потелица. Местами немцам удавалось прорваться через линии 19-й армии. Группы танков углублялись в тыл. Но тут их встречали на новых рубежах огнём противотанковых пушек, связками гранат, бутылками с зажигательной смесью. Бреша, пробитые танковыми атаками, тут же заделывали резервами, огнём артиллерии и штурмовой авиации. Вечером бой затих. Немцы отошли. В предполье перед окопами первой линии противник оставил 37 танков и бронетранспортёров, сотни трупов солдат. За три дня непрерывных боёв перед позициями 19-й армии противник потерял около 80 танков. Данные взяты из донесений штаба армии штабу Западного фронта. Правда, в приказ Военного совета Западного фронта № 03/ОП, который в те дни зачитывали в войсках, значится другая цифра немецких потерь — 130 танков. Что ж, надо понимать: приказ о первых значительных победах должен был воодушевлять войска на новые победы, формировать в каждом бойце и командире личное мужество и уверенность в том, что врага можно бить в каждом бою. В своих воспоминаниях маршал Конев, рассказывая о боях на Смоленской дуге, повторяет эту цифру, правда, со ссылкой на вышеназванный приказ: “...войска 19-й армии в этих боях уничтожили 130 танков, много орудий и миномётов, враг потерял тысячи человек убитыми и ранеными. Дни лёгких побед врага уже миновали”, — такой был вывод”. И далее: “Я привожу эти выдержки из приказов как подтверждение того, что советские войска в июле—августе 1941 года не только выдержали натиск врага на московском направлении, но и нанесли ему серьёзные ответные удары. Хотя немецко-фашистской группе армий “Центр” и удалось за эти два месяца продвинуться на восток до Днепра на 170 километров, но это был не тот успех, на который рассчитывало гитлеровское командование. Непрерывное нарастание сопротивления советских

войск, их героическая борьба спутали все карты неприятеля и снизили темпы его наступления до 6—7 километров вместо планировавшихся 30 километров в сутки. Группа армий “Центр” была вынуждена перейти к обороне”.

Оборону, однако, немцы держали прочно. 22 августа Гальдер записал в своём дневнике: “9-я армия отразила перед своим фронтом сильные атаки противника. Серьёзные потери понесла 7-я танковая дивизия (30 танков потеряно безвозвратно)”.

Безвозвратная потеря танка означало только одно: он повреждён настолько, что отремонтировать его, даже в тылу, в заводском цеху, невозможно — сожжён или взорван, и его разнесло по частям.

Читая приказы штаба армии и боевые донесения тех дней, сразу обращаешь внимание на характер и стилистику боёв, в которых уже чувствовался определённый почерк и оперативное искусство командующего. Массирование огневых средств на участке прорыва. Использование полковой артиллерии во время наступления пехоты, ведение огня с открытых позиций прямой наводкой в тот момент, когда батальоны уже поднялись и пошли, а огневые точки противника вдруг начинают оживать. Вот тут-то и необходимо было подавлять их огнём миномётов и лёгких 45-мм пушек, которые, по приказу командарма, должны были передвигаться вперёд вместе с боевыми порядками рот и батальонов. Среди приказов есть довольно жестокие: Конев приказывал беспощадно расправляться с теми командирами и начальниками, которые не используют малокалиберную и полковую артиллерию и тем самым ставят под губительный удар противника стрелковые подразделения.

Впоследствии маршал вспоминал о тех боях:

“Я доложил командующему фронтом Тимошенко об итогах боя под Духовщиной. Тимошенко поблагодарил меня и заявил, что к нам в армию приедет специальная комиссия. Из Москвы прибыли представители из артиллерийской академии, из Генштаба, из штаба Западного фронта, осмотрели поле боя, пересчитали подбитые немецкие танки и орудия. Подбито было 113 танков врага. Продвижение войск 19-й армии было довольно значительным, мы продвинулись на 15—16 километров и уже были на подступах к Духовщине. К моменту, когда на фронте, занимаемом 19-й армией, сложилась такая благоприятная обстановка, через штаб фронта мне позвонил Сталин. Он поинтересовался итогами наступления и спросил: “Не сумеете ли вы взять Духовщину? В Духовщине находится штаб 9-й немецкой армии”. Я ответил: “Немец оказывает бешеное сопротивление, все время подбрасывает свежие силы. Группировка немцев очень сильная”. Тогда Сталин спросил: “А вы можете обстрелять Духовщину из артиллерии?” Я ответил: “Могу. Духовщина находится как раз в пределах досягаемости нашей дальнобойной армейской артиллерии”. “Очень будет хорошо, если вы обстреляете Духовщину и будете непрерывно держать ее под огнём”. Я принял к исполнению этот приказ”.

В эти дни в газетах и сводках Совинформбюро публиковалось много материалов и сообщений об удачных действиях 19-й армии. В августе—сентябре из Москвы в 19-ю армию прибыл писательский десант: М. Шолохов, А. Фадеев, Е. Петров. Эта встреча известных писателей с генералом Коневым и его солдатами впечатлила и тех и других. Вскоре в журнале “Огонёк” появился очерк Евгения Петрова. Михаил Шолохов написал несколько очерков: “По пути к фронту”, “Первые встречи”. Многие впечатления и наблюдения, привезённые Шолоховым из поездки под Духовщину, впоследствии легли эпизодами, стали основой характеров героев романа “Они сражались за родину”, рассказов “Наука ненависти” и “Судьба человека”.

Встреча генерала и писателей запечатлена на известной фотографии.

Маршал вспоминал неожиданный приезд писателей так:

“Наша встреча в эти очень тяжелые дни была, как я считаю, полезной и для меня и для них. Для них она была полезна тем, что они увидели кусочки войны, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие ее писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для меня большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это создавало уверенность, что передовая наша интеллигенция готова до конца разде-

лить нашу участь и, веря в окончательную победу, выдержать тот страшный натиск немцев, который уже привел их на дальние подступы к Москве”.

В книге “Михаил Шолохов. Летопись жизни и творчества”, составленной Т. Кузнецовой, запись за август–сентябрь 1941 года самая подробная:

“1941, конец августа — начало сентября

С командировочным предписанием № 239 и пропуском № 27224/89 полковой комиссар М. А. Шолохов вместе с бригадным комиссаром А. Фадеевым и старшим батальонным комиссаром Евг. Петровым прибыл на Западный фронт, в расположение штаба 19-й армии, которой командовал Конев, в 229 дивизию генерала Козлова. В сосновых лесах восточнее деревни Вадино, в трех километрах от переднего края, во время боев под Духовщиной провел на боевых позициях несколько дней. Встречался в землянке с военкорами А. Бусыгиным, М. Штительманом, И. Котенко, Г. Кацем, А. Софроновым, А. Оленичем-Гнененко. Беседовал с лейтенантом Наумовым, сержантом Беловым и бойцом А. Недзельским. Опубликовал в № 100 солдатской газеты 19-й армии “К победе” статью “Пленные”. Присутствовал при допросе Вернера Гольдкампа, немецкого ефрейтора. (Статья была написана по свежим следам этого допроса).

Из воспоминаний И. Котенко, бывшего сотрудника армейской газеты “К победе”: “...К нам, армейским газетчикам, Михаил Шолохов и Александр Фадеев зашли на второй или третий день пребывания в нашей армии. Было это недалеко от смоленской деревни Вадино. Ал. Бусыгин (он дружил с писателями) попросил их написать что-нибудь для газеты. <...>

Уже к концу второго дня у секретаря редакции Михаила Штительмана лежали готовые статьи. Особенно заинтересовали “Пленные” Шолохова. О героизме советских солдат мы и сами писали, а вот о военнопленных не довелось...” (Котенко И. На главном направлении).

Софронов А. В. “...Осень 1941 года. В ту пору я находился в одном из московских госпиталей. Помнится, ко мне в госпиталь приезжали мои друзья, с которыми мы вместе служили в газете 19-й армии “К победе”. Друзья рассказывали о приезде в нашу редакцию Михаила Шолохова, Александра Фадеева и Евгения Петрова. Они в подробностях передавали долгие беседы с нашими армейскими журналистами, среди которых было и несколько ростовских писателей. Таким образом, Михаил Александрович хорошо знал обстановку, сложившуюся осенью 1941 года на Западном фронте” (Софронов А. В. Шолоховское. М.: Современник, 1973).

Солдатам передовой линии фронта М. А. Шолохов подарил томик романа Л. Толстого “Война и мир” с надписью:

“Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородина вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному знамени над рейхстагом.

До встречи в Берлине!

Ваш М. Шолохов”.

Там же, в шолоховской летописи, говорится о том, что по приезде с фронта в Москву Шолохов передал Сталину записку:

“Дорогой тов. Сталин!

Сегодня я вернулся с фронта и хотел бы лично Вам сообщить о ряде фактов, имеющих немаловажное значение для дела обороны нашей страны.

Прошу принять меня.

М. Шолохов.

2 сентября 1941 г.”

Состоялась ли встреча, о которой просил прибывший из-под Духовщины писатель, неизвестно. В списке посетителей кремлёвского кабинета Сталина Шолохов не значится.

Конев любил писателей. Боготворил их труд. Умел с ними дружить, и это качество сохранил на всю жизнь. До последних дней был страстным книголюбом. Толк в литературе знал. И обе дочери его, Майя и Наталия, получают филологическое образование и посвящают свою жизнь русскому языку и литературе.

А тогда, в конце августа под Духовщиной, его обрадовала встреча с товарищем юности Александром Фадеевым, которого он знал ещё комиссаром партизанской бригады Александром Булыгой, знакомство с автором “Тихого

Дона” и “Поднятой целины” Михаилом Шолоховым, одним из авторов “Золотого телёнка” Евгением Петровым. Судя по очеркам, фронтовым зарисовкам и статьям, знакомство с командармом на писателей произвело такое же доброе впечатление.

Но на этот раз пишущая братия явно перестаралась. Главный редактор газеты “Красная звезда” Давид Ортенберг любил рассказывать в редакции вот какой случай. Когда войска Западного и Резервного фронтов контратаковали ельнинскую и духовщинскую группировки немецких войск, по командировке “Красной звезды” на этот участок фронта были направлены несколько бригад корреспондентов и писателей. Наступление шло успешно. Начиная с 20 августа в газете каждый день стали появляться статьи и корреспонденции примерно под такими заголовками: “Успешные бои частей командира Конева”, “Новые успехи частей командира Конева”, “Части командира Конева продолжают развивать успех”. Случались дни, когда в один номер заверстывали по два материала: “Части командира Конева продолжают громить врага” и “Славные коневцы разгромили вражескую дивизию”. Так продолжалось до 28 августа. В своей книге “Июнь—декабрь сорок первого” Ортенберг так и напишет: “28 августа. Этот день мне запомнился...” Накануне в “Красной звезде” вновь прошёл развёрнутый материал, в котором сообщалось: “Весть об успехах частей командира Конева разнеслась по всему фронту. Главнокомандующий войсками Западного направления маршал Советского Союза С. Тимошенко и член Военного совета Н. Булганин издали специальный приказ, в котором поздравляют бойцов и командиров, нанесших крупное поражение врагу”. Приказ маршала Тимошенко, разумеется, лёг и на стол Сталину. Приказ завершился слова: “Товарищи! Следуйте примеру 19-й армии! Смело и решительно развивайте наступление!” Бдительный редактор Ортенберг, вычеркнул номер армии и написал: “...частей командира Конева”. Дело в том, что существовало предписание, согласно которому в печати и в радиосообщениях допускалась необходимая редакция для соблюдения режима секретности.

Ортенберг: “Все это, надо полагать, было понятно читателю. Если что и было неясным, так эти самые “командир Конев”, “части командира Конева”. Что это? Дивизия, корпус, армия, фронт? И кто такой этот самый таинственный командир Конев? Майор, полковник, генерал? Зашифровывали Конева и его армию, понятно, в целях сохранения военной тайны, хотя я не очень был уверен, что немецкая разведка не знала, кто именно воюет под Духовщиной. (...)

Кстати, сам Конев, конечно, знал, почему мы не обозначали его чин, армию, и все же спустя некоторое время, когда мы вновь встретились, он в шуточной форме мне напомнил, поздоровавшись: “Командир Конев!” Больше того, в середине 1944 года, когда я служил начальником политотдела 38-й армии, входившей в состав 1-го Украинского фронта, и вновь встретился с командующим фронтом Коневым, теперь уже маршалом, он, вспомнив, вероятно, мой приезд к нему в 19-ю армию и публикации “Красной звезды”, не без подначки весело сказал:

— Что, будем вместе служить в частях командира Конева?..

Вернусь, однако, к событиям августа сорок первого года. Итак, мы продолжали день за днём освещать ход сражения 19-й армии. (...) Всё как будто правильно. Но 28 августа на моём редакторском столе зазвонил кремлевский телефон. Меня предупредили:

— Сейчас с вами будет говорить Сталин.

И тут же я услышал его голос, со знакомым акцентом. Поздоровавшись, Сталин произнёс всего одну фразу:

— Довольно печатать о Коневе.

И повесил трубку.

Можно представить себе мое изумление. Почему довольно? Что случилось? Я помчался в Генштаб. Там сказали, что у Конева “всё в порядке”. Кинулся в ГлавПУР. Там сразу не смогли сказать ничего. Только ночью начглавпура позвонил и всё объяснил: оказывается, иностранные корреспонденты, ссылаясь на “Красную звезду”, чрезмерно раздули эту операцию, стали выдавать её за генеральное контрнаступление Красной Армии, а, как показали события, условий для перехвата нами стратегической инициативы тогда ещё не

было. В то время когда мы восторгались успехами Конева, на других фронтах наши войска оставили Днепропетровск, Новгород, Таллин, Гомель...”

Маршал Рокоссовский в своих послевоенных мемуарах оценивал бои на Смоленской дуге более скромно.

Обычно результаты боёв принято оценивать цифрами потерь. 19-я армия в августе—сентябре 41-го здесь, на Ярцевских высотах и на позициях по рекам Вопь, Лойня и Царевич отдала за каждого убитого немецкого солдата почти пятерых своих. Но в этих боях, не только армиями Западного и Резервного фронтов, но и всей Красной Армией было добыто иное: в войсках появилась уверенность в собственных силах. Именно в этих боях, под Ельней, родилась советская гвардия. Поколебленный в ходе летних боёв боевой дух Красной Армии был восстановлен и впредь возрастал от сражения к сражению, от битвы к битве.

23 августа немцы сделали ответный ход: на северном участке группа армий “Центр” атаковала позиции 22-й армии генерала Ершакова. Спустя двое суток были захвачены Великие Луки. 29 августа немцы овладели Торопцом.

Тем временем 19-я, 30-я и 29-я армии Западного фронта продолжали атаковать. Одновременно Резервный фронт 30 августа начал Ельнинскую наступательную операцию, успешно завершив её 6 сентября взятием Ельни. Противник был вынужден оставить ельнинский выступ.

Фон Бок уже не мог так свободно маневрировать резервами, потому что их попросту не осталось. 26 августа он сделал запись в дневнике: “Тот, временно занимающий пост командующего 9-й армией, давая оценку сложившемуся положению, упомянул о больших потерях, которые понесла его армия в оборонительных сражениях, и сказал, что, если ситуация не изменится, армии скоро придётся плохо”. В эти дни он предупредил командующего 4-й полевой армией фельдмаршала фон Клюге, что, если удержать Смоленск не удастся, 4-й армии также придётся отступать.

Но и Западный фронт исчерпал свой наступательный ресурс. Все резервы были буквально сожжены в гигантской топке под названием Смоленская дуга. 10 сентября пушки под Смоленском начали остывать. Ставка приказала фронтам прекратить наступление.

Удачные действия командарма-19 были замечены и по достоинству оценены в Ставке.

11 сентября Сталин назначил маршала Тимошенко командующим Юго-Западного направления. Там, в районе Киева, назревали крупные события. Маршал Будённый назначался командующим войсками Резервного фронта. А на Западный, по предложению генерала армии Жукова, решено было назначить командарма, особо отличившегося в ходе Смоленского сражения — командующего 19-й армией генерал-лейтенанта Конева с присвоением ему звания генерал-полковник.

Сталин понял: для того чтобы выстоять в войне и победить, на высших командных должностях в действующей армии нужны другие люди. Армия нуждалась в других маршалах, способных быстро реагировать и мыслить на поле боя иначе. Других маршалов у Сталина в то время не было. Но были другие генералы. И он начал искать их и находить в войсках, продвигать и даже опекать, зачастую прощая серьёзные ошибки в надежде на то, что завтра они, его молодые генералы, наученные опытом летних боёв, принесут ему победы, которые и определяют ход войны, а затем и её финал.

На огромном фронте, протянувшемся от Балтийского моря до Чёрного, прихотливые пути истории свели именно здесь, под Смоленском, троих генералов, которые впоследствии станут символами победы в Великой Отечественной войне. В середине августа генерал-лейтенант Рокоссовский возглавил 16-ю армию. Когда сосед справа, 19-я армия, атаковала на Духовщину на Смоленском направлении, 16-я армия наступала на Ярцево на том же направлении. Генерал армии Жуков тем временем будет выполнять приказ Ставки по ликвидации Ельнинского выступа. Через несколько лет они, все трое, получат маршальские погоны и закончат войну командующими войсками основных фронтов. Три маршала — три богатыря Красной Армии.

(Продолжение следует)